

Апология церковной веры

Предисловие

В добрые старые советские времена, когда крах капитализма был неизбежен, а в советской стране не было секса, в той далекой сказке жили-были люди только двух сортов: неверующие, которых большинство, и верующие, которые скоро должны были вымереть или перевоспитаться. Когда сказка кончилась, капитализм и секс пришли, куда надо и не надо, оказалось, что и верующих очень много разных сортов и неверующих тоже. Религиозная область заблестала своей цветущей сложностью. Оказалось, что она очень непроста. Во-первых, нашлось много разновидностей религиозной практики, во-вторых, блеснуло разнообразием и обилие около-религиозных мировоззрений.

Постараемся рассмотреть здесь те вопросы, которые ставят и решают люди, не принимающие христианскую веру и историческую христианскую церковь. Вопросы эти ставились автору в прямом и порой напряженном диалоге. Уровень дискуссии далеко перерос, как атеистическую литературу прошлого, так и христианскую апологику времен социалистической сказки. Новое время требует от христиан и новых усилий по защите и отстаиванию своей веры.

Но нужна ли вообще вере защита с позиции разума? Ведь есть немало людей, которые вообще привыкли разносить в разные стороны веру и знание, науку и религию и даже не желают искать между ними точки пересечения. Да еще и приводят себе в оправдание топором обрубленную цитату из Тертуллиана: «верую, потому что абсурдно». В оригинале, у древнего христианского автора эта цитата не звучит апологией абсурда. Смысл ее в том, что в мире, один раз за его историю, может произойти какое-то чудо, абсурдное с точки зрения неверующих людей. Например, рождение от Девы, воплощение Бога или его смерть и воскресение. И такие положения принимаются верою. Вот мысль автора, верная и не глупая. Но для веры в какие-то чудесные события или идеи должны быть весьма серьезные основания. Допуская возможность каких-то чудесных, необъяснимых событий, человек все-таки должен избегать обманов и мистификаций. Всякий из нас имеет право столь же афористично парировать цитирующих Тертуллиана:

- Но не всякому абсурду верю!

Для тех, кто с этим согласен, и предлагается все дальнейшее наше изложение.

Глава 1. Вера и знание

Само слово «апология», внесенное в заглавие книги, предполагает обращение к доводам разума в защиту христианской веры. Однако соотношение между верой и разумом остается весьма сложным. Мы живем и продолжаем жить в том мире, о котором знаем очень мало. Особенно о главных основаниях нашей жизни: откуда мы взялись и зачем? И уместен ли здесь вообще вопрос: зачем? Множество положений по ходу нашего дальнейшего изложения так и останутся в мире неведомого. На множество вопросов не будет ответа: ЗНАЮ. Волей-неволей прозвучит ответ: ВЕРЮ.

В области религии вере принадлежит решительное господство. Верою мы принимаем гораздо больше положений, чем определенно можем понять разумом. И, казалось бы, осознав этот факт, верующий обретает в нем повод к унынию. Но это преждевременно. Атеист знает столько же, объем совокупного человеческого знания является общим, особенно в век Интернета, и атеист, со своей стороны, точно так же стоит на громадном объеме ВЕРЫ. У него те же самые вопросы, где знание отсутствует, а ответ дается верою. Просто у атеиста другие ответы на те же самые вопросы.

С самого начала было бы целесообразно очертить примерно круг того, что мы о нашем мире знаем. Где кончаются силы нашего разума, и где начинается область веры. В этой области мы вынуждены строить предположения. Эти предположения могут быть более или менее разумными. Но разрешить их с помощью знания уже невозможно.

Итак, мы знаем, что разум у нас есть. Мы все-таки мыслим, причем абстрактно, следовательно, существуем, как люди, а не как животное-растительные организмы. Разум позволяет нам приблизительно познавать окружающий мир. Реальный окружающий мир. Реально его познавать, хотя и не точно. Это самое первое наше знание.

Если и это не есть знание, если мы неразумны, если мы познаем только собственные иллюзии, или нет вокруг нас реального мира, то разговор заканчивается уже здесь. Не веря в реальность своего разума, веря в его иллюзорность, мы отказываемся от того, что отличает нас, как людей. Очевидно, в эту область идти нет смысла.

А если наш разум существует, и окружающий мир он способен понять, то в область нашего знания должен быть включен тот факт, что наш мир устроен очень разумно. Причем в целом разумность мира соответствует разумности нашего разума. Наша математика, зачастую опережающая физику и кажущаяся нам только игрой воображения, как оказывается дальше по ходу развития науки, вполне применима к описанию окружающего нас мира. Хотя, конечно, тоже приблизительно. Наша вселенная оказывается построенной «математично». В ней действуют универсальные законы, четко согласованные друг с другом. Мир подобран по фундаментальным постоянным очень точно. Он настроен одним Разумом, много высшим человеческого, но этот Сверхразум вполне адекватен нашему малому разуму. Законы мышления у Инженера мира и у нашего инженера – одни и те же! Это одна и та же математика. Просто человек познал математику слабее, чем Тот, Кто ее создал. И это неудивительно, так и должно быть. Написавший на нашем мире целый учебник математики, конечно, знает предмет лучше любых своих учеников.

Законы природы универсальны. Строительные кирпичики нашего мира – атомные, субатомные частицы, тоже одинаковы повсюду. Конечно, мы не можем знать о границах нашей Вселенной, мы не можем измерить заряд электрона в другой галактике прямым опытом. Но все наблюдаемое в космосе говорит о том, что законы природы во всей вселенной одинаковы. Физика и химия в этой вселенной одна. Кроме того, и вся жизнь на нашей планете устроена на основе одних и тех же живых строительных молекул. Генетический код жизни, точнее, алфавит и синтаксис генетической информации, один. Один язык наследственности, если уж совсем просто сказать. На уровне молекул от вируса до человека все живое едино – и в частности по этой причине существует круговорот биологической материи на земле. Грубо говоря: хищники едят червей, черви разлагают трупы хищников. Планета не завалена умершими останками растений и животных – по этой самой причине. Из этого должен вытекать единственный и очевидный вывод: биология земли сделана одним Разумом, причем Тот же разум создал и основу для нее во всей вселенной.

Еще одно научное знание стало достаточно убедительным и достоверным в XX веке. Наш мир не является вечным, он однажды возник и не рассчитан на вечное существование. Похоже, сейчас в этом никто уже не сомневается. Возможно, было время, когда нашей вселенной не было. Вероятнее, впрочем, что само время возникло вместе с нашим миром.

Один разум и один план одного таинственного Математика создали в этом мире его физику на основе математики, химию на основе физики, биологию на основе химии. На верхушке как-то оказался человек, способный понять изначальную математику этого мира. И круг замкнулся.

Один разум и один план – это на нашем сегодняшнем уровне науки уже знание.

Вариант пантеизма и материализма

Но не спешите. Это не значит, что мы доказали бытие библейского Творца, бытие Того Бога, как Он представлен в Библии. До этого еще очень далеко. Забегая вперед, скажем, что Библейский Бог-Творец – это предмет веры, а не знания. И по этой причине никому не удастся дать исчерпывающее доказательство Библейского Бога, ряд апологетических работ в Его защиту растет параллельно ряду работ, опровергающих Его, и такая картина сохранится, видимо, надолго.

Пока перед нами только разумно устроенный наш мир. Но не решена (и вряд ли разрешима наукой) еще куча вопросов. И они не скрыты от людей, эти вопросы часто ставятся и озвучиваются.

Может быть, разумность устройства природы в ней самой? Пантеисты и, возможно, некоторые атеисты именно так и считают. Поэтому свою богиню Природу пишут с большой буквы. С их точки зрения Природа разумна сама в себе. Нет стороннего источника разума по отношению к этой Природе. Нет личного носителя разума, кроме ограниченного в своем знании человека. Нет такой концентрации разума в одном «объекте» или «субъекте», который обладал бы всем знанием о мире. Природа – богиня собирательная, персонифицировать ее нельзя (следовательно, и помолиться ей невозможно), но она рассредоточена в мириадах объектов, хранящих общую разумность.

Есть такая точка зрения. Материализм в чистом виде и похожий на него пантеизм. Знание ли это? Нет, это тоже свое религиозное убеждение, своя вера.

Можно ли эту веру прямо опровергнуть, неким «ударом в лоб», применив достоверное знание? Сложно. Мы уже вышли за границу знания в область веры.

Есть косвенная проверка справедливости такого воззрения. Это проверка мира на динамику. Мир развивается, он меняется. Если стороннего, трансцендентного разума нет, если весь разум природы в ней самой (имманентен), то такой природный разум должен напоминать самоустанавливающуюся программу, которая разворачивает сама себя, не нуждаясь в сторонней причине. Это вроде как подключить модем или принтер к компьютеру, а дальше он уже сам себя распакует и установит.

Саморазворачиваемость мира – вот было бы неплохое свидетельство в пользу материализма и пантеизма. Разворачивать – по-латыни значит эволюционировать. Эволюция – саморазвертывание. Если это свойство природного разума, то это было бы серьезным свидетельством против наличия у мира стороннего Творца. Поэтому, конечно, за идею эволюции материалисты стоят насмерть.

Иными словами, в неживой природе должны быть заложены такие невидимые, скрытые возможности, которые при любых благоприятных условиях заставляли бы материю усложняться и прогрессивно развиваться ко все более и более развитым, структурированным формам, от неживого – к живому, от простого живого – к более сложному, наконец к человеку, существу, наделенному разумом. Человек в картинке восходящего мироздания является первым существом, способным понять основы мироздания, провести этим своим познанием некую обратную связь ко всем этапам материи. А, следовательно, он становится таким существом, которое (теоретически) может собрать воедино и персонифицировать весь рассеянный разум Природы. А значит, он получает власть над этой богиней, ибо, как привык он говорить, восхваляя сам себя: ЗНАНИЕ – СИЛА. Высшим богом становится сам человек, властитель, покоритель природы и т. д.

И все это возможно, если разум Природы включает такую штуку, как эволюция, причем всеобщая, восходящая, прогрессивная. А если нет?

Так вот, вторая часть нашего знания об окружающем мире сводится к тому, что у веры в эволюцию существуют очень серьезные проблемы. Решительным и прямым доказательством эволюции могло бы служить только прямое наблюдение. Нужен наблюдатель, который видел бы возникновение жизни на земле, как бы она ни возникла и способный понятно нам донести свои наблюдения. Поскольку такого наблюдателя, очевидно, не существует, то и вопрос эволюции ни положительно, ни отрицательно не решится никогда. Извините, наша наука не видела ничего, что происходило здесь даже пару тысяч лет назад, не говоря о больших сроках.

И все-таки, наш мир гармонично включает в себя законы термодинамики, которые вместе как будто не разрешают материи усложняться и структурировать себя саму. Между тем простейшая живая клетка настолько сложна, что даже очень высокий человеческий разум, наделенный неплохой нанотехнологией, до сих пор не в силах создать даже крохотный фрагмент живой клетки совсем из неживой материи. При этом единицей жизни считают клетку, а не вирус. Только клетка способна к самовоспроизведению. Но при этом упускают из внимания, что первая и единственная клетка, которая каким-то образом возникнет, обречена в окружающем ее мертвом мире на немедленную смерть. Более того, практически все многоклеточные организмы связаны многочисленными

симбиотическими связями с микроорганизмами. В человеке живут сотни видов разных необходимых ему бактерий, без которых он не сможет жить. И любой человек, накачанный хоть раз антибиотиками, это прекрасно знает на опыте. Создавая жизнь, нужно одновременно создать, как минимум, массу разных клеток, способных взаимодействовать друг с другом по принципу пищевых сетей. Чтобы, грубо говоря, одни амебы поедали других. А создать одновременно множество живых организмов в их взаимной связи – это еще более невероятно, чем создать только один.

Рассуждая аналогично, можно прийти к выводу, что единицей жизни, способной к воспроизведению, является не одна клетка, а некая совокупность организмов, своего рода биоценоз, или «биосфера в миниатюре». И каков ее минимальный размер – сложно даже себе представить. Еще сложнее представить, как в нашем мире, где структуры стремятся к разрушению, любой порядок стремится к хаосу, где сама собой не возникает ни информация, ни структура, - как в этом мире может возникнуть сама собой столь ОГРОМНАЯ минимальная «единица жизни».

Но даже и возникнув раз по каким-то непонятным законам, эта единица жизни, эта «минимальная биосфера» вовсе не проявляет, как видим, стремления усложнять себя и развиваться. Против эволюции живой природы существует множество научных данных, которые здесь рассмотреть нет возможности. Есть, впрочем, и такие факты, которые допускают истолкование в рамках эволюционной модели.

Помимо этого, нельзя считать однозначно решенным вопрос и о возрасте самой земли, на которой протекает жизнь, о возрасте слагающих землю пород и о путях их возникновения. Главнейших проблем здесь две. Первая: океан за сотни миллионов лет должен стать насыщенным раствором (имеются серьезные расчеты накопления солей в океане). Вторая проблема связана с эрозией континентов и отдельных их участков. Грубо сказать: реки слизывают свои берега. И темп этой эрозии можно наблюдать. Он тоже говорит достаточно ясно и однозначно о том, что на планете не может быть мягких пород в бассейнах рек, которым можно присвоить возраст даже в десятки миллионов лет. Все это ставит под сомнение традиционный в науке возраст жизни на земле. Это не 500 миллионов лет, а, как минимум, в десятки раз меньше. За такие сроки никакая предполагаемая эволюция живого не способна решить задачу превращения амебы в человека.

Короче, как минимум, эволюция не является однозначно доказанным процессом в природе, она ни разу не наблюдалась прямо, на живых объектах, и имеет немало проблем, как научная теория. А скорее всего, она просто невозможна, и никогда не протекала на земле.

Итак, перед нами новый вопрос веры. Одни верят в эволюцию, другие – в ее отсутствие. Свидетельства и косвенные доказательства приводят обе стороны, но на наш взгляд, эволюция скорее невозможна, чем возможна. И очень маловероятно, что, даже если она возможна, то она является таким универсальным процессом, который сформировал все разнообразие жизни на земле.

Но что это значит, для нас?

Это означает еще один разрыв в теории самопроизвольного усложнения материи. Живая клетка не могла возникнуть самопроизвольно, по законам мертвой природы. Теперь оказывается и возникшая как-то жизнь вряд ли могла усложняться, и в итоге из амебы вряд ли мог появиться человек. Но есть еще и иные точки разрыва теории непрерывного восхождения от протона к человеку. Один из них – это исчезающе малая вероятность возникновения солнечной системы с планетой, приспособленной под жизнь, расположенной и вращающейся строго там, где надо и как надо, и содержащей точный химический состав, атмосферы, земной коры и мантии. Все эти параметры на земле настроены удивительно точно и согласованно.

Все в совокупности это больше похоже на чудесно тонкую работу инженера, художника, архитектора **со стороны**.

Проклятые вопросы

Где-то здесь наше знание по большому счету кончается. Во-первых, наш мир разумен – это очевидно. Во-вторых, он имел начало, не существовал в прошлом бесконечно долго. В-третьих, его способность к самопроизвольному развитию, исходя из его внутренних законов, как минимум,

крайне сомнительна. Вот, кажется и все, что мы о нашем мире знаем. Остальное не более чем подробности того, как мир устроен сейчас, как он функционирует. Для выведения двух сформулированных только что выводов потребовался огромный массив проанализированных фактов. Но никакие научные данные при этом не входят в область религиозных вопросов. Постараемся их кратко сформулировать, причем поближе к тому, как эти вопросы ставят противники библейского Бога. Допустим, что мы уже добрались до убеждения, что у мира нашего есть сторонний, разумный Источник. Хотя даже это предмет веры в большей мере, чем предмет знания. Но и после этого остаются следующие вопросы.

Является ли сотворивший нас Разум личностным началом? Или, может быть, мы творим бога по своему образу и подобию, перенося на него свои черты личности?

Вполне ли разумен и непротиворечив его замысел, в который включена смерть? Жизнь находится в круговороте, она уравновешена со смертью – хорош ли такой замысел?

А может быть, Верховный Разум не есть тогда творец нашего мира? Может быть, наш мир создан разумом, высшим человеческого, но все-таки не совершенным, не абсолютным, даже не добрым?

И участвует ли Создатель в жизни этого мира сегодня? Может быть, создав мир, Творец устранился от него, заложив только мертвые и бездушные законы бытия?

И если даже Творец у мира есть, Он добр и разумен, Он обладает атрибутами Личности, то почему в его мире все друг друга едят, даже люди? Откуда такой мифологически наивный сюжет возникновения в этом мире греха и зла, как изложен в Книге Бытия? Разве все зло в мире происходит только от человеческого греха?

Правильно ли Библия описывает нам портрет Бога? Далеко не всем людям этот портрет симпатичен. Если Бог добр, не мог ли Он в Библии представиться как-то получше, более высоким, неизменным, не столь мстительным, не выбирающим любимые народы?

Этими вопросами мы дальше и займемся, но пока отметим, что ни один из них не решается научным путем. Наше знание здесь совершенно бессильно. Мы уходим в область веры. Каждому хочется, чтобы его вера была разумной, но мало этого, хочется, чтобы она и «душу грела». А разум и душа у всех очень разные. Соответственно, разными будут и оценки того, какой именно из ответов на любой из этих вопросов может считаться разумным и греющим душу.

В самой жуткой форме ставятся главные религиозные вопросы – о вечности, о посмертном человеческом бытии. Именно эти вопросы по праву заслужили громкое название проклятых. Это вопросы цели. Еще одно важнейшее наше знание, единственно достоверное наше знание, которое мы не успели вывести на среду, придерживая до этого момента изложения. Это знание о том, что на земле мы не пребудем вечно. Если я – это только тело с рефлексамми, а тело – только мешок с органами, то какой смысл в религии? Какой смысл и в жизни? Прожить земную жизнь можно и чисто биологической жизнью, без религии. Только и это – зачем? Разум, имеющий представления о вечности и бесконечности, сам ограничен и временен? Сгинет без следа – и ничего не останется? Тогда зачем он?

А с другой стороны, того же человека пугает и вечная перспектива. Что там? Мы привыкли напевать: «Вечной покой сердце вряд ли обрадует»... Неужели там – вечное подобие земной жизни, которая успела надоесть уже здесь и сейчас?

Страшное заячье наше существование: и жить, как есть, не хочется, и умирать страшно. Кстати, заметим, что никакая религия от этого не спасет, не снимет автоматически проклятых вопросов. Эти вопросы пугают и давят глубоко верующих людей, подобных Иову и его друзьям.

Недавно проведенный опрос ВЦИОМ показал, что лишь треть россиян верят в какое-то посмертное бытие, причем, в переселение душ – 5%, в рай и ад – 7%. Остальные 20%, признающих за гробом хотя бы что-нибудь, теряются в догадках относительно всего этого. (Все проценты исчислены здесь от ста процентов опрошенных). Верующие в рай и ад – это и мусульмане, и любые сектанты, и возможно, еще кто-нибудь. Короче говоря, очень немного в России людей, готовых верить в то, что уготовал Библейский Бог верующим в Него. Мало того, что человеку трудно верить в любящего Бога, имеющего на заднем дворе ад, это само собой понятно. Но еще хуже то, что вечный покой библейского Бога почему-то совсем не радует человеческие сердца.

Это человек позапрошлого века *рад бы в рай, да грехи не пускают*. Современный человек и от грехов бы, может быть, как-то отпугнулся, - да в рай-то не очень хочет, не слишком будет там рад! Вот в чем настоящая проблема сегодняшнего дня.

Кстати, приведенные цифры неплохо бы сопоставить с результатами подобных же опросов относительно веры в Бога и причисления людьми себя к определенным конфессиям. Так себя считают православными в той же современной России не менее половины опрошенных, очень значителен процент других христианских исповеданий, а также мусульман. Незначителен процент идейных атеистов. Казалось бы, верующих много. Процент регулярно читающих молитвы и приступающих к религиозным обрядам и таинствам всех конфессий – этот процент далеко и широко перекрывает те семь жалких процентиков, которые веруют в рай и ад, у которых религия направлена на вечность. Явление интересное и наводящее на грустные мысли: религия существует, как некая общественная идеология, как сборник нормативов поведения, как основа культуры и традиции, - то есть всецело для земли и земного. Но ведь, если на минуту забыть о процентах и спросить любого человека: где же должна быть цель религиозной веры и деятельности? неужели не на небесах? – пожалуй, всякий признает, что «религия давалась ради небес». С таким внутренним раздвоением у большинства верующих, пожалуй, сложно говорить о духовном подъеме в нашем обществе. Можно говорить о религиозном подъеме, который с социальной и государственной точки зрения, скорее хорош, чем плох. Но о духовном подъеме, в прямом смысле этого слова, говорить не приходится. Процент тайных верующих времен советской сказки, возможно, удвоился или вырос в полтора раза. Но должно честно и четко признать существующую цифру в семь процентов, и пока ни о чем большем не мечтать.

Ведь наша книжка и пишется, скорее, для этих семи процентов, чтобы им помочь сохранить свою веру. Ведь они и без нас сталкиваются в жизни с обозначенными нами выше вопросами, поставленными неверующими и не слишком доброжелательными к вере людьми.

Пока же видим, что место нашей веры в основах нашего мировоззрения очень велико. Поле нашей веры на порядок-два шире, чем поле нашего знания. Знаем мы гораздо меньше, чем то, во что мы верим.

И здесь-то мы найдем первое и неожиданное подтверждение христианской доктрине. Так и должно быть в том мире, где Бог дал внутреннюю свободу сотворенному человеку. Так и должно быть в мире, где человек не может представить Богу свои свершения и получить за них награду, где единственное, что мог бы Бог взять с человека, за что отметить его – это вера. Мне доводилось читать книжку одного апологета под таким наивным названием: «Зачем верить? Бог есть!», где речь шла о разумном замысле в природе. Уже и наших прочитанных страниц, пожалуй, достаточно, чтобы показать: верить очень даже есть зачем! Разумный замысел не дает ответ на все вышеперечисленные вопросы, которые ставит нам жизнь. Жизненные скорби, порой пытаются и режут тот наш невидимый «орган ума и сердца», где рождается и живет наша вера, и проклятые вопросы встают перед верующим человеком снова и снова во всей их беспощадности. Эти вопросы достаточно абстрактны, но к каждому верующему сердцу они имеют самое прямое, жизненное отношение. Притом еще мы не добрались даже до еще более злых и противных вопросов, обращенных к Иисусу Христу и к Его Церкви. Это еще впереди. Мир мысли и помыслов, не покоряющихся Богу и Христу Его, этот мир обширен, он всегда оказывается шире, чем мы думаем. Двинемся же в него бодрыми стопами.

Глава 2. Разумный, добрый, единственный

Я и не Я

Итак, мы признали над миром существование разумного источника.

Но является ли Он существом, которое нас слышит, и к которому есть смысл обращаться? Может ли Он о себе самом сказать: Я, отличая его от всякого «не я»? Помимо разума есть ли у Него желания? Хочет ли Он что-нибудь и от кого?

Здесь, конечно, не может быть однозначного и научно доказанного ответа. Это область веры. Мы скажем: да, наши оппоненты скажут: нет, но каждый должен сказать при этом честно: мы так веруем.

Однако и в области веры должны быть какие-то разумные основания. В старичка-на-облачке и в розового слоника верить все-таки явно неразумно, хотя и про них никто не может представить исчерпывающего опровергающего доказательства, что таких персонажей не существует.

Итак, разумное обоснование нашей веры (хотя и не научное!) вытекает из принципа причинности. Этот принцип гласит, что чего-то совсем уж беспричинного не бывает, всякое явление или вещь имеет задатки в своей причине.

Мы видели, что наш разум в каком-то смысле конгениален Разуму Создателя. Он заложил математику в мир – мы способны ее отчасти понять. И это не иллюзия. Так и должно быть, если и нашему разуму причиной служит Он Сам. Тогда понятно, что принципы нашего разума Он подобрал под свои собственные.

Но в нас разум еще и персонифицирован. Наш разум не сразу занимается математикой. Сначала ребенок научится отличать себя от мамы, от других людей, от кошки, от игрушек. Сначала у ребенка появляется разделение «я - не я», потом входит всякое прочее знание. И в дальнейшем мы ничего не узнаем о мире иначе, как персонифицированным разумом. Любое новое учение или сведение понятно или непонятно лично мне. В том числе и Бог неведом лишь относительно нас, а не Сам в Себе – Самого Себя, вероятно, Он знает. А для нас любое знание субъективно, оно до какой-то степени мерится нашей личностью. Наш разум «работает» в личностном режиме. Газы в своем животе и сухость во рту мы познаем не так, как написано в учебнике или как нам объяснили. Любая информация, которую мы узнаем, касается нас или не касается, ни одна не существует вне этого личностного измерения.

Тогда почему бы не допустить, что и наш Творец тоже отличает свое Я от «не Я»? Иначе как бы Он смог научить этому нас? Ведь наш разум Его Разуму конгениален. Если Он не личностен, то попробуйте тогда отличить его от прочей, как бы им сотворенной природы? Во всяком случае, не личностный Творец не отличит себя от своего творения, и, следовательно, будет зависим от него. В таком случае нам надо возвращаться к пантеистам и верить в эволюцию, которая не наблюдается...

В принципе, большинство людей спокойно идут именно этим путем. Сознательно или бессознательно. Это удобно. Вроде, ты и ничего не обязан давать своему мертвому богу, и с возможным Творцом не идешь на прямую конфронтацию. Это вера в мертвого бога – природу, эволюцию или что-то такое. Этот бог не кто-то, а что-то, удовлетворяет он многих, но не всех.

Итак, разумна ли вера в Личного Бога? Да, разумна. Это не значит, будто мы имеем знание о том, что Бог обладает личностными свойствами. Мы не знаем, а верим. Но наша вера в данном случае разумна.

Здесь и далее по ходу не раз возникает такое возражение неверующих людей. Они говорят, что мы свои собственные качества проецируем на Бога, что сам метод нашего суждения: снизу вверх по аналогии, порочен в принципе. Ведь мы о причине судим по ее следствию, а не наоборот. И так поступать некорректно. В итоге мы творим себе совершенно человекообразного Бога. Вроде хватает ума не приписывать Богу хотя бы руки и ноги, но в душевном смысле антропоморфизм получается полный. Наш Бог – это просто идеализированный характер человека. В итоге, не Бог создал нас по своему образу и подобию, а человек создал себе бога по своему подобию. Что можно на это возразить?

Действительно, зная следствие судить по нему о его причине – это некорректно. По крайней мере, делать надо это очень осторожно. Но ведь и наука наша о прошлом постоянно занимается именно этим. Мы имеем следствия – ныне живущие виды растений и животных, ныне лежащие геологические породы, - и по этим следствиям гадаем об их причинах. И по-другому мы просто не можем. Если уж строго следовать этому принципу, то и вся эволюционная теория оказывается столь же некорректной, то есть, не научной.

С другой стороны, для нашей Вселенной ее Творец – причина уникальная и единственная. Вся некорректность в суждении о причине по ее следствию основывается именно на том, что наблюдаемое нами следствие могла вызвать **другая** причина. А вселенная создана по единому

общему плану, создана одним разумом. Если так, то причина мира – одна. Мир возник, он не был вечно. Если так, то у Вселенной должна быть причина, причем универсальная, уникальная причина, в которой одной скрыты все частные причины всех явлений и вещей. Таким образом, натяжка в рассуждении от следствия к причине снимается. Если причина **одна**, то по следствию, по характеру следствия, об этой причине судить **можно**.

Итак, если мы мыслим только личностно, отделяя я от не я, то и у Первопричины нашего разума тоже должно быть где-то это самое фундаментальное свойство нашего мышления. Иначе, откуда оно взялось в нас самих?

Желательная сторона

Отличая Я от не Я, может ли Творец чего-то хотеть? Это просто Разум – или же разум с желаниями? Существует ли у Бога воля Божия?

Мы верим, что да: Бог хочет, Он ставит цели и их достигает. Опять же, не знаем, но верим. И вот разумное основание и такой веры.

В творении вселенной масса всяких частных целесообразностей. И деятельность человека полна целесообразностью. Что это означает? Целесообразность подразумевает, что для обеспечения бытия и функционирования какой-то игрушки требуется четкий план и четкое по нему исполнение всех деталей, входящих в игрушку. Возьмите простой амбарный замок, мышеловку, авторучку, часы, компьютер – что угодно. Чтобы механизм работал, все его детали должны быть продуманы и подогнаны для единой общей задачи. Соответственно, если игрушка входит в состав другой игрушки, более высокого порядка на правах сложной детали, (как двигатель в автомобиле), то она, став сама деталью, подчиняется тому же принципу: среди других деталей она должна встать точно на свое место и обеспечить согласованную с другими деталями работу.

И так возникает целая иерархия целей и целесообразностей. Конечная цель одна (автомобиль поедет, а самолет полетит), но все из чего сложная игрушка состоит, все системы, все их узлы, все агрегаты узлов и все детали агрегатов должны быть изначально продуманы сверху вниз, и каждая деталь соответствовать своей цели.

Иерархическая система целей – вот признак наличия целесообразности. Это признак того, что кроме вопроса «почему?» имеет смысл вопрос «зачем?». Это значит, что некий разум ставил цели.

Живой мир, начиная с клетки и кончая всей биосферой в целом, буквально набит иерархическими системами. Детальки в маленьких деталях, маленькие детали в больших и так далее, пока клетка не заработает и не станет отвечать своей цели: клетка питается, дышит, растет, размножается. Принципы Божьего творчества очень похожи на принципы нашего технического творчества, причем именно в отношении целесообразности. Только вместо Единого Божьего разума, у нас коллективный. Генеральный конструктор планирует, допустим, самолет в общем эскизном плане, распределяет места, где должны быть вписаны двигатели, баки, кабина, оружие и так далее. Эти задания раздаются по отделам: такую-то систему с таким-то весом и такими-то параметрами сделать и вписать в такой-то габарит и вес. В системе разрабатываются агрегаты, разрабатываются детали для них. От главной цели мысль движется ко множеству частных идей. Конструкторские идеи иерархичны по самой своей природе.

Но то же самое, точь-в-точь, мы видим и в живой природе. Любая клетка и любой макроорганизм построены точно так же: общий план, в который вписаны системы и органы, обеспечивающие все необходимые функции. Все заточено под общий полет птицы, ее питание, дыхание, репродукцию. Для любого конкретного органа всегда можно указать его функцию в общем проекте: для чего эта кость или это легкое, для чего эти клетки или те. Полно вопросов: зачем? – и есть вполне корректные правильные ответы. Все эти вопросы не являются бессмысленными.

Итак, целесообразность существует.

Если есть целесообразность в разумно устроенной системе, значит, у Конструктора есть желания.

Если не бессмыслен вопрос «зачем?», если у него есть внятный и точный ответ, значит, кто-то этого **всего хотел**.

Творец обладает волей. Верить в это вполне разумно.

Тут вновь у неверующих возникает возражение об антропоморфизме. Нам говорят: это вы так захотели увидеть цели, а на самом деле целей нет, есть причины. Это только, мол, нам так кажется, потому что мы сами ставим цели, мы привыкли это делать, вот, и судим по себе. А природа лишена любых целей.

Что можно на это ответить?

У людей тоже есть разумная, но бесцельная деятельность. Разумная, но не целесообразная. И ее результатом не являются какие-то более-менее сложные функционирующие системы (изделия, инструменты). Пусть математики меня простят, но в пример такой разумной нецелесообразной деятельности я приведу решение задач по математике, не имеющих физического применения. Найти седьмой или сотый член арифметической прогрессии. Разумная задача? Да, конечно, нужно вспомнить правила, формулы, применить их. Но эта деятельность не целесообразна. Никому не нужно само найденное число. Только побочный эффект – бал в экзаменационной сумме или развитие способностей. Но это – цели побочные. На них не влияет само число, будь ли там семь или сто, не это важно. Важно отгадать верно, применив начатки разума. В итоге такой деятельности не получается никакая функционирующая система.

Тот же расчет по тем же формулам в инженерном деле уже будет иметь прямую целесообразность. Там сечение несущей балки в 300 или 310 квадратных сантиметров – уже огромная разница. Здесь найденное число важно само по себе. Потому что деятельность целесообразна, и расчетный результат в нее входит, как составная часть.

Итак, разумная деятельность целесообразна не всегда. А если она целесообразна, то эта целесообразность объективна. Подчинение мелких деталей и систем целому – это столь же очевидный, наблюдаемый факт, что в живой природе, что в технике. Это не есть плод нашего воображения. Разум, изумительно точно подобравший, как формулы законов природы, так и входящие в них фундаментальные постоянные, явно подобрал это все не случайно, а потому, что поставил какие-то цели для будущего. В результате все просто: мы появились и сейчас существуем, мы пишем, вы читаете.

Мир целесообразен. Это объективно. Звезды зажглись.

Значит, это Кому-нибудь нужно.

Завел часы и ушел

Итак, мы, похоже, нашли Бога сторонним по отношению к природе, разумным и личностным, желающим и умеющим устроить целесообразность. Здесь можно добавить еще и всемогущество Творца, как минимум, относительно своего творения.

Верить во все это вроде бы разумно.

Но что дальше? Человек вокруг себя видит слишком много зла. Человек с телевизором и интернетом видит ежедневно еще больше зла на всей планете. И, как показывает практика, именно зло в мире, начиная от сердитой бабки у церковного порога и кончая всеми мировыми злодеями, и служит главным, основным искушением для веры в библейского Бога. И так сложилось уже очень давно. Древнейшая книга Библии – книга Иова от начала до конца ведет речь именно об этом.

В мире есть переплетение добра и зла. Мы (хотя бы и не всегда правильно) умеем их различать. Добро воспринимаем как должное, не замечаем, (про благодарность лучше и вовсе промолчать), а на зло реагируем болезненно и не всегда адекватно. И над таким-то миром нужно допустить бытие и управление благого, разумного, неотступного Творца? Человеческий разум не спешит здесь покориться, выступает против. В следующих вариантах обвинений к Богу:

- не вполне разумен,
- не добр,
- не один, и даже не главный,
- не управляет.

Все четыре обвинения можно перечеркнуть одним доводом «божественного агностицизма»: **не отчитывается** перед людьми. (Кстати, это главный ответ книги Иова, коль скоро мы ее тут вспомнили). Разум Божий не вмещается в человеческий, поэтому Бог и не может довести до нас все тайны и пути своего действия в мире так, чтобы до нас это дошло. Неизмеримо меньший не может требовать отчета у неизмеримо большего. И хотя к этому доводу не раз прибегали библейские пророки, начиная с книги Иова, и он, разумеется, очевиден и справедлив сам по себе, он все же недостаточен. Ведь цель призыва к вере – примириться с Богом, а не просто, получив от него отказ в объяснении, продолжать терпеть, стиснув зубы. Поэтому и протесты против Бога следует осмотреть и осмыслить все по одному.

Начнем с последнего из приведенных четырех.

Пока мы говорили только о происхождении мира и пришли к тому, что верить в личностного и разумного Творца – это разумно. Сверх Его творческой деятельности мы пока не продвинулись. Может быть, он завел мировые часы, поставил законы физики, задал константы и граничные условия – и ушел. Отстранился от мира?

Почему мы верим, что это не так?

Первое, что приходит здесь на ум – ссылка на чудеса. Изредка случаются необъяснимые и физически невозможные события, которые, тем не менее, фиксируются современниками. И хотя 99% сообщений о любых чудесах сомнительны, все же это явление полностью исключить очень сложно. Как минимум, для этого нужно очень большое знание о всех такого рода событиях.

Но чудеса здесь не главное. Есть вещь поважнее. Это наша собственная свобода и непредсказуемость. Во власти человека, по крайней мере, некоторых людей, лежит способность выбирать пути и управлять своими действиями. Пусть, в рамках физических и социальных законов, но мы можем совершать некоторые поступки по своему произволу. Мог бы Наполеон не вторгаться в Египет или в Россию? Мог бы. И история пошла бы немного другим путем.

А раз такое может человек, то почему не может Бог? Откуда наша свобода волевых решений, если план Божий сам закован в кандалы? Дать своей твари свободу произвола и не иметь ее Самому? Разве это не странно?

Конечно, фаталисты имеют возражения. Мол, и Наполеонова свобода была иллюзорна, и он не мог бы поступить иначе. Но здесь есть явная логическая ошибка. Задним числом объявить, что свершившееся должно было свершиться – это некорректно. Ведь сам полководец прежде думает, проводит бессонную ночь в мучительных раздумьях: а не перейти ли Неман? А не сдать ли Москву? Вот в эту ночь этому человеку попробуйте доказать, будто его решение уже решено за него!

Нет, решение принимается человеком и принимается в свой момент времени, оно выбирается из небогатого, но вполне реального набора разных возможностей.

В мире людей все-таки дело обстоит именно так. А если так, то неужели мир отдан на управление от Разумного Бога неразумным тварям? На бесконтрольное управление-растерзание? Можно ли в это поверить?

Поверить можно. Но эта вера не будет разумной. Не будет она и конструктивной. Ведь человеку хочется иметь высокую цель жизни, найти в ней смысл. Вера **смертного человека в Божественную бессмыслицу**, подрубает человеку все крылья. Это извращение мысли, за которым логично должно последовать извращение жизни: тоска, депрессия, самоубийство. А если оно не следует, если человек как-то себя находит, значит не совсем твердо и последовательно верил он в свою «божественную бессмыслицу», не был вполне тверд в своей уверенности, что Бог завел часы и ушел.

Гораздо логичнее поверить, что и люди частично управляют своей жизнью, а над ними есть более высокое, Божие управление. И оно каким-то образом проявляется в человеческом мире.

В принципе древний мир прекрасно знал деистических богов. Луна и солнце – вот два из них. Солнце светит, дает все нужное для жизни, причем всем, от травы до человека. Даже радость подает, показавшись из-за туч. Ну, чем не бог? Тем более что и повредить ему никто не может.

Так думали многие поколения многих народов. И строили солнцу храмы для поклонения. И познавали своего бога, рассчитывая наперед и календарь, и долготу дня, и даже время солнечных затмений.

Но некоторым, наиболее умным людям не нравилось такое поклонение. Заранее полностью предсказуемый бог, который не может сойти с орбиты своего размеренного движения, такой бог подчинен еще кому-то или чему-то. А подчиненный – не Бог. Настоящий истинный Бог должен уметь сделать что-то непредсказуемое. Он не просто управляет миром, Он должен управлять не по заведенному алгоритму.

Таков был довод и у христианских апологетов, и у одного царя инков (незадолго до пришествия к ним белых завоевателей). У всех, по сути, думающих язычников.

Итак, мы и здесь применили прием рассуждения от следствия к причине. Если мы сами располагаем свободой выбора осмысленных решений, то Причина нашего бытия тоже должна иметь в себе аналогичное свойство. Опять логически не вполне корректное рассуждение, но опять, точно так же, как прежде, единственность Причины снимает эту некорректность. Если причина заведомо одна, то по характеру следствия можно судить об этой причине. Бог – Создатель живой жизни не должен быть мертвым Богом. Он управляет миром. В мире должно ощущаться Его вмешательство, причем такое, которое невозможно заранее предсказать подобно тому, как люди предсказывают солнечные затмения.

А является ли Творец мира Высшим Богом?

Тоже далеко не простой вопрос. И он тоже поставлен еще в глубокой древности. В мире ощущается некая порча, некое наличие разрушительного, злого начала, некое несовершенство, становящееся уже трудно терпимым в мире людей. А может быть, Сам Творец виноват? Может быть, Он не является совершенным существом, не является абсолютным Богом? Разум, бесконечно высший человеческого, может быть, ограничен сам? Может быть, Он не может (или не хочет) создать мир совершенным?

Главная основа гностического мировоззрения здесь и заключалась: да, Творец мира не совершен сам. И этим, вроде бы, должно объясняться все мировое зло. Но идея требовала продолжения и это продолжение отыскивалось.

В самой человеческой природе отыскивалось абсолютное стремление к абсолютному совершенству. Обвинившие в несовершенстве Творца не могли на этом успокоиться. Они не могли сказать себе: да, наш Бог вот такой плохой, он хуже наших мыслей, наших к нему требований. И все, на этом точка. Нет, точка на этом не ставилась. Несовершенный Творец оставался несовершенным, но над ним человек продолжал искать высшего и Истинного Бога, Бога абсолютного, на этот раз уже совершенного. Будь ли это Единый Бог-над-Творцом, или будь это некая коллективная система богов, называемая в греческом гностицизме Плиромой (полнотой).

У человека оказалось в наличии неистребимое стремление к бесконечному, вечному и совершенному. Стремление это необходимо должно было реализоваться. И поэтому гностическая мысль никогда не останавливалась просто на констатации несовершенства Творца!

Кстати сказать, очень подозрительное свойство мышления как раз у противников Абсолютного Бога. Не избавились они от Абсолютного Бога, просто ввели его черным ходом в свои системы.

Но вот, что такое плирома, каков Абсолютный Бог над всем пантеоном, включающим Творца этого мира, - здесь среди гностиков появилось такое разнообразие идей и картин, которое совершенно ясным образом обнаруживает их несостоятельность, всех поодиночке и в совокупности. Десять, тридцать или шестьдесят божественных существ составляют плирому – это неизвестно, и разные версии об этом противоречат друг другу. Все подобного рода фантазии, хотя и претендуют на божественное откровение, отнюдь не обнаруживают его нигде. Напротив, самым своим разнообразием они свидетельствуют против изначальной идеи, единственной, объединяющей все варианты, а именно идеи несовершенства Творца.

Если бы над нашим миром был какой-то иной Бог, высший, чем Творец мира, то он каким-то образом проявил бы себя так, что у людей сохранялось бы об этом некое общее знание, универсальное для всех в своих основных чертах. Но такого знания нет. А без него и сам разговор

становится, как минимум праздным, подобным разговору об инопланетянах. Нет о них вполне достоверной информации, ни в науке, ни в чьих-либо священных писаниях. Тогда какой смысл о них беседовать, зачем ходить этим философски порочным путем, который называется умножением сущностей, когда для объяснения видимой проблемы привлекаются некие ненаблюдаемые, но предполагаемые явления и отношения?

Вариантов гностического космологического мифа очень много – и в этом первое свидетельство против него. Первое, но не единственное и не главное.

Не менее важно и то, что гностицизм еще в двух важных положениях идет прямо против общей человеческой природы.

Во-первых, согласно с идеей несовершенного Творца и творение Его, творение материальное, вещественное, объявляется изначально злым и несовершенным. Соответственно, таковыми же объявляются и все формы земной человеческой жизни. Само рождение человека во плоти – уже трагедия, ибо «злая материя» в этом акте продолжает себя развивать. Злом является и семья, и государство, и сама жизнь. Не злом, по сути, остается только смерть, которая освобождает нематериальную душу из материальной темницы – телесной оболочки. Согласитесь – это уже слишком противоестественный порядок ценностей. Человек не может из всей своей жизни ценить только смерть. В таких координатах смысла жизни точно не найти, он останется только у смерти.

Во-вторых, в гностическом варианте невозможно найти чего-то аналогичного заповедям Божиим, категорическим нравственным императивам. Вообще, идея несовершенного Творца полностью лишает смысла всю нравственную сторону жизни и поведения людей.

По Достоевскому, если Бога нет, то все позволено. Но здесь речь должна идти именно о библейском Боге, о Боге, который может четко сказать человеку, что должно, что разрешено, а что запрещено. А если Бог этого мира Сам не совершен, если Он, так сказать, «грешен» сам, то может ли он чего-то еще требовать, причем категорически, от человека? Разумеется, нет. Таким образом, если Бог этого мира не абсолютен, не совершен, то человеку тоже все позволено. Поведение человека тогда строится только на основе баланса его желаний и возможностей, с полным вычетом любых сторонних ограничений. Само нравственное измерение в этом мире злой материи пропадает; в таком мире и не может быть ничего хорошего. В нем любому материальному существу, от камня до человека, можно нанести любой ущерб – и это не будет иметь никакой оценки в категориях: хорошо – плохо, правильно – неправильно. В гностическом варианте любое «хорошо» лежит за пределами материального мира, в мире мысли и ведения. Если ты знаешь это оккультное, эзотерическое знание – лишь тогда ты имеешь что-то такое, о чем можно сказать: оно хорошо. Если же ты для достижения этого знания сжег пол-планеты – ничего страшного, вполне приемлемая цена; ведь пострадало-то нечто принципиально плохое, материальное.

Достоевский сумел показать, насколько ужасен становится мир, в котором всем и все станет позволено. Или даже не всем, а неким избранным «отморозкам». Нет нужды много распространяться тут нам, после стольких исторических примеров, что отказ от нравственных начал равнозначен самоубийству человеческого рода. Последователи гностицизма никогда и ни в каком обществе не составляли не только большинства, но даже ощутимого и заметного процента, однако в религиозной сфере они постоянно и неистребимо во всякий век умели замутить воду, выдать свое богоборчество за самый высокий и утонченный вид богопочитания. Разумеется, не блистали они и чистотой нравов. И их малая численность в целом вполне объяснима противоестественностью их главной установки. Гностицизм – религия, устраняющая мораль, как таковую, но человек в целом не может жить без морали. Как не может жить и без религии. Мораль записана в человеческой природе ровно на той же самой глубине, где и религиозное чувство, где потребность верить и поклоняться – будь ли то Единому Богу или какому угодно еще.

Податель нравственных заповедей

Мораль универсальна в своих основных положениях – вот что хотелось бы здесь подчеркнуть. Это не вчера и не нами подмечено. Именно главные понятия людей о категориях «хорошо» и «плохо», «должно» – «можно» – «нельзя», - в своей основе совпадают, несмотря на всю

разность обычаев и предрассудков. Люди любых цивилизаций, культурных и диких, прекрасно знают, что убивать и воровать, обманывать и превозноситься, завидовать и блудить – это плохо, этого нельзя делать. Хотя при этом люди найдут себе массу предлогов, чтобы разрешить себе все такие действия. И главный здесь предлог, тоже поразительным образом **общий** для всех времен и народов: грешить можно по отношению к **чужим**, но не к своим. Своего человека нельзя убить, обокрасть, обмануть. А чужого – пожалуйста, потому что он не совсем человек.

Людям постсоветских обществ оскормину набило сравнение морального кодекса коммунизма с десятью заповедями Библии, причем утверждалось, будто коммунисты с Библии списали. Да ничего подобного! Это сходство только иллюстрирует положение об универсальности нравственного закона, записанного в человеке где-то гораздо глубже, чем десять библейских заповедей. Вообще, если суждение А похоже на суждение Б, причем Б было высказано раньше А, то есть подозрение, что А списано с Б. Но столь же логично для обоих положений предполагать единый общий источник В, из которого и А, и Б вытекают независимо. Это известное рассуждение о заимствованиях в исторических документах полностью работает и в данном случае.

Вспоминаются строки из «Законов пионеров Советского Союза». Первая строчка: «пионер предан родине, партии, коммунизму». Что это, как не первая из десяти заповедей: возлюби своего Бога? И поставлена фраза на законное для нее первое место. Верность богам – любая мораль начинается с этого, отсюда вытекает и сюда же втекает. Я теперь уж никак не поверю, будто составители пионерских правил учились по Библии. Это не серьезно. Просто есть общая природа человека, размышляющего над моральными нормами. В ней уже есть некая общая матрица, общий план расстановки категорических императивов. Грубый план матрицы таков: возлюби Бога (богов) и ближнего. В зависимости от дальнейших религиозных убеждений, имена богов и «чины» «ближних» подставляются в узловые точки матрицы. Вот и все. Готов моральный кодекс.

Эта универсальность нравственного закона, наличие совершенно единой «нравственной матрицы» все-таки является очень серьезным нашим знанием о собственной нашей природе. Это уже не внешнее, а внутреннее наше знание. Во внешнем мире мы видим целесообразность и разумный замысел в природе, а в себе самих – наличие и универсальность нравственного закона.

И для очень многих людей свое собственное личное открытие нравственного закона служило решительным свидетельством в пользу бытия Бога. Пожалуй, даже еще более убедительным свидетельством, нежели разумный замысел в природе. Таким путем, например, движется Клайв Льюис в своих радиобеседах о христианстве, ставших впоследствии классикой под названием: «Просто христианство».

А рядом со знанием универсального нравственного закона стоит очень ясное ощущение, что я (как, вероятно, и любой иной человек) этому нравственному закону полностью или частично не соответствую. (Льюис там же замечательно развивает и эту тему). Наряду с чувством нравственного закона, наряду с нравственным законодателем в нашем сердце стоит нравственный контролер – это наша совесть. Совесть – такая же универсальная духовная реальность человека, что и универсальный нравственный закон. То и другое очень убедительно свидетельствует, что именно наш Создатель, и никто другой, написал на человеческих сердцах, причем на всех, достаточно различимое свое письмо, некую нравственную «инструкцию по эксплуатации» человека. И поскольку эта инструкция в своих идеалах восходит к полному нравственному совершенству, то становится разумным верить в то, что и Создатель наш есть Бог совершенный.

Новый Завет все эти вещи нам и открывает. Например, про универсальность нравственного закона апостол Павел пишет так: *когда язычники, не имеющие закона по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них записано в сердцах, о чем свидетельствует и совесть их, и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую* (Рим. 2, 14-15).

А про совершенство нравственного Закона и Самого Законодателя говорит Сам Иисус: *Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Все это подтверждается широким и распространенным, общим, универсальным нравственным опытом людей.

К Богу, как Он изображен в Библии, еще остается очень много претензий у неверующих людей. Но пока мы все-таки можем констатировать, что хотя бы одно свойство у библейского Бога вполне подтверждается. А именно: Бог открывает Себя людям. Каким-то образом Он хочет с нами общаться. И существует самое простое и первое письмо, которое Создатель обратил буквально к каждому человеку, и заключается оно в том, что каждый человек, хотя бы в общих чертах, понимает, как нужно себя вести. И хотя он в большинстве случаев не ведет себя так, как дает понять это Божие письмо, но само письмо от этого не стирается из памяти.

Глава 3. Библейский Бог на фоне истории

Итак, пока добрались мы до того, что будет разумно и обоснованно верить в Единого Творца неба и земли, Который и есть Совершенный Бог, Создатель человека и Законодатель для него. Конечно, это все не есть знание, но вера. Однако альтернативные варианты веры, которые мы рассмотрели параллельно (не единый Бог, спящий Бог, несовершенный Бог), явно проигрывают выведенной на среду библейской версии.

Далее мы часто будем употреблять сочетание: библейский Бог. Под этим станем понимать просто духовный портрет, **духовный образ литературного персонажа** определенной книги. Библию станем рассматривать как любую книгу с повествовательным сюжетом. У этой книги есть главный Персонаж. Его мы и называем здесь библейским Богом. Это – определение понятия. Дальше нам предстоит рассмотрение вопроса: а разумно ли верить в такого библейского Бога? А тот бог, в которого мы готовы поверить, похож ли он на библейского Бога?

Конечно, такое наше отношение к библейскому Богу можно признать не уважительным, но у апологетики вообще нет другого выхода. Она и призвана обосновать то, что для слушателя не является ни фактом, ни авторитетным суждением (хотя бы для автора оно и являлось авторитетным). Поэтому и наша стартовая позиция выбирается не в русле церковного учения, а рядом с нашим слушателем (который временами будет и оппонентом).

Обвинение библейского Бога: слушаем самозванных «прокуроров»

Доводилось ли вам слышать от разных атеистов, что лучшей хрестоматией по атеизму является Библия, в особенности – Ветхий Завет? Кстати, именно это собрание книг, написанных на иврите, для многих верующих и неверующих является заодно и хрестоматией по антисемитизму. Ненавидеть Израиль и его Бога люди учатся по Библии. Это не словесный парадокс, это просто факт жизни. Сначала надо зафиксировать и признать его. Потом попытаться найти ему объяснение.

Теперь настало время выслушать подробно претензии неверующих людей к библейскому Богу. Этих претензий довольно много и они переплетаются между собою, трудно поддаваясь систематизации. Еще сложнее будет и возразить на них «по пунктам», отделяя одну претензию от другой, ибо все они, как мы сказали, переплетаются между собою.

Главная проблема у библейского Бога в глазах Его отрицателей: это Его антропоморфизм. Почему Бог Библии столь человекообразен, столь многогранно отражает все человеческие свойства, включая даже страсти? То Он творит мир, и считает, что сотворил его хорошо, а затем вдруг раскаивается в этом своем творческом деле и погружает мир в убийственные воды потопа. Затем избирает одних людей в свои любимчики, а других проклинает. Чтобы спасти свой избранный народ, легко допускает геноцид против его противников – своими ли собственными средствами, или же руками избранников. Но и своих избранников мучает какими-то странными и безумными мелочными предписаниями, вроде правил кашрута: что и как можно употреблять в пищу, а чего (кого) нельзя. Как нужно устроить Его походный храм – со всеми мелочами вплоть до крючков и реек. И все это говорит библейский Бог. А затем уже в Новом Завете, в апостольские времена заводится речь о проклятии Закона, о том, что нет необходимости держаться за все заповеди Пятикнижия Моисеева, которых раввины насчитали аж 613 штук. Почему Бог Библии столь по-человечески непоследователен: то навязывает правила (причем практически бессмысленные), то никак не может освободить людей от рабства этим правилам...

Неудивительно, если все это наводит на мысль, что библейский Бог, именно как литературный персонаж книги, придуман людьми. При этом, существует ли в реальности Бог, какой-то другой, не похожий на библейского персонажа, или Он не существует совсем – не столь уж велика разница. В том и другом случае служение библейскому Богу объявляется делом бессмысленным. Если Он есть, но не сумел (не захотел) пробиться к людям сквозь библейскую выдумку, то как может требовать себе поклонения, если Он даже не объяснил, что это такое. А уж если Его и вовсе нет, то тем более все ясно.

Сопряженная с этим антропоморфизмом проблема заключается в том, что библейскому Богу предъявляют длинное, морализаторски подкрепленное обвинение в жестокости. Неимоверное количество убийств в Библии возводится к Божьему благословению или даже повелению. Одно завоевание Израилем земли хананеев чего стоит! Для чего Бог допускает столько жестокости, включая совершенно не мотивированную жестокость?

Еще одна проблема у Ветхого Завета видится в том, что почти что до времен Самого Иисуса Христа не ведется серьезный разговор о потустороннем мире и о вечных воздаяниях, о душе (бессмертна она или нет?) о рае и об аде. Есть некий шеол, царство мертвых, но о нем практически ничего неизвестно. Почему или для чего вроде бы религиозная книга настолько безрелигиозна? Умер человек, отправился в шеол – и сгинул. Сравните с другими религиями, где даны описания царства богов, описания посмертных странствий людей, как люди обожествляются в этих странствиях. Захватывающее чтение! И вдруг такое смертельно скучное, вплоть до материализма скучное, как бы религиозное учение по самому важному религиозному вопросу. Почему библейский Бог так ничего внятного не говорит о будущей вечной участи человека?

Указанные претензии к библейскому Богу являются главными, но, возможно, нами при этом нечто упущено. Сознательно откладываем в сторону вопрос о вечности мучений для грешников. Пока у нас выписаны претензии именно к Ветхому Завету. В Новом Завете Бог и Отец Иисуса Христа раскрывается так, что указанные выше проблемы либо снимаются вовсе, либо существенно притупляются в остроте своей постановки. Проблема вечности мучений остается и в Новом Завете и требует особого и дальнейшего рассмотрения, на основе разбора уже выдвинутых и перечисленных нами претензий к Богу Авраама и Моисея.

Отметим, что все перечисленные нами обвинения библейскому Богу выдвинуты очень давно, еще в античные времена. Не поставить о них вопроса было бы даже не естественно. В форме вопроса (почему так?) эти мысли непременно придут на ум любому внимательному читателю. Форма сформулированного, продуманного отрицания – это уже не вопрос. Такая форма претензии выражает определенную сердечную установку, гордое ощущение, что я, мол, лучше Бога все знаю и я, дескать, милосерднее Его. Но и это отрицание продолжает паразитировать на вполне естественных и законных вопросах к библейскому Богу.

Попытки разрешения претензий

Какие же предлагались попытки выйти из затруднения?

Одна из первых и самая, пожалуй, радикальная – это попытка гностическая. Она предполагает провести между Богом Авраама и Отцом Иисуса не просто разграничительную черту, а прямо-таки линию фронта. Отец Иисуса – Бог, прежде не явленный никому, а творец мира – вообще не бог, а некое вторичное божественное существо, Демиург, в крайних толках – просто дьявол. Попытка эта неизбежно в истории вела к многобожию, к хуле на Творца и Его творение, к ложной духовности, явному фанатизму, сектантству, к полной раздробленности адептов и между собою.

Не похоже это на путь к истине. У истины должна быть какая-то общая убедительная основа, так что держащиеся ее согласны в чем-то главном и расходятся лишь в деталях. У гностиков этого нет, степень расхождения слишком велика. Воевать против Творца мира – дело бесперспективное и опасное. И еще здесь есть опасность иная: в отрыве от Бога Ветхого Завета Сам Иисус становится совершенно мифической фигурой, и все дело Его теряет смысл. Реальный гностицизм ни разу не обошел этой опасности.

Итак, захочешь «улучшить» Библию, оторвав от нее и выбросив Ветхий Завет, - в ту же корзину невольно и неизбежно полетит и само Евангелие. Таким путем, конечно, ходить не стоит.

Есть другой путь. Условно назовем его: включить попугая. Это путь прямого и довольно тупого оправдания любой библейской строки, вызывающей вопросы. Утопил? – значит, надо было всех утопить. Приказал убить? – значит, они заслужили. Не успели еще заслужить? – так из них выросли бы будущие супер-грешники. Ты – глина, Он – гончар. Глина вопросов Гончару не задает.

Можно двинуться таким путем. Он хорошо работает для людей, которые и так-то, по жизни не задают вопросов, а вместо этого тихо занимают свое место в строю. Но дело в том, что при таком подходе в принципе несложно найти в Библии оправдывающий прецедент на любое человеческое злодеяние. Например, на геноцид каких-нибудь американских индейцев. Приравнять их к хананеям, присвоить себе некий пророческий статус Иисуса Навина – и все готово, можно пушки к бою выкатывать. Все моральные проблемы уже сняты.

Строго говоря, это не путь решения проблемы, это просто отказ от решения. Таким путем мы, разумеется, идти тоже не можем. Он вообще не стоит книжного формата, ведь в нем остаются одни командные восклицания.

Третий путь – демифологизация Библии. Он скользкий и опасный. Вообще, это не одна тропинка, это некий пучок разных тропинок в каком-то секторе. Оправдать и защитить библейского Бога в рамках буквального и прямого понимания каждой библейской строки, да еще и в современном культурном контексте – дело совершенно невозможное. Это очевидно думающим читателям тоже с античных времен. Значит, надо как-то правильно Библию понять.

Скользкость этого пути в том и состоит, что он заведомо предполагает компромиссы: какие-то строки Писания придется понять не совсем прямо и буквально. А собственно, где тут будет разница между нами и нашими оппонентами? Они ведь тоже рады выбросить из Библии все чудесное, все ссылки на что-либо Божественное и оставить сухой, чисто материальный, сюжет еврейской истории. Демифолгизированная до конца, Библия теряет всякий смысл, кроме самой общей исторической канвы.

Здесь стоит известная опасность под названием: «потерявшийся миссионер». Подразумевается, что апологет, пытающийся донести слушателям библейскую весть наиболее доходчиво, раз за разом переиначивает текст в угоду слушателям настолько, что под конец уже и сам теряет веру в священность и истинность библейского Писания. Вполне вероятно, что многие комментаторы Библии до нас, апологеты ее перед отрехшимся от Творца и Христа Его сообществом, пробовали двинуться именно таким путем, отбрасывая из Библии все, смущающее собеседников. И на этом пути все сакральное и значимое из Писания выбрасывали до нуля, со временем теряя и свою собственную веру в библейского Бога. Или изобретая какую-то еретическую библейскую трактовку.

Мы сознаем такую опасность.

Но в то же время нельзя отмахнуться и от всех претензий к библейскому Богу, которые мы перечислили. Поневоле мы встаем перед дилеммой: или Богу приписать нечто, явное не соответствующее Его достоинству, или же приписать людям приписки к священному тексту. Ничего третьего не получается отыскать.

Далее мы и постараемся рассмотреть в Библии этот человеческий фактор. И с самого начала заметим, что далеко не всякая строка Библии претендует на то, чтобы быть продиктованной Богом. Древнее Писание писалось в расчете на человека своего времени, а впоследствии подвергалось редакции.

И теперь, чтобы разобраться с поставленными вопросами, нам придется двинуться вдоль по генеральному библейскому сюжету.

Начало библейского сюжета

Люди нашего века, обученные кое-как в школе абстрактному мышлению, ждут от предполагаемого Божьего Откровения разговора на богословском языке. Возможно, они хотели бы

услышать нечто на темы, о которых сказано нами в первых главах. Смотрите, мол, люди, Я существую и Я вот такой, а по таким-то соображениям в Меня разумно будет верить.

Но библейский текст говорит вообще не об этом.

Начинается с того, что о Боге не сообщается вообще ничего. Какие-то крупинки знания о Нем самом встречаются у пророков и далеко не на первых страницах. Начинается книга с изложения истории возникновения земли и человека, причем это изложение ведется языком мифа. Что такое: язык мифа? Это язык рассказа для детей и людей, практически не обладающих научными познаниями о своей земле. Они не знают географии, физики, химии, биологии. Не знают и философии. И вот им говорят, что сперва появилась земля, затем над ней появился свет, суша всплыла из-под вод, и на ней выросли деревья и трава – все по велению Божию. Современного человека, избалованного научными сведениями, корежит от этого рассказа, точнее, от готовности других признать за рассказом какую-то информативную ценность. Не говоря уж таких возвышенных слов, как Откровение Божие.

Всякий рассказ становится более или менее понятен только в своем правильном контексте. Если первые главы Бытия принадлежат Моисею (или кому-нибудь вскоре после него, сейчас это даже не важно), то очевидно, что рассказчик хотел утвердить слушателей в единобожии, поскольку это был главный духовный вопрос в тогдашней и последующей еврейской истории. Под эту мысль о Едином Боге все прочее повествование явно «подгоняется». Окружающие народы, не чтущие единого Творца, поклоняются или Солнцу (большей частью земледельцы), или Луне (большей частью кочевники). Отсюда и понятно, что писатель ставит создание небесных светил, солнца и Луны, лишь на 4-й день творения, уже после создания жизни. И при этом подчеркивает чисто техническую, служебную роль светил: чтобы светить на землю, и чтобы люди смогли начертать календари. Можно, если угодно, посчитать это место Шестоднева миссионерским обличением ложности чужих богов и оставить открытым вопрос о времени создания солнца. Довольно ясно и другое. Мир человека, излагающего Шестоднев и слушающего эту историю, довольно античный. Это не коперниканцы, не станем строить иллюзий. Для них в центре мира стоит земля, а вокруг нее находится неподвижный небесный купол тверди, по которому, подобно букашкам, ползают звезды. Для этих людей время тоже абсолютно, как Бог, а дни творения – простые земные дни, которые мы делим на 24 часа. А шесть дней важны, чтобы подвести религиозное основание под празднование субботы.

И понятно, что изложить этим людям, как на самом деле возникли небо, земля, жизнь и человек, с точки зрения какого-то научного знания совершенно невозможно. Со стороны Разума, который это все знает, изложить этот сюжет доступно и для нас, современных людей, тоже было бы почти столь же трудно. Потому и не следует от древнего текста ждать хорошего согласования с современными научными теориями. Завтра эти теории тоже изменятся.

Нам следует задуматься о другом. В нашем гордящемся своей наукой веке мы знаем о начале возникновения мира, по сути, ненамного больше, чем слушатели Моисея. Мы больше знаем о том, каков современный мир – это верно. Но все версии происхождения мира – это не более чем наши гипотезы и предположения. Все они и остаются гипотезами, покуда не имеют прямой опытной проверки, а такая проверка о прошлом невозможна в принципе. Мы уже говорили о шаткости и неуверенности эволюционного сценария возникновения мира. Мир не мог возникнуть по тем самым законам, по которым функционирует сегодня, в особенности так не могла возникнуть жизнь. И все-таки она существует! Значит, как-то появилась. И если научной картины у нас все-таки нет, то ничего другого не остается, как из древних рассказов, написанных на языке мифа, выбрать наименее мифический. Двигаясь таким путем, мы упрямся именно в библейский Шестоднев! В нем мир возникает по плану Единого и Разумного Творца, а не вследствие борьбы каких-то трансцендентных начал или богов, как в других космогонических мифах. И вот эта черта очень правдоподобна: наш мир похож на созданный по единому плану, что мы уже не раз отмечали выше. Возник он скорее в результате творческой стройки, а не конфликта и драки каких-то соперничающих потусторонних сил.

Здесь, как и впоследствии, нам не раз придется взывать к благоразумию читателя и критично оценивать наше человеческое знание. Мы на самом деле мало знаем. Знаем мало об

истории нашей планеты. И мало знаем о происхождении самого библейского текста. Открыл ли нам Моисей свое пророческое видение? Или он только отредактировал в ключе единобожия некий более древний рассказ, почерпнутый им в Египте? И вообще, восходит ли это описание к Моисею? Пожалуй, мы можем сказать, что достаточно определенно знаем, что Пятикнижие Моисея претерпело редакцию после него и, вероятно, не одну. Об остальном у нас нет знания, есть только версии и догадки. Более убедительные и менее убедительные, но знания нет все равно.

Если так, то вполне разумным выглядит следующее предложение к читателю.

Для начала просто отложить войну с 1 главой Бытия. До времени обретения заведомо лучшей альтернативы. Пока таковой нет, и не предвидится. Можно успокоиться на том, что вот, есть такое описание, доступное для древних людей, в котором заложена хотя бы основная подтверждаемая нашим опытом идея: **мир строится по разумному замыслу, и этот замысел един**. Если удастся договориться хотя бы на этой точке, то можно отложить в сторону протяженность дней творения и последовательность возникновения различных сотворенных вещей. Здесь открывается широкое поле для рассуждений о возможности или невозможности эволюции, но все это сейчас не является нашей темой. Наша задача – помочь преодолеть предвзятость к Библии.

Человек и грех

Попытка верить Библии «буквально в каждую букву» приводит к тому, что книга эта становится не проповедуемой современному слушателю. Им она отторгается. Прежде всего, благодаря антропоморфизмам. Вот лишь первый пример: Бог запретил первым людям кушать такие-то плоды, пригрозив им смертью – людям, которые еще не видели смерти. А потом, гуляя по саду, обнаружил нарушение запрета. А потом так жестоко наказал согрешивших людей – за какие-то плоды. Которые все равно опадут и сгниют.

Если мы начинаем утверждать с усилием буквальный смысл прочитанного, то у нас остается мало шансов на то, чтобы быть понятыми от скептиков.

Однако сейчас мы подошли к узловому моменту. История грехопадения людей, по сути своей, отвечает на главнейший религиозный вопрос о происхождении зла в мире. Можно уверенно сказать, что и основная идея христианства – спасение людей через искупление их грехов, покоится на этом начальном библейском рассказе.

Выдающийся церковный автор XX века о. Александр Мень среди прочего обращался и к этим страницам в книге «Магизм и единобожие». Автор придерживается полностью эволюционного взгляда, для него человек как-то происходит от животных предков. Но дойдя до сцены искушения в Эдеме, даже он вынужден признать, что христианская вера будет просто невозможна без признания за этим событием какой-то реальной основы.

И из его уст такое признание звучит более чем убедительно.

Действительно, если отвлечься от шума райских ветвей и змеиного шипения, то за этим библейским рассказом видится глубочайший внутренний смысл.

Во-первых, рассказ показывает, что человеку даны одновременно и свобода нравственного выбора и призыв подчинить эту свободу указанию Творца. Ведь то и другое мы ощущаем сами в себе! Каждый из нас слышит призыв совести, каждый имеет понятие о том, что такое добро, каждый сознает, что этому добру нужно следовать в жизни, и одновременно мы сознаем за собой способность этого не делать. Тем более, если какие-то внешние условия располагают нас не слушать внутренний голос совести. И заповедь, и свобода (ограниченная, но не отмененная) – это наши постоянные внутренние спутники. А начинается разговор о них именно со второй главы Бытия.

Во-вторых, только в этой библейской сцене мы встречаем удивительное, почти неподражаемое в нашей реальной жизни состояние человека: это состояние первобытной невинности, когда человек не знает еще ни греха, ни праведности, когда он свободен от того и другого. На этом примере мы и в себе начинаем различать эти понятия: невинность и добродетель, которые суть не одно и то же. Невинный человек стоит между смертью и бессмертием, гуляет по этому тончайшему мостику, а Бог наблюдает за этим, не вмешиваясь. Важнейший свой выбор в

сторону праведности или греха невинность призвана совершить сама; выберет ли она святость и жизнь или согрешение и смерть, зависит только от нее.

В-третьих, эта сцена показывает нам отчасти и причину нашего собственного греха в виде искушения извне. Первые люди земли стали и ее первыми обманутыми людьми. Но это не избавляет их от вины.

В-четвертых, и главное, вся сцена дает нам объяснение происхождения всего мирового зла.

Здесь вернемся немного назад.

Мы показали, что если Творец мира недостаточно благ и разумен, если его творение изначально ущербно, то невозможно объяснить, откуда в нас взялись универсальные понятия о добре и зле, причем о добре совершенном и идеальном. Поверив в несовершенство Творца мира, мы вынуждены разрушить нравственную систему, вложенную в нас самих. Идти таким путем рискуют очень немногие духовные мыслители.

Но если Творец благ, то почему в мире так много зла, причем необъяснимого, бессмысленного, не педагогичного, наказывающего людей не избирательно? Откуда эти цунами и вулканы, потопа и эпидемии? Если уж нет смысла говорить о войнах и преступности, как вроде бы делах рук человеческих.

Третья глава Бытия и говорит, откуда все началось. Человек не послушал Творца – и мир повредился. Мир в наказание за грех человека преобразован по законам смерти и тления.

На ком лежит ответственность за все мировое зло? Все мы рождаемся, чтобы умереть. Религия только и может здесь вставить свое слово: нет, не только для смерти, но и для чего-то еще. Но на деле никто не остался еще на планете вечно, и люди знают об этом, несут это знание с младенчества и до самой смерти. Планета населена обреченными существами. Смерть, кажется, обесмысливает все. В нашей жизни мы научились игнорировать свое знание о смерти и рождаемые этим знанием проклятые вопросы: зачем? Мы живем, не думая о своем смертном часе. В день рождения, пеленая младенца, мать никогда не подумает о том, чьи руки когда-нибудь будут пеленать его в качестве мертвеца. В день свадьбы никакие супруги не задумываются, что кому-то из них в том самом браке, который все признают счастливым (еще бы: один раз – на всю жизнь!) придется хоронить своего супруга, оторвав кусок от сердца. Мы живем, повсеместно игнорируя смерть, где только можем. Поэтому род людской еще продолжает коптить небо. Если бы мы помнили о смерти неотступно, мы бы потеряли полностью всякую жизненную мотивацию.

Люди, осужденные на пожизненное заключение, очень часто мечтают покончить с собой. Но если рассудить здраво: ведь любой из нас является приговоренным в камере смертников. Только условия нашего содержания гораздо лучше, чем в тюрьме – вот и вся разница. И, обращая свое внимание на эти условия, на эти совершенно внешние вещи, мы научились игнорировать смерть.

Но при этом смерть не игнорирует нас.

Она возвращает нас к проклятым вопросам снова и снова. Так кто же ответствен за наличие такого универсального закона смерти на нашей земле?

Бог называет себя в Библии первым и последним. Понятно, что кто последний, тот и крайний. И потому велик соблазн все переключить на Творца. Но вновь повторим: пойдя таким путем, мы вынуждены отвергнуть нравственные императивы, а это – основа нашей жизни, отказавшись от них, люди полностью сожрут и друг друга, и всю свою планету.

И вот, Библия дает другое решение. Ответственность распределяется между Богом и человеком. Первый человек, поставленный над всей прочей тварью, в каком-то действии не оправдывает доверия Творца. Человек изменяет Богу, уходит из Его плана. Не желая, чтобы люди, а за ними и все творение, погибло навечно, Бог, так сказать, запускает план Б. Он изменяет мир, уравнивая в нем рождение и смерть, и направляя, таким образом, историю мира на длительные циклы, в конце которых подается и какая-то отрадная надежда. И все это содержится в одной только третьей главе Бытия.

Да, и она написана языком мифа. Но если отвлечься от языка, то все-таки поражает, откуда же в ней такая глубина мысли? Попробуйте сами изобрести иной вариант объяснения происхождения зла. Или нет Творца – но тогда нет и морали, останется лишь что-то вроде буддистской практики и стремления к нирване, но и в эту жизнь «черным ходом» входят те же

самые универсальные нравственные заповеди о том, чтобы поменьше вредить природе и человеку. Плох Творец – опять нет морали. Как быть?

Вообще говоря, нравственность человека – такая штука, которая никак не может возникнуть эволюционным путем. Если в живой природе повсеместна борьба за существование, то главным правилом оптимального поведения в этой борьбе неизбежно должна стать безжалостность, иногда индивидуальная, иногда групповая, стайная. Выжить может не просто самый сильный, но самый безжалостный к другим, не только тот, кто сможет загрызть другого, но тот, кто загрызет, отнимет, оттеснит соперника от воды и кормушки наиболее спокойно и радостно. В таком процессе никакая человеческая мораль возникнуть не могла бы, даже мораль воровского сообщества. Ведь и в этом сообществе абсолютно исключается «крысятничество» – причинение зла своим, членам своего кружка. Между тем, реальные биологические крысы тем и выживают, что в их стае распространено именно это «крысятничество». Крысы обходятся совсем без сантиментов, даже по отношению к себе подобным. А люди так не могут, даже самые отъявленные преступники и грешники.

Значит, мораль вынесли люди не от обезьян, не из джунглей.

Если так, то нет ничего удивительного в библейском рассказе. Он говорит правду на каком-то очень высоком, жизненном духовном уровне. Человеку дана была свобода, была поставлена задача, он проходил испытание. И не прошел. От того и все.

Вот это важно. А с какого дерева срывали плоды, и как змей умел логически мыслить, мудрее человека – вот это не столь важно. В книге по апологетике здесь трудно что-то утверждать. Нас не было рядом с Адамом и Евой. У нас нет о них достоверного знания. Мы не знаем всей бездны их мыслей, чувств, переживаний, Библия не дает нам здесь ничего психологического. Здесь мы вынуждены рассуждать не над фактом, а над его идеей и последствиями. И по последствиям признать, что факт имел место. В этом факте есть две основных составляющие. Во-первых, реальность первой пары людей, ставших потом прародителями всех людей на планете. Во-вторых, само не преодоленное искушение и его последствия. О деталях же факта рассудить дополнительно, сверх библейского текста мы не можем. Этот разговор поневоле стал бы праздным – за неимением нужного количества первичной информации.

Всемирный потоп: Божия непоследовательность?

Следующая претензия неверующих к Богу связана со всемирным потопом. Помимо рассуждений о физической невозможности такого события, к Богу выдвигаются претензии нравственные: почему создал, а потом пожалел, что создал? За что всех вот так взял и потопил? И в конечном счете, все сводится к тому, что Бог реальный, если даже существует, то к этому рассказу отношения не имеет, а вот, люди, выдумавшие библейского Бога, показывают свой низкий нравственный и духовный уровень.

А может быть, лучше было бы переадресовать такие претензии не к Библии, а к окружающей действительности? Еще раз повторим: в этом мире действует закон смерти. Никто здесь не останется вечно. Умрут все, и безболезненно дано будет умереть лишь немногим. Таков порядок, в котором мы живем. Это наше подлинное знание – и оно же есть нечто нам глубоко противное, в самых основах нашей души. Мы все знаем о смерти – и все же ее не принимаем. Вообще, всякая религия, всякое писание, почитаемое священным, существует только потому, что существует смерть, всеобщая и нами сообщая же отвергаемая. Религия и пытается преодолеть это трагическое противоречие, не разрешив которого, мы не имеем никакой прочной жизненной мотивации.

Итак, смерть всеобща. И это совершенно не зависит от истории про потоп. Можете по этому поводу воздымать к небу кулаки, можете убить себя раньше, чем назначено, но смерть отменить не получится. Небеса хорошо умеют отражать направленные вверх камни, отражают их метко, прямо в головы мечущих, что прекрасно показал XX век.

Приговорены все.

Что же здесь добавил всемирный потоп?

Говоря о его нелепости, осуждая Бога, что Он раскаялся и пожалел, что начал творить мир, мы опять же беремся судить ту ситуацию, о которой не имеем ни малейшего представления. Слова о том, что Бог что-то передумал, - это явный антропоморфизм, рассчитанный на примитивного слушателя. Их можно просто исключить из рассмотрения. Бог, конечно, видел все заранее, для Него вообще нет прошлого и будущего. И Он не меняет решений. Если бы было не так, получилось бы, что Он зависим от времени, и само время теперь становится богом над Богом, подобно спящему греческому Хроносу. Но время тварно, о чем мы скажем дальше, а пока вернемся к потоку.

Единственный результат потопа, как сообщает Библия, (не подчеркивая этого вывода), состоит в том, что земная природа сама изменяется. И сразу после потопа существенно сокращается срок жизни людей на земле примерно до современного уровня. Между тем, до потопа долгота жизни указана в границах 800-900 лет. И библеисты, и просто неверующие люди не могут всерьез воспринять эти цифры, и, действительно, первые главы Бытия слишком переполнены этими странными числами. Но удивительно то, что именно после потопа продолжительность жизни мягко снижается по некой экспоненте с отрицательным показателем, что часто рассматривается в книгах по научной апологетике. И вот это поистине странно. Это повышает доверие к рассказу и заставляет полагать за ним реалистичную основу. Древний поддельщик вряд ли мог изобразить эти числа столь изящно.

Тогда основа рассказа о потопе становится вполне ясна: земля снова переделана так, чтобы люди видели смерть чаще и задумывались о ней серьезнее.

А сколько и каких людей погибло в потопе, за что они так пострадали, мы не знаем. Как не знаем и того, чем они занимались, как выглядели, каковы были их нравы. Были ли среди них невинные дети? Или одни только «нетрадиционно-ориентированные» взрослые? Может они занимались колдовством или преуспели в техническом прогрессе настолько, что сами спровоцировали потрясение земли, приведшее к потопу. Не знаем мы об этом ничего определенного. А Бога при этом пытаемся осудить! Цунами, покрывшее не так давно побережье Таиланда и Бирмы, быть может, унесло больше жертв – мы не знаем этого. Наш мир таков; внезапные массовые катастрофы, уносящие всех без разбора, в нем существуют. И всегда есть соблазн: на этом-то основании и посвятить свою жизнь борьбе против Бога. Вопрос только в том, что это даст? Ответ очевиден: ничего нового. Смерть не отменится, умереть придется. В свете грядущей смерти, по-прежнему и жизнь на земле лишается какого-то высокого смысла. Известно, правда, что некоторым людям сама борьба с Тем, Кто «Главный и Крайний» дает некое внутреннее удовлетворение, но все-таки это состояние – психическая патология. Свернув на этот путь, человеческое общество вновь двинется к ускоренному саморазрушению.

Надежда на вечность

Религия, повторим, имеет главной своей целью примирить человека с фактом смерти и порождаемой этим фактом отсутствием жизненной мотивации. Большинство осужденных на пожизненное заключение, потеряв надежду на помилование, желают покончить с собой. Человеку настолько отвратительна смерть, что он не может жить без надежды, которая простиралась бы за пределы земной жизни. Имея эту надежду, человек получает с нею и смысл продолжения земной жизни. За порогом смерти должно маячить нечто, придающее смысл нашему пребыванию здесь в качестве заложников или узников смерти. Поэтому всякая религия выводит нас в область посмертного бытия. Только варианты этого бытия рисуются нам в разных религиях разными.

Вариант первый. Перевоплощение души из одного человеческого тела в другое с окончанием этого круговорота в нирване. Есть такое учение, мы его обсуждать не будем.

Вариант второй. Бессмертное бытие души, как уникальной личностной сущности. К этому варианту мы подойдем позже, поскольку он в мире религий не первичен.

И третий вариант, как ни парадоксально, свойственный раннему библейскому взгляду и атеистической религии коммунизма. Это значимость коллектива, а не личности. Из крохотных человеческих жизней шьется народ. В данном случае – Израиль. Каждый еврей, если живет хорошо, улучшает будущность Израиля, а если плохо – отягощает ее. Народ, в отличие от конкретного

человека, как будто, может жить на земле неопределенно долго – при благоприятных к тому условиях. Поэтому-то в Библии народы и именуется по своим основателям. Собственное имя конкретного человека-предка (Иаков-Израиль) становится именем всего его потомства (так же, как Моав, Ассур и др). Израилю, как народу, при соблюдении им, как народом, определенных заповедей, обещано счастливое будущее. Неважно какое, важно, что в этом будущем участвует каждый израильтянин, до него не доживший, но генетически связанный со своими потомками.

Череда поколений – лишь навоз для счастливых потомков. По сути, так. И в коммунизме, разумеется, точно так же, только место Израиля занимает некий «пролетариат», избранный народ Марксова завета.

Возмущаетесь, читатель? Но ведь Вы же хотели поменьше мифа! Вы же хотели побольше реальности. Ну вот, Вам и реальность. Начиная с Книги Бытия, мы и видим летопись смерти. Вот в 5-й главе перечислены потомки Адама с годами жизни. И каждое имя, кроме взятого на небо Еноха пропечатано этим страшным приговором: *и он умер*. Никто не стал Гераклом, никто не принят на Олимп. Никто не отправлен превращаться ни в царя, ни в раба, ни в лягушку. Ничего не рассказано о его загробном бытии. Перед нами летопись смертей и убийств. Убийцей становится третий человек планеты и первый из рожденных на земле людей, у которых есть папа и мама – люди. И дальше весь фон точно такой же. Пока-то все дойдет до избрания Авраама и ему вроде бы обещается благословение – нет, не его самого, а его потомства, народа, исходящего из него.

Вот такой библейский реализм.

Как раз мифа в Библии меньше всего, по сравнению с другими религиями. Язык мифа есть в первых главах, но и только. Дальше все слишком тягостно-реалистично.

Надежда на личное бессмертие и даже воскресение в обновленном теле возникнет лишь незадолго до явления в Израиле Иисуса Христа. А Ветхий Завет тем и тяжок для случайно взятого читателя, что в нем дается крайне мало личной надежды. Человек – ничто, народ – все. И будущее принадлежит народу, ради этого счастья народа, причем отдаленных поколений, и следует терпеть все жизненные трудности, исполнять веления Божии, не чая ничего для себя лично.

Может ли согреть душу такая надежда?

Вопрос не из легких. Для кого-то может, для кого-то нет.

Во всяком случае, современному человеку, выросшему на базе христианской культуры, очень полезно будет осознать, что идеи христианского рая и ада не являются простыми и естественными, ибо человечество подбиралось к ним долго и извилисто. Если Библия в какой-то мере отражает рост религиозной человеческой мысли, то это уже есть серьезный повод задуматься над нею и ее происхождением. Духовный мир человека достаточно сложен, не линейен, лишен простых решений.

Итак, рай и ад – это совсем не такие идеи, которые легко рождаются в человеческой голове, так сказать, «от пустоты», от отсутствия надежды или как успокоительное средство. На нас, хотим мы того или нет, в той или иной мере простирается наследие предков, веровавших в христианский или мусульманский рай и ад. Для нас эта идея уже дана, причем чаще всего, с детства. Мы оцениваем эту идею теперь на свой вкус, но мы сами до нее не доходили. Доходили до нее очень долго и трудно не мы, а наши далекие предки.

Человеческий фактор в Библии

Пока мы подбираемся с разных сторон к главной претензии неверующих. Заключается она в том, что библейский Бог выдуман (хотя какой-то бог, может быть, и есть), а сама Библия – тоже чисто человеческое произведение, не содержащее в себе ничего сверх обычного авторского поэтического вдохновения. Нужно вернуться к библейским истокам и подумать: а какой был смысл все это выдумывать? Что человек сам виновен в смерти, что у него нет никаких личных надежд, что его самоцель – в жизни его народа. И вдобавок необходимо этому человеку совершать массу ритуальных правил, сторониться всех иноплеменников, быть верным своему Богу поистине **беззаветно**. Без завета, без обещания. Есть в Библии завет Бога с народом Израиля (потому и книга называется Ветхий Завет), но личного завета с конкретным человеком там нет. Это появится

лишь во Христе, во времена Нового Завета. Завет предполагает некие, хотя и условные, обещания Бога второму субъекту завета. Так вот, отдельная человеческая личность в Израиле до Иисуса Христа не является субъектом завета, таковым является лишь избранный народ, а потому от личности требуется только беззаветная преданность.

Всем известна классическая песня В. Высоцкого про «хорошую религию, которую придумали индусы». Что-то не доводилось нам слышать аналогичное рассуждение о библейской вере. В индуистской идее переселения душ автор песни сумел показать чисто человеческое происхождение: как надо себя вести, чтобы в будущей жизни не родиться ни свиньей, ни баобабом. И вроде бы у автора получается все логично. А вот про религию Израиля подобный сюжет в голову почему-то никому не приходит. Видно, не «хорошая религия», потому что не «придуманная», как у тех «индусов».

Религия эта не человеческая, потому что во многом она даже античеловеческая. Придумывать такое ради мобилизации людей на какие-то морально-социальные подвиги явно не следовало. И библейская история показывает, как непросто внедрялась эта религия, и как вдруг почему-то впоследствии именно она легла в основу христианства и ислама (не только иудаизма), охватив тем самым подавляющее большинство населения планеты.

Поистине, это все неслучайно. Такое к способностям человеческой фантазии свести невозможно.

Правда, здесь требуется важная оговорка.

Мы не считаем каждую букву Библии продиктованной Богом. Наипаче это касается диетарных, гигиенических и прочих правил, высказанных в Торе, или Пятикнижии Моисея. Боготворить эти слова не нужно, даже если их возводит к Богу сам библейский текст. Тем более, и на протяжении самой библейской истории некоторые заповеди такого рода подвергались ревизии и уточнению. Например, поначалу камни для жертвенника Единому Богу могли быть только природными, не тесаными (ведь каменотесы делают идолов – как же таким орудием прикоснуться к камню для Божьего жертвенника!), а потом, ко временам Соломона, жертвенник строился уже из тесаных камней.

Вполне вероятно, что запись Пятикнижия, этих первых книг Библии, действительно восходит к Моисею, или, по крайней мере, идет от него в устной традиции. Моисей – это именно тот человек, благодаря которому происходит духовное, национальное, религиозное становление израильского народа. Именно Моисей выводит народ из египетского рабства к самостоятельному национальному, а затем и политическому бытию. Но нужно помнить, что Моисей не был каким-то простым пастухом. Он как-никак наследный принц Египта, человек получивший образование, как приемный сын дочери фараона, то есть на высшем по тем временам уровне. Весьма вероятно, что именно Моисей является единственным образованным человеком во всем руководимом им Израиле. Народ рабов вряд ли мог бы похвастаться своими учеными и мудрецами. Кроме того, Моисей до своего явления Израилю прошел еще и многолетнюю школу пастушеской жизни с кочевниками, переняв и у них определенные практические навыки выживания в пустыне, те навыки, которых рабы-израильтяне в его времена не могли получить сами в Египте и которые так пригодились евреям в их пустынно-путешествии в обетованную землю. Поэтому ничего удивительного нет в том, что Моисей применяет свои прикладные знания, открывает их людям, - и приписывать такого рода знаниям божественное происхождение и передачу нет никакой необходимости. Например, правило потребления мяса животных без крови. Очевидно, оно отражало подмеченную закономерность, что в таком виде мясо может быть сохранено дольше и приготовлено чуть лучше, особенно в жарком климате, и не вызовет определенных заболеваний. Вполне вероятно, что Моисей поделился такого рода знанием с людьми. Но впоследствии оно в самой Библии обросло «божественной философией»: во-первых, было приписано непосредственно Божьему откровению, во-вторых, получило такое метафизическое обоснование, как в крови всего живого душа его есть (ср. Быт. 9, 4, Лев. 3, 17, 7, 26).

Такого рода «человеческий фактор» в Библии следует признать. Более того, его следует признать сильным. Моисеевы правила нет смысла распространять на все века, народы и культуры (о чем христианство в самых своих истоках дает, как минимум, важное указание). Любые поступки

вождей Израиля, особенно связанные с убиением ненавистных язычников, тоже не нужно вслед за библейским текстом приписывать Божьему повелению. Евреи вполне могли сначала убить некоторое количество своих противников, а потом приписать всю ответственность Богу, что Он якобы это им поручил. Смакование всяческих стихийных бедствий, которыми якобы Бог карает Египет – эти страницы тоже вполне можно считать преувеличением, плодом человеческой фантазии, пышущей ненавистью к своим многовековым поработителям и обидчикам.

Это страстное настроение библейских авторов (а их много и не все нам известны, как например, редакторы Торы) не следует приписывать Библейскому Богу. И если мы двинемся таким путем, отводя от Бога явно жестокие, неразумные, явно человеческие мотивы и повеления, то мы снимем большую часть претензий к Богу со стороны неверующего ума.

Однако из этого никак не следует, что все библейские идеи, особенно основные, духовные, религиозные суть чисто человеческие измышления. За сверхчеловеческое происхождение Библии ругается ее «неудобство», ее нарочитая трудность, отмеченная нами выше. Из всей Библии постараемся далее выделить главное – эти сверхчеловеческие идеи, используя тот контекст, в котором Библия приходит в мир.

Вообще говоря, мы здесь вступаем на проторенную дорогу древних христианских апологетов. Когда современные им язычники читали Ветхий Завет, они, как и современные нам читатели, поражались мелкости, страстности, ревности и жестокости племенного бога евреев, который претендует на пост Единого Творца всех миров. Апологеты и предлагали аллегорическое или типологическое понимание библейского текста, сознавая, что только буквальное его прочтение может оттолкнуть от Библии (а с нею и от христианства) большую и лучшую часть язычников. Конечно, мы вынуждены констатировать, что сами библейские летописцы в огромном большинстве случаев не пытались вложить аллгорию в свой текст, они рассчитывали на буквальное понимание их слов. Это очевидно. Не очевидно другое, а именно расширение в приписывании Богу таких повелений, которые уж слишком сильно «пахнут» чем-то человеческим.

Бог и боги природные

Ветхозаветная история – это история борьбы библейского Бога против окружающих Его языческих богов. «Окружающих» - разумеется, в сердцах израильтян. Единый Бог на этом поле выходит на бой с богами Египта и Междуречья, бросает им вызов и побеждает. Но момент начала этой борьбы таков, что за библейского Бога – только некая память о предках, и очень немногие пустынные кочевники эту память как-то хранят. А все видимое торжество – за «вражескими» богами.

Атмосфера этой борьбы и окрашивает библейское повествование в особые, апологетические тона. Тора и книги пророков – это не только летопись этой войны, эти книги – сами воины на ней. Во времена их написания борьба была несколько не закончена. В наши дни, когда мы это все читаем, обстановка уже иная. Современные боги, противостоящие Богу Библии, выглядят и называются иначе.

Начало библейской летописи возводится к самому сотворению мира и человека, но вся эта древняя история преломляется через созерцание Моисея – реального автора-вдохновителя основного массива Торы, сколько бы редакторских рук ни потрудились впоследствии над его текстом. Поэтому и вся книга Бытия пишется на фоне освобождения от египетского рабства. Взгляд автора поневоле подкрашивает в соответствии со своей современностью и само древнее повествование. Идет борьба богов, и она же просматривается ретроспективно.

Поэтому без понимания сущности религии Египта и Междуречья библейского Бога понять трудно.

Давно подмечено, что единобожие исторически свойственно кочевникам скотоводам, как и отсутствие городской цивилизации, а оседлым земледельцам свойственно не только строить города и развивать в них ремесла, но и умножать пантеоны богов. Израильский народ, если отсчитывать его от Авраама, и становится народом кочевым, не цивилизованным, но держащимся за Единого Бога. А вокруг него – устойчивые и оседлые цивилизации Египта и Междуречья.

Кстати, на этом фоне читателю уже может кое-что подсказать указание на профессии Каина и Авеля. Абель – скотовод, а Каин – земледelec, потомки коего уже строят города.

Действительно, такая закономерность отмечена в истории: единобожие кое-как сохраняется лишь у кочевников. Земледелие дает большой прирост продуктов питания, что позволяет перейти к городской цивилизации. По меньшей мере, это касается древних плодородных земель, описанных в Библии, так называемого «плодородного полумесяца» - области на карте, охватывающей долину Нила, Тигра и Евфрата. А цивилизация, как и богатства при ней, развращает людей. С другой стороны, земледелие продолжает зависеть от погоды и постоянно развивает культ богов (богинь) плодородия. Они переходят в фаллические культы, а нравы адептов таких культов нет нужды описывать. Не так давно прочитанные археологами ханаанские записи показывают безумный культ всяческого разврата.

Первые библейские люди, вернувшиеся после Ноя к почитанию Единого Бога – это скотоводы. Один из них Иов, богатство которого перечислено в книге в головах скота, а другой - Авраам. Они жили примерно в одну эпоху, около двух тысяч лет до Христа. Споры о Книге Иова, как и о времени жизни Авраама, ведутся тоже давно, но уже ясно, что и книга Иова – древнейшая в Библии, возникшая еще в доизраильские времена, и что Авраам жил примерно в ту же эпоху. Авраам становится первым после Ноя описанным в Библии человеком, кто, движимый призывом свыше, оставляет городскую цивилизацию и идет в пастухи-кочевники. Идет, разумеется, в поисках Бога.

Таков же будет и Моисей. Он тоже призывается тем же Богом Авраама не в Египте, а в изгнании, когда уже пожил несколько лет с племенем своего тестя Иофора, верующего в Единого Бога. Удивительно, но та же история повторяется спустя две с половиной тысячи лет в Коране. Мы видим в житии Мухаммеда и его откровениях, что и он встречает ханифов – стихийных поклонников Единого Творца, которые изредка, но еще встречаются среди арабов, и именно среди кочевников-скотоводов, а не в богатых торговых городах, вроде Мекки. И они ревностно хранят свое поклонение Единому Богу, не придавая Аллаху сотоварищей!

Значит ли это, что человеческое бытие настолько сильно определяет человеческое сознание, что такие закономерности действуют даже в области религии?

Единобожие первично у всех народов земли. В каких бы племенах ни начать выяснять родословие богов, все исходит из Единого Бога. Но, по-видимому, сытая жизнь или даже только погоня за сытостью неизбежно закрывает человеку Бога Единого. Человек ищет бога, не охватывающего всего мира, а ответственного за насущную и конкретную проблему. Поэтому с роковой неизбежностью и выходят на сцену богини плодородия, они же – Матери богов. А за ними и множество прочих божественных образов, среди которых непременно найдутся покровители войны и разврата.

Война и разврат – характерные черты оседлых цивилизаций. И они никак не могут ужиться с единобожием. Война и в древности, и до сих пор многими мыслится, как сражение богов, лишь косвенно отражаемое в армиях людей. Воюющие боги – никак не один Бог. И **наши** воюющие боги должны победить и даровать **победу нам**. Мы и победить-то можем только божественной силой. Значит, с нами – боги нашей войны. А если они проиграют, мы будем иметь полное право поклониться побившим их богам наших поработителей. Если уж люди бьются до победы или смерти, то тем более – их боги. Проигравшим богам почтения нет.

Все это рассуждение никак невозможно состыковать с идеей единобожия. По крайней мере, для первичного, ненаучного склада ума людей древних.

А вот кочевники воюют в среднем гораздо меньше, если только им хватает простора. (Опустошительные набеги больших кочевых орд относятся ко временам более поздним, чем Авраамовы и Моисеевы времена). Жизнь кочевников беднее, а семьи вынуждены быть крепче. Ни проституции, ни гаремов в палаточном лагере не заведешь. И что в результате? Именно то, что мы и видим: умственная работа по разработке мифологии и культа чужих богов у кочевников несколько затруднена по сравнению с цивилизованными земледельцами. Так все-таки бытие определяет работу человеческого сознания? Да, почему бы и нет, если речь идет скорее о человеческой фантазии.

Впрочем, мы не утверждаем, что кочевники всегда верны Богу и нравственны. У нас речь о самых ранних библейских временах. Тогда еще кочевникам хватает пастбищ, пустыни еще родят достаточно пищи для скота, а население самой земли еще мало. И среди кочевников Авраам и Иофор – это немногочисленные Божии избранные. Остальные люди более грешны, как земледельцы, так и скотоводы. Поэтому единобожие кочевников мы отмечаем не как некий социальный закон человечества, а просто как тенденцию. К вопросу о кочевниках нам предстоит еще вернуться по ходу повествования.

Мифы о богах и о Боге

Итак, Единый Бог библейских пастухов бросает вызов богам цивилизаций.

На том этапе религиозной мысли, чем больше богов, тем больше мифов о них, тем развитее религия.

Если убийство почти современно человечеству, если первое убийство совершает первый из рожденных женщиной, столь же современна человечеству и война. Боги воюют – это нормально, это простая проекция человеческого сознания. И потому сам материальный мир в вавилонской и египетской космогонии появляется на фоне борьбы богов. И так, в общем-то, повсюду в древних религиях. Мир рождается в борьбе, улучшается борьбой, достигает ею совершенства. «Только в борьбе можно счастье найти!», - знакомый с детства революционный коммунистический напев. И как же он стар! Это поистине Каинова песня.

А по Библии мир рождается в полной гармонии мира. Бог творит все по единому плану – и ничто, никакая тварь (а вне Творца все остальное сотворено!) не мешает Ему. И что Он ни делает – все получается хорошо. А все вместе – даже очень хорошо. Вот первая и серьезная черта библейской уникальности в мире религий. Подчеркнем еще раз: мирное сотворение это не правило в мире человеческого религиозного мифа, а исключение в нем.

Стоит задуматься.

Если какая-то черта рассказа выбивается из общего порядка, если в этом общем порядке почерк человеческой мысли очень хорошо заметен, а указанная отличительная черта как раз лучше согласуется с данными науки, доступными нам и не доступными древним людям, то о чем это говорит?

Далее в очень тесной логической связи с этим стоит и происхождение зла. Мир, рождаемый в борьбе, следы борьбы на себе и несет. В рамках этой космогонии любой человек с полным правом произносит о любом своем грехе классическое оправдание уголовника:

- Не мы такие, - жизнь такая.

А в Библии, где зло, грех и смерть в мир внесены человеком, все совсем наоборот:

- Жизнь стала такою, потому что мы стали плохими; причем по своей воле.

И вот эта единственная история (о падении прародителей и об их изгнании из рая) написана в Библии языком мифа. В ней нам всем чудится некий реальный факт, как-то прикрытый странной аллегорией. Но без этого факта зло человеческой природы, неподвластное педагогическому воспитанию, просто необъяснимо. Смерть универсальна ровно настолько, насколько и грех. Это – основополагающий факт нашей человеческой жизни. И лучшего ему объяснения, чем в Библии, в других источниках не найдешь. Пренебрегавшие этим фактом и его библейской трактовкой приложили массу усилий, чтобы социальное устройство общества исцелило человека от греха, - но все тщетно. Кроме истории о грехопадении, никакого лучшего объяснения нашей склонности грешить не найдешь.

Вообще, в Библии заметна эта тенденция: развенчать нечто мифическое и чудесное до уровня совершенно земного, ничтожного, низкого. Это все – апологетика против множества чуждых богов. И начинается она с Шестоднева, с первой страницы Бытия.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою (Быт. 1, 2)

Первозданная тьма, окутывающая бездну, над которой носится Дух Божий, обнимая ее, владея ею, эта тьма мгновенно рассеивается при сотворении света: *и отделил Бог свет от тьмы,*

и назвал Бог свет днем, а тьму – ночью (Быт. 1, 4-5) В Библии эта тьма – просто отсутствие света, некая ничтожность сама по себе, нечто, совершенно мнимое. Свет Бог видит, как добро, а про тьму вообще ничего не говорится, ведь сама по себе она – ничтожество. А между тем, в иных, дуалистических религиях, эта тьма, первоначальная материя, персонифицируется и возводится в ранг изначального, глубинного злого, хаотического, разрушительного начала.

В первых же строчках Бытоописатель поражает чуждого бога и его разработанную мифологию.

Кстати, св. отцы Церкви, комментаторы Библии, множество слов посвятили именно этому месту в борьбе против современных им дуалистов, манихеев, многобожников, для которых некое злое начало в материи универсально, божественно, современно изначальным божествам. Эти лжеучители и библейскую тьму пытались представить в своем языческом статусе, совершая смысловое насилие над текстом. И вот, учителя церкви противились этим попыткам мифологизации Библии, утверждая ее первичный и прямой смысл.

Затем солнце и Луна в Шестодневе тоже подвергаются лишению своего Божественного статуса, развенчанию. Они всего лишь светила, их сотворение возводится лишь к четвертому дню. Жизнь растительная создана раньше них. Во всем этом тоже видится и автором священного текста, и христианскими отцами-комментаторами именно низвержение богов. Солнце и луна – основополагающие боги множества народов, окружавших Израиль. Более того, и сейчас легко опознать, предки каких народов больше почитали бога-солнце или бога-луну. Достаточно всего лишь взглянуть в календарь. У почитателей Солнца – год в 365 дней и месяцы не совпадают с фазами луны. У лунных почитателей – лунный же и календарь.

У древних евреев календарь тоже лунный – но это, скорее, оппозиция Египту, народу подчеркнутых поклонников Солнца-Ра.

В любом случае, сотворенные для календарей и освещения земли, солнце и луна в Шестодневе низвергнуты со своих пьедесталов. Переведены в лампочки дневного и ночного освещения. На большее их роль уже не простирается.

И наконец, еще одним ниспровержением ложного божества, по-видимому, является обряд обрезания. Археологи многократно доказали, что эпоха библейского Авраама наполнена культами плодородия и блуда, среди которых процветают и фаллические культы. Какой же еще смысл мог быть вложен в такую болезненную, непростую хирургическую операцию, бессмысленную в медицинском и любом ином прикладном значении, как не оскорбление и ниспровержение извращенного и чуждого культа? Во времена Авраама – это вполне понятная и вполне достаточная мотивация поступка для почитателя Единого Бога, сторонящегося языческого разврата и мерзости, и опасавшегося за своих детей и домочадцев. Может быть, мера крайняя, но результат ее заманчив: после операции обрезанных уже не примут в свое сообщество служители мерзких божков.

И здесь же еще раз, кстати, подчеркнем, что Бог Единый – это и единственный Бог во всех мировых пантеонах, для которого нравственность человека – самая важная вещь.

Единственное, чего этот Бог требует от первого человека – послушание заповеди. Послушание просто по приказу, даже когда смысл такого послушания (для чего именно нужно не трогать эти плоды) совсем не ясен человеку. Согрешение человека привлекает Божьи наказания, как на Адама, так и на Каина, так и на допотопных людей. Блуд и многобожие ставятся Библией на одну сторону (и осуждаются), верная семья, почитающая одного Бога, ставится на другую сторону – и благословляется.

Первая чета людей, несмотря на непослушание, все-таки сохраняется, как образ созданной Богом идеальной семьи, где один муж, одна жена и много детей. Затем осуждается первое убийство вкупе с запретом на ответное убийство. И осуждается блуд и разврат в поведении предпотопных людей.

В наши дни мы привыкли уважать ценность семьи, ценность человеческой жизни. Но в мире современников Авраама или Моисея эти ценности отнюдь не были традиционными. Свободная человеческая мысль, не связанная какими-либо традициями и наставлениями в стиле единобожия, отнюдь не ценит ни другую человеческую жизнь, ни семью (в понимании союза между одним

мужчиной и одной женщиной, которые любят и воспитывают своих детей). Мифология народов не почитает практически нигде ни такой семьи, ни чужой жизни. Боги древних мифологий практически нигде не требуют от людей выполнять какие-то заповеди нравственного характера.

Не противоречит ли это тому, о чем мы говорили выше, а именно универсальности нравственного закона в сердцах людей? Не противоречит. Действительно, люди знают в глубине души, что убивать нехорошо. Но дело в том, что это сознание в культах богов не доводится до уровня божественного повеления. Боги язычников убивают сами и людям подают пример. До уровня религиозного запрета универсальное нравственное человеческое чувство обычно не доходит.

Библии в этом отношении принадлежит историческое первенство.

Это факт. И его стоит обдумать. Вряд ли свободная человеческая мысль сама собою двинулась бы по библейским рельсам, ибо так она не двигалась в библейские времена ни у кого.

Может быть, кто-то ее, эту мысль, подтолкнул в библейском направлении?

Если мы это признаем, значит, Библия уже не есть чисто человеческое изобретение!

Народ Бога

Библия не претендует на то, что с самого раннего периода ее летопись всюду составляется очевидцами. Это не так. Первым человеком, бросившим взгляд назад, в историю людей от самого ее начала, считается Моисей. Книга Бытия восходит к нему. И логично предположить, что известную ему, единственному образованному израильтянину своего поколения, историческую информацию он излагает и осмысливает в форме исторической хрестоматии по единобожию. И книга обнаруживает следы мысли, явно не укладывающиеся в рамки человеческого мышления, как мы уже видели выше.

Но с Моисея, его собственной истории, начинается и нечто новое. Это неимоверно трудная задача: воспитание Божьего народа уже не в форме племени собственных потомков (как это было у Авраама), а из уже существующих реальных единоплеменников, сердца которых глубоко отравлены многобожием и рабской психологией. Мы помним, что библейские книги – это книги о войне богов и сами книги - воины в этой битве. Битва длилась еще минимум тысячу лет после Моисея.

К сожалению, борьба была настолько тяжела, что велась не в белых перчатках.

А когда книга вернулась с полей войны, прошла три тысячи лет и упала на стол современному изнеженному читателю, то он вдруг воскликнул:

- Если ты от Бога пришла, почему у тебя перчатки грязные?

Ответ прост: потому что книга в них воевала.

Серия соблазнов на Библию связана с теми страницами, где описывается Божий народ. Как Творец вселенной опустил до уровня племенного божка? Что это за любимчики у него, которым все позволено? И почему так низки в нравственном отношении Его служители? Подобных соблазнов у людей масса. Для их преодоления потребуется терпение.

Итак, становление народа Божьего в Ветхом Завете проходит два основных этапа.

Первый этап – Авраамов, второй – Моисеев.

На первом этапе единственный в своем поколении почитатель Единого Бога слышит призыв Его и уходит со своей семьей от цивилизации в пустынное странствие, чтобы там из его потомков родился и сложился новый народ. Народ во имя Единого Бога. Задача на этом этапе: дожидаться потомства и воспитать его в вере. Частично Аврааму удастся ее решить.

С Моисеем чуть похожая, но иная история. Он тоже создает себя единственным поклонником Бога в своем народе. Того самого Бога, который открылся Аврааму. Но теперь Бог судьбу Моисея связывает с его народом и велит ему вести весь народ за собой, а не только свою семью, как это было у Авраама. А это уже гораздо сложнее.

Аврааму не ставилась задача – вывести за собою все население древнего Ура и обучить его поклонению Единому Богу. А вот перед Моисеем встает именно такая задача.

Библейский текст не дает нам ясной информации на эту тему, но вполне возможно, что именно тесть Моисея, пустынный пастух Рагуил (он же Иофор) и научил Моисея единобожию. Воспитанный при египетском дворе с младенчества, человек, весьма далекий от традиции своего

народа, вряд ли мог где-то самостоятельно узнать о вере своего уже далекого предка Авраама. А вот пустынное жительство в большой семье, подобной Авраамову племени, тут вполне могло заполнить пробел. Моисей в своем личном изгнании из Египта прожил с тестем довольно долго, имел, по крайней мере, двух сыновей от его дочери. И вероятно, именно от пастуха-кочевника научился почитать Единого Бога. И лишь потом сам пережил таинственную встречу с Богом при купине и осознал свое новое призвание и задачу, поставленную ему Богом.

Как бы то ни было, пустынный бродяга возвращается в столицу огромной страны, вступает в переговоры с ее царем, фараоном, и в итоге все кончается освобождением целого поработленного народа и его удалением в пустыню – на служение Единому Богу.

Конечно, ради такого освобождения Моисею приходится показать от Бога ряд чудесных знамений. Очень вероятно, что знамения эти были весьма болезненными для зрителей. Если вы думаете, что освобождение народа было возможно человеческими силами (небольшое восстание), или человеческими убеждениями, значит, вы верите в нечто невозможное.

Избыточное число чудес на страницу исторического повествования не должно нас смущать. Вполне возможно, что количество и качество чудес дополнено задним числом, но это нисколько не меняет сути дела. Важно, что поработленный народ в конечном итоге покидает страну своего порабощения. И происходит это наверняка при помощи особых Божиих чудес. Вопрос может стоять лишь об их количестве и качестве.

Дальше тоже говорится о многих чудесах, и все же при этом духовная эволюция евреев описана психологически весьма правдоподобно. Медленное, с обильными возвратными ходами, движение людей от привычного многобожия к почитанию Единого Бога. Вот здесь все очень естественно и реалистично, никакого чуда нет.

Итак, мы теперь осознали всю сложность задачи Моисея: создать народ во имя Единого Бога, причем создать этот народ из людей, весьма отравленных многобожием (а других просто нет). Не пора ли теперь поставить вопрос: не приходилось ли и самому Моисею при решении этой задачи действовать медленно, осторожно, с возвратными ходами, порой идя на явный компромисс со своими язычествующими соплеменниками?

Ответ может быть только положительным: да, приходилось. И примеров этому в тексте хватает, нужно их только разглядеть.

Один раввин выразил это запоминающимся афоризмом. Моисей вывел Израиль из Египта за несколько дней. А вот Египет из Израиля, в смысле из сердец израильтян, выводил аж сорок лет, но так до конца и не смог его вывести.

Здесь мы введем ключевое понятие, благодаря которому, на наш взгляд, многое удастся объяснить. И не только в поведении Моисея.

Это понятие

Миссионерский компромисс

Что сделать Моисею с соплеменниками? Вырезать одну половину, страхом подмять другую? Сменить египетское рабство своим личным господством, занять место фараона? Ведь эти люди продолжают любить вражеских богов – и именно в этом вся проблема. Бог Авраама ничего хорошего им лично еще не показал. Ну, допустим, вывел из рабства, но ведь не дал изобилия продуктов, не дал того, чего они ждали. А они бы как раз хотели наоборот: лучше в рабстве, но зато при кормушке. И не стеснялись Моисею это открыто высказывать. Мало людей на свете подобных Аврааму, которые могли бы ждать обещанного Богом десятки лет. Остальные люди – обычные. Жили как-то зарабатывая хлеб и мясо в Египте, хотя бы и в рабстве, а теперь живут в дикой пустыне впроголодь. Как-то маловато этого для того, чтобы полюбить Моисеева Бога. Попробуем поставить самих себя на место этих людей. Они видят на примере египтян, что Бог Моисея хорошо умеет наказывать, но упростить своему народу его собственную трудную и голодную жизнь не очень-то спешит. Даже манна (как бы ни объяснять это явление в реальной истории) служит лишь для того, чтобы только не помереть с голоду. А земля, текущая молоком и медом, обещана лишь далеко за горизонтом. Как бы мы сами поступали в таком случае?

Наверное, как и те евреи. В присутствии Моисея боялись бы его Бога, который, как мы сами видели и помним, наказывать умеет очень больно. Но отлучись Моисей на гору на несколько дней, - кому бы стали мы молиться? Не думаю, что Моисеев Бог пленил бы любовью и наши сердца...

И вот, вполне закономерная в пустыне драма перед золотым тельцом. Психологически вполне понятная. Как и реакция Моисея, пребывавшего в общении с Богом. Моисей спускается со скрижалями с горы откровения и видит, как народ внизу поклоняется золотому тельцу. Виновные наказаны, кровь соплеменников пролита, первый прилив священного гнева проходит. Теперь время и Моисею задуматься над объемом своей задачи. Глядя на собственного брата, Аарона, тоже причастного к изготовлению истукана, Моисей вполне мог бы сообразить, что, уповая только на свой пророческий энтузиазм, вдохновляясь только своей памятью о горящей купине, ни до какой обетованной земли он народ свой не доведет. Только ему лично Бог открылся так, как открылся. Все остальные люди вокруг него не знают этого Бога, побаиваются Его – и не любят. Заставить любить невозможно. Заставить разлюбить тоже невозможно, даже если человек любит собственную смерть. Что остается делать? Как быть на следующем привале, когда отойдешь помолиться Богу, а вернувшись, увидишь нового тельца, которого все-таки любят? Сколько соплеменников нужно будет вырезать на этот раз? И в который по счету из таких привалов соплеменники уже не захотят подставлять свои шеи, а зарежут самого Моисея, навсегда проклиная его жестокого Бога?

Не станем забывать, что эти евреи еще не имеют пока никакого высокого понятия о Божием единстве и единственности. К Богу Моисея они относятся точно так же, как привыкли относиться к богам Египта. Яхве для них – очередной бог в длинном списке. Их убеждал Моисей, что это – Бог их предков. Для язычника менять богов по мере разочарования в одних и увлечения другими – это совершенно обычное и привычное дело. Взглянуть на Бога, как на абсолютного и уникального Творца и Царя, эти люди еще не были способны. Что же смогло их исправить?

Теперь, быть может, читателю не покажется странным ясный библейский ответ «без чудес»: довела евреев до единобожия продолжительная кочевая жизнь в пустыне. Одно поколение умерло, другое родилось под звездами и шатрами. И сработал этот странный, таинственный закон: кочевники скотоводы легче веруют в Единого Бога, чем оседлые земледельцы. По мере блуждания в пустыне, мало помалу, капля за каплей, яды многобожия вытекают из сердец. И верность Единому Богу достигает в народе высшей точки как раз перед завоеванием земли Ханаанской. Став оседлым земледельческим народом, Израиль в святой земле быстро переймет все обычаи окрестных многобожников, вплоть до самых мерзких. Жизнь «по Аврааму и Моисею» быстро кончится. Но это еще впереди.

А пока перед Моисеем непростая дилемма: навязать единобожие силой, убивая братьев и, в конце концов, самому погибая на этом пути, или отступить от своей миссии совсем. Похоже, что Сам Бог, понимая сложность задачи, научает Моисея большей мягкости в отношении к соплеменникам и, прежде всего, в отношении к их душам, несчастным душам, страждущим язычеством. Многобожие – зло, это очевидно. Но Бог идет с ним неоднократно на компромисс, потому что ни силою, ни наказанием, ни чудесными благодеяниями такое зло не побеждается. Богу легко растоптать любое зло, но при этом нужно не растоптать, а спасти его носителей – грешных людей, пока еще любящих зло.

И что же делает Моисей (или Бог, если хотите)? Он снисходит к людям и дает им некие старые, привычные формы религии, пытаясь постепенно заполнить их новым духовным содержанием. И такими примерами полна вся священная история. Можно даже резче сказать: она практически сплошь из таких примеров и состоит.

Новые мехи человеческого сердца, похоже, создал только Сам Христос, налив туда новое вино.

А до него пророкам приходилось иметь дело только с ветхими мехами, прекрасно понимая, (как и Иисус понимал), что нового вина туда наливать сразу нельзя: и вино прольется, и мехи порвутся.

Компромисс Бога со злом?

Конечно, в этом месте рассказа уже можно предвкушать топот ногами и скрежет зубов от собратьев, почитающих Писание священным и безошибочным источником всякой истины. Как так? Неужели Бог вынужден идти на компромисс с дьяволом? Ведь начальник всякого зла – именно дьявол, никто другой. (Я и действительно, выслушал таких речей немало).

На это есть простое возражение: скажите, какой педагог, общаясь и «воюя» с непослушным, испорченным, притом еще не своим родным ребенком, бывает бескомпромиссным? Нет такого педагога. На его месте может оказаться мучитель и садист, он не пойдет на компромисс со злом ребенка, он будет упорно, сквозь его слезы и злобу, словом и розгой преподавать ему уроки добра. И чем спокойнее будет при этом его тон, тем больший стресс и ненависть будет он вызывать у ребенка, который станет вредить и лгать, закатывать истерики и все более отчаянно сопротивляться проповедуемому добру. Ну и чем закончится такое общение? Смертью ребенка? Самоубийством? Сумасшествием? – Будем надеяться, что чуть полегче, конкретно – устранением бескомпромиссного «педагога» от воспитательного процесса.

Правильно действующий педагог вынужден будет многое простить, на многое не обратить внимания. Наказывать он будет избирательно, за какие-то вопиющие провинности, а прочих не заметит. В первую очередь терпеливо простит все личные оскорбления и выпады воспитанника в свой адрес. Большую часть времени употребит на построение позитивных отношений. Педагог вынужден будет пойти на то, чтобы занять ум и волю ребенка тем, что самому ребенку нравится. Рассчитывать на чувство долга, на жалость и сострадание воспитанника к кому-то поначалу не приходится. Этому ребенку не скажешь: сделай вот это, потому что оно нужно кому-то. Для ребенка это не аргумент. Он учится или трудится только в игре и в свое удовольствие – за чей бы счет оно ни шло. Приходится строить с ним отношения в том занятии, которое дитяти еще нравится, если это занятие относительно невинно. И лишь начав с этой точки, постепенно можно построить с ребенком контакт, понемногу отучая его от вредных привычек и мелких гадостей и приучая к чему-то доброму и полезному.

Педагогу паче всего нужно терпение. Но что такое терпение, как не умение прощать и не замечать совершенно явное зло со стороны воспитанника, направленное против себя и других? Это именно компромисс со злом, и ничто другое, но компромисс во имя спасения его носителя от зла.

А Бог и есть педагог своего народа. С учетом того, что Его взрослые подопечные любят зло уже гораздо глубже и серьезнее, чем дети. А Его, Педагога своего, в грош не ставят. Можно ли перевоспитать их, не спустив им никакого злодейства, а всего лишь просто и прямо повелевая им делать одно и запрещая делать другое? Ну вот, Моисей под изваянием тельца в пустыне что-то в этом роде попробовал к ним применить. Трупы были налицо. Как увидим далее, со временем ему пришлось применять совсем другие методы.

И все-таки, чтобы пример такого педагогического или миссионерского компромисса из самого Писания был бы совершенно бесспорным и очевидным, мы возьмем его из более поздней библейской истории. Это история о начале монархического правления в Израиле. Старейшины Израиля просят пророка Самуила, чтобы он поставил им царя, как это принято у прочих народов. Ответ Господа на молитву пророка настолько поразителен, что его следует дословно процитировать:

И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб я не царствовал над ними, как они поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня оставляли Меня и служили иным богам, так поступают они и с тобою. Итак, послушай голоса их, только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними (1 Цар. 8, 7-9).

Что мы здесь видим? С одной стороны, оценку Богом человеческой просьбы, как явно вредной, как глубоко греховной, как граничащей с отвержением самого Бога, ничуть не меньше! - и с другой стороны, прямое повеление исполнить им эту просьбу. Если это не есть компромисс, то что такое компромисс?

При этом важно еще и то, что в данном случае исполнением греховной человеческой просьбы Бог не стремится наказать этих грешников. На помазанного Самуилом царя Саула поначалу приходит Божие благословение, а в еще большей мере – на Давида. Царь Давид от Бога

благословен – хотя сама форма царского правления Богу, как видим из приведенных слов, не нравится. Как иначе это можно расценить, если не как долговременное продолжение того самого компромисса, на который Бог пошел со своим народом?

Здесь можно было бы долго рассуждать о том, какая форма правления: теократическая или монархическая более предпочтительна, но не это сейчас важно. Важно, что Бог готов пойти навстречу людям, даже не считая добрым и хорошим их человеческое начинание.

А не было ли чего-то подобного во времена Моисея?

Наблюдая за спорами протестантов и православных, я заметил, что те и другие вынуждены взбираться по скалам истории до самых времен Моисея и там искать и находить доводы в свою пользу.

Протестанты говорят: запрещены религиозные изображения. Православные указывают на херувимов в скинии, поставленных Моисеем по велению Божьему.

Протестанты говорят: церковь – это собрание, а не святое место, нельзя локализовать Бога в каком-то рукотворном храме. Православные показывают на скинию, сооруженную при Моисее в пустыне, и указывают, что именно это место отмечено схождением славы Божией (шехины; от этого еврейского слова происходит и само греческое слово: скиния, перешедшее и в славянский язык).

Протестанты разоблачают фетишизм. Православные указывают на ковчег завета и его содержимое. Ковчегу поклонялись, как величайшей святыне Израиля. А это именно ящик с фетишами – святыми предметами.

Протестанты напирают на то, что Бог не ест тельцов и козлов (см.: Пс. 49). Православные указывают на установления о жертвах времен самого Моисея.

И наконец, на пике споров высится Нехуштан, медный змей, изготовленное Моисеем изображение чужого, египетского бога, изображение, венчающее главы всех египетских фараонов. Не знаю, насколько же надо быть слепцом, чтобы даже в этой истории не увидеть, что Моисей вынужден был в критическую минуту пойти на компромисс с чужим божеством, лишь бы народ не разбежался во все стороны от новой напасти.

Разумеется, впоследствии в Торе будет сказано, что и это изображение было изготовлено по прямому повелению Бога, как и все предыдущее. А потом по велению Бога и было уничтожено, когда стало само предметом поклонения. Разумеется, сказано, что одного взгляда на этот идол (а это именно идол в самом прямом смысле слова) было достаточно, чтобы исцелиться от укусов змей. Но если отложить эту «священную лирику» и встать на место Моисея в пустыне, среди народа, хранящего все еще добрую память о египетских богах, то придется признать голый факт: изготовлено изображение египетского божества (или точнее, символ ряда египетских богов) ради спасения от нашествия змей. Если это повелел Моисею Сам Бог, прямым, вербальным откровением, значит, Он это делает тем же голосом, что и повелевал впоследствии Самуилу помазать царя над Израилем. То есть, пойти на поводу у народа и исполнить его, человеческую просьбу, которая на самом деле негодна Богу. Ибо Богу не могло быть угодным изготовление изображения египетского божества.

Более вероятно другое объяснение факта. Общение Бога со своими пророками, вероятно, далеко не всегда является вербальным. Мы же этого не знаем. Мы не знаем, по каким именно сердечным настроениям Моисей в тот момент отдал такое повеление. Однако и до этой странной истории с медным змеем прослеживается совершенно определенная тенденция, которую мы выше обозначили в нескольких пунктах. Понимая, что *Всевышний не в рукотворенных храмах живет* (Деян. 7, 48), и *не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему жизнь, дыхание и все* (Деян. 17, 25), Моисей, тем не менее, сооружает рукотворный походный храм, в котором устанавливает служение рук человеческих. Для чего он так поступает?

Не очевидно ли, что приучить израильтян, отягощенных египетской памятью, к служению Единому Богу в духе Авраама или в духе последующих пророков было совершенно невозможно. Требовалось приспособление к их немощи. Они привыкли к священным изображениям, к локализации божества в определенном месте. Они не понимали, как можно умолять бога, не принося чего-то к его алтарю, тем более не понимали, что алтарь Творца стоит на Небесах и не доступен нашему взору. Полторы тысячи лет должно было пройти, чтобы людям было бы повелено

поклонение Богу *в духе и истине*, не привязанное к какому-то конкретному святилищу. Человек, молящийся невидимому Богу, без храмов, жертв и идолов, в те времена никак не мог бы восприниматься всерьез. Такого все считали бы явным безбожником, никак не меньше! Более того, предлагаем задуматься: что о таком человеке скажут сейчас? Еще того хуже: а сколько вообще на планете найдется людей, которые могли бы молиться Творцу, абсолютно не нуждаясь в каких-либо материальных атрибутах, и при этом не противопоставляя себя остальному человечеству, не впадая в сектанство и гордыню? Считите таких по пальцам – если сможете хотя бы кого-то найти!

Племенной Бог

Интересно и то, что в Ветхом Завете Бог чаще представляется, как племенной бог: Я – Бог Авраама и Исаака и Иакова, - нежели чем именует Себя Творцом Неба и земли. И это тоже снисхождение к глубокой и греховной человеческой немощи. Бог предков еще как-то понятен для человеческого сознания, Бог Единый Вседержитель доступен для осознания гораздо меньшему числу людей.

Племенной бог – понятие сугубо языческое, такая же «традиционная ценность», как и идолослужение, поклонение земле-матушке, как национализм, как человеческие жертвоприношения и ритуальная проституция. Все это в разной мере было у всех народов, ничего удивительного тут нет. Племенной бог – это средство консолидировать народ, оградить его ежовыми колючками копий и мечей от всех остальных народов. Племенной бог – это средство войны. Разумеется, войны справедливой (а какую же еще войну может вести **наш** народ?), войны за сохранение народа – во имя этого самого племенного бога. Племенной бог – этот тот бог, который принимает молитвы за победу в войне и жертвоприношения в виде верениц пленников. Наиболее кровавый бог. Это вам не земля-матушка или великая мать богов, дающая урожай и благословляющая сексуальные утехы. Племенной бог – это бог войны и кровопролития, бог национализма, нацизма и расовой дискриминации.

Так принято в мире людей.

И что же мы видим? Бог Единый и Сам захотел, чтоб и у Него все было, «как у людей»?

Получается, что так.

Многократно и многообразно Бог говорит народу через пророков, что Он есть Бог отцов их, что ради отцов Он избрал свой народ, сделал свой народ любимчиком, поставил выше других народов. Прощает этому народу то, чего не прощает другим, хотя и наказывает порою всех. Закрепляет только со своим народом завет, защищает народ от всех врагов. Проклинает врагов Израиля только за сам факт их неприязни к Израилю.

Такое отношение однозначно воспитывает националиста из любого поклонника еврейского Бога. И здесь нет абсолютно ничего, что принципиально отличалось бы от любого языческого культа. В любом языческом культе национализм так или иначе присутствует. Если народ не будет защищаться от других народов, то он исчезнет, уйдет и растворится в других народах. А люди живут семьями, племенами и народами, по-другому не живут даже Авраам и его родственники. Благословить национализм должны и обязаны любые жрецы в любом народе. Это совершенно непреложная истина, горькая правда о падшем человеке на проклятой за него земле.

Взглянуть только в книгу Псалтири, сколько там слышится молитв и воздыханий к Богу Израиля, чтобы благословил свой народ и разогнал его врагов! Таких воздыханий наверняка не меньше, чем аналогичных молитв в любом ином народе. С этой точки зрения Яхве воспринимается именно как племенной бог Израиля со стороны всех его поклонников (ну, разве что, кроме самого Моисея!).

В этом как раз ничего удивительного нет. Племенной националистический бог – это совершенно нормальное и целиком всеобщее явление в человечестве. Очень глупо было бы упрекать Библию за проповедь национализма, - в этом нужно упрекнуть любого потомка Адама.

Удивительно другое. Библия, показывая нам Яхве Богом племенным, Богом еврейским, все же глубоко превосходит это узкое, националистическое видение. Многие пророки, Исаия прежде всего, но далеко не только он, созерцали будущее благословение разных народов, хотя и мыслили

это благословение через Бога Израиля. Если выписать все пророческие цитаты на эту тему, получится целая книга. Общий смысл в том, что люди разных народов поклонятся Богу Израиля потому, что Он и есть Творец вселенной и единственный реально Сушый Бог. И когда народы так поклонятся, они получают Божие благословение, они уравниваются с Израилем.

Итак, картина сложна, как минимум, она двойственна.

С одной стороны, библейский Бог – Бог племенной и националистичный. И здесь нет ничего ненормального, как мы уже сказали. Это не что иное, как очередной и серьезный миссионерский компромисс Творца с потомством Авраама.

С другой стороны, библейский Бог превосходит эту языческую, националистическую рамку, утверждая себя через пророков, как Бога всех племен. Однако время благословения всех племен во времена библейских пророков еще не настало. Это время пришло позже.

Вот эта двойственность библейского Бога в национальном вопросе в очередной раз показывает нам педагогическую стратегию Бога в мировой динамике. Сначала избрать маленькое племя, семью одного кочевника-скотовода, чтобы в ней сохранить веру в Творца, затем подарить эту веру целому племени, затем через это племя распространить веру во все уголки земли и все народы.

Как хотите, но тут очевиден единый общий замысел!

И Бог проводит этот замысел постепенно, через многие препятствия, идя на многие компромиссы с испорченным, немощным человеком, душа которого в нынешнем ее состоянии язычника, а по старой-старой памяти о первоначальном творении она все-таки создана по образу Божию и на служение Ему.

Миссионерский компромисс в христианстве и исламе

Итак, мы нащупали важное понятие: миссионерский компромисс, педагогическое снисхождение. Далее мы постараемся проследить конкретное проявление этого понятия в священной истории, но уже есть смысл заранее указать на это же явление в христианской и исламской миссии. Пусть нам придется сделать небольшое отступление, зато мы лучше сможем понять историю становления самого библейского текста. А это и должно послужить, по нашему убеждению, к его защите от воинствующего и невежественного обвинения.

Принцип миссионерского компромисса оказывается вполне универсальным в истории религиозной проповеди. И поэтому на него нужно обратить внимание.

В истории христианской проповеди мы встретим этот принцип многократно. Сама проповедь библейской веры философски образованным эллинам вынужденно перешла на язык философии. Это известный факт. Далее мы видим, как почитание христианских мучеников вытесняло культ древних языческих героев. Мы видим, как почитание Девы Марии Богородицы заменяло и вытесняло древнейший культ великой Матери богов. Невозможно было загнать в голые стены храма крещеного вчерашнего язычника, с детства впитавшего культуру художественного изображения, – и так на помощь христианским проповедникам пришли иконы. Заимствовались, повторялись формы, к которым люди привыкли, эти ветхие мехи. В них по капле добавлялось новое вино христианского откровения. До тех пор, пока Сам Господь не обновлял человеческое сердце, превращая его в мехи новые.

Да, настанет момент, когда христианин, приходивший к Богу через вещественные пособия, вдруг осознает, что он уже перестал в них нуждаться. Икона для его молитвы перестает быть необходимостью. Но при этом, уже не делая кукла из миссионерского пособия, он не станет разрушать само это пособие. Посмотрел на Нехуштана, вспомнил, как этот змей спасал израильтян от змеиных укусов в пустыне, вспомнил, что это все-таки египетский бог, – и прославил Единого Бога. А изображение медного змея оставил в музее. Ни поклоняться ему не стал, ни сжигать его тоже не стал.

Мне кажется, это нормальное поведение взрослого человека.

В домах, где еще недавно выросли дети, остаются порой на диванах их мягкие игрушки. Ребенок уже не играет и не спит со своим мишкой, как прежде. И это нормально, он вырос. Но если вы заметите, что подросток отрезает голову своему плюшевому бывшему «товарищу» по играм, то, наверное, обеспокойтесь о его психическом состоянии, не так ли?

Таким образом, предание Церкви сохранило нам множество подобных миссионерских пособий, к которым взрослый христианин должен отнестись по-взрослому, не как ребенок и не как психопат. И каждое из них на своем этапе имело характер миссионерского компромисса, педагогического снисхождения.

И тот же самый принцип многократно проявился и в истории миссии исламской. Мухаммед был великим миссионером своего времени, чем обусловлен и величайший конечный успех его проповеди. Казалось бы, весь пафос его учения направлен на очищение единобожия от всего лишнего и суетного, но при этом пророк ислама удивительно деликатно сохранил в религии предков все то, что только можно было сохранить. Это и святилище Каабы, и обычаи хаджа с жертвоприношениями, и целебный источник Зам-зам при Каабе, и лунный календарь, и изображение луны, и почитание предков, в том числе и предков самого пророка. Само по себе все это давно лишено религиозного смысла. Например, в толковании исламских богословов, барашек, которого режут на праздник Курбан-байрам, не имеет религиозного значения, это не искупление чьих-то грехов, не заместительная жертва, не угощение Аллаха (как думали древние арабы). Это всего лишь угощение для людей нуждающихся. Тем не менее, обычай свято хранится, хотя и этих нуждающихся в такой день найти порой сложно: вроде бы все сыты, все режут своих барашков. Что это иное, как не миссионерское снисхождение к людям, когда-то чуждым Бога или придававшим Аллаху сотоварищей? Древний обычай, сохраненный в миссионерских целях, хотя сам по себе уже достаточно пустой.

Грубыми и широкими мазками мы очерчиваем общую картину, в которой существует некое универсальное явление, универсальный принцип. Просто для того, чтобы отнестись к нему серьезно. И понять, что и Сам Бог тоже относится серьезно к этому принципу и использует его.

Кстати, идея Божьего снисхождения к немощи людей – это одна из центральных идей в святоотеческом толковании Писания, это, можно сказать, экзегетический принцип. Именно этим снисхождением принято у отцов Церкви объяснять все библейские антропоморфизмы, эти Божьи руки, уши и глаза, слова о том, что Бог раскаялся в том, что сотворил мир, и так далее. Этим снисхождением христианские отцы стремились снять тяжкие обвинения невежества в адрес Самого Творца. И это – похвальная цель! Сама мысль о том, что Божье слово, библейское слово нарочито приспособлено к немощи людей, – это не наше открытие. Мне следует лишь взять ответственность за некоторое расширение этого принципа: Бог не только говорит, приспособляясь к немощи людей, но Он и делает нечто, когда ведет судьбы мира, руководствуясь тем же снисхождением к греховным слабостям человеков.

В конечном итоге Бог снисходит к человеку настолько, что уже Сам становится человеком и принимает по-человечески смерть за грехи людей. Так учит христианская вера, так учат христианские наставники. И они не раз отмечают, что это снисхождение Бога к человеку началось именно в ветхозаветные времена.

Народная религия

Итак, если мы уяснили, что не просто пророки, вожди народа, порой идут на миссионерский компромисс, что, как минимум, не возбраняет им этого Сам Господь, то снова подчеркнем важнейшую причину необходимости компромисса. Причина – необходимость возглавить целый народ, большую общность людей.

Ной, Авраам, Лот, Иов, Иофор, тесть Моисея, Мелхиседек – это все одиночки в своем достаточно нечестивом окружении. Коран именует этих идейных, крепких монотеистов особым арабским словом: *ханифы*, и, собственно говоря, показывает далее, что Мухаммед призван к тому, чтобы восстановить и возродить их веру и традицию. (Вообще, нам приходится часто ссылаться на Коран и историю Мухаммеда, говоря о Ветхом Завете, потому, что в некотором смысле эта история

переносит библейские времена на полторы-две тысячи лет ближе к нам, она неплохо документирована, и в некотором смысле служит ключом к пониманию мотивации библейских персонажей).

Но в том-то и дело, что подлинный ханиф остается бесконечно одиноким в своем окружении. Он бредет со своими стадами по пустыне, не имея где главу преклонить, не имея почти никакого иного богатства, кроме своего Бога. В самом лучшем случае его веру и чаяния разделяет хотя бы его семья. От Авраама до Мухаммеда – это типичная картина. Более тяжелый случай получается тогда, когда Бог посылает такого ханифа, уже не просто пустынным странником, а пророком и свидетелем перед людьми в пользу Единого Бога. В таком случае неизбежный конфликт интересов грозит обернуться неминуемой смертью пророка. Здесь ярким примером может служить пророк Илья, но, конечно, и другие пророки также.

Если в библейской истории Ветхого Завета существует какой-то общий Божий план, то наиболее схематично его можно выразить примерно так: Бог стремится создать народ, служащий Ему, Единому, народ монотеистов, сделать веру в Единого Бога верой народной.

Ханифы и пророки своею жизнью показывают, сколь невероятно сложна такая задача.

Почему она сложна?

Потому что ханифы – это всегда малая часть духовно одаренных людей. А народная вера – это всегда многобожие, может быть, видоизмененное и приукрашенное, но именно многобожие.

Душа человека по природе христианка, – так сказал христианский автор II-III века Тертуллиан. Мы, вообще говоря, не обязаны тотчас соглашаться с такой формулой, тем более, делать ее пословицей. Ибо этот автор далеко не всегда выражал учение Церкви, страдал невероятной пылкостью характера, что бросало его в крайности; под конец жизни он увлекся монтанизмом, сектантским учением, затем разорвал и с ним и кончил жизнь в собственной секте, в разрыве с церковью. Может быть, Тертуллиан имел в виду, что по своей первозданной природе, еще не испорченной грехом, душа человека привержена к Единому Творцу. Но на самом деле, по своей эмпирически данной природе, душа человека среднестатистического – это самая настоящая язычница и многобожница. И такова она по причине греховного повреждения своего, наследованного со времен Эдемского сада. И это есть постоянно повторяющаяся, хорошо прослеживаемая в библейской, христианской и исламской истории закономерность. Столь же объективная, как и принцип миссионерского компромисса, тесно связанная с ним, в сущности своей – прямо объясняющая этот принцип компромисса. Для того и компромисс, что душа – язычница. Хотите привести ее к Единому Богу – идите медленно и постепенно, путем компромисса.

Иначе народная религия Единого Бога у вас просто не состоится. Вас убьет этот народ или просто выгонит в пустыню – молиться Единому Богу без алтарей и под звездами.

Если вернуться к Моисею, то он еще мог себе позволить такую молитву под звездами, пока жил в шатрах своего тестя. И ему там не нужны были ни скиния, ни резные херувимы, ни скрижали, ни ковчег завета. Ни тем более, медный змей на палочке. Бог слышал его и без всего этого.

А вот тот же Моисей в качестве народного вождя – это уже совсем другое служение, совсем иной поворот дела. Как мы видели, одну только грубую силу здесь применить невозможно.

Народ не будет долго стоять при горе завета, ожидая, пока Бог говорит с Моисеем. Народу нужно для религии определенное место, определенное жреческое сословие и определенный богослужебный чин. Ни место, ни жречество, ни жертвы Самому Богу не нужны, и не нужны были бы Его ханифам, но народу, еле-еле собранному во имя Божие, это все необходимо.

Вот все эти старые, глубоко знакомые и близкие по недавнему языческому прошлому, атрибуты религии устраивает Моисей своему народу. Библия утверждает прямо: это все было по повелению Божьему: походная скиния, ковчег завета в ней, религиозные рукотворные изображения, жреческое сословие – Аароново священство и система жертвоприношений. Если кому-то сложно согласиться с тем, что Бог это Моисею повелел, то, по крайней мере, должно согласиться на ослабленную формулировку: Бог это Моисею **разрешил**, не осудил его за это. И не осудил потому, что содержание привычных религиозных форм становилось постепенно уже другим.

И все это совершенно неизбежно, когда во имя Единого Бога собирается целый народ.

Помимо миссии Моисея в Израиле, у нас есть еще два гораздо больших по масштабам примера воспитания народа во имя того же Бога: христианская миссия и исламская. В обоих примерах мы видим очень небольшое, узкое меньшинство людей, собравшихся вокруг проповедника (Иисуса или Мухаммеда), беззаветно ему преданных, полностью и без оглядки разделяющих его учение, взгляды и цели. И вокруг большая толпа, которая осторожно приглядывается к Посланнику, иногда верит ему, иногда просит помощи или знамения, но в целом ведет себя, как три категории почвы из известной притчи Иисуса Христа. Слово либо склевывается из их души, либо засыхает, либо заглушается сорняками, не принося плода ни в одном из трех случаев. «Чистое» Евангелие и «чистый» Коран не захватывает сердца широких масс. Иисус сокрушается о непоследовательности слушающих Его, и Мухаммед постоянно обличает лицемеров в Коране.

В итоге миссия в народе складывается лишь на базе откровения, но всегда применяется некое «плюс нечто».

Христианская миссия после Иисуса очень быстро распространилась по всей Римской империи (это мы документально можем проследить) и, по всей вероятности, далеко за ее пределами (чего проследить документально мы уже не можем). Быстрое распространение и легкое принятие раннего христианства во многом объяснялись его эсхатологическими ожиданиями. Люди и без того ждали конца света, и такая новость на некоторое время могла их мобилизовать. Но очень вскоре, уже в первом веке и далее, оказалось, что искренних и твердых последователей воскресшего Христа, чающих воскресения мертвых и жизни будущего века, не так уж и много. Три первых века христиане составляли самый незначительный процент населения в империи. И одними только гонениями этот факт объяснить невозможно. Сами гонения бывали в основном локальными и эпизодическими. Далеко не все римские императоры вообще прибегали к крутым мерам против христиан. По сути, только Декиево и Диоклетианово гонения задумывались, как тотальная война на уничтожение христиан по всей империи, но и те продлились довольно недолго, по два года. Главная же причина непопулярности христианства лежала и лежит в нем самом: в своей первооснове это не есть народная религия. Тертуллиан оказался неправ относительно души человека, - вот и все. А потому слушателей Лукиана и Цельса, опровергающих и осмеивающих христианскую веру, всякий раз было в сотни раз больше, чем учеников у христианских апостолов и мучеников.

Приходит император Константин, благоволит христианской вере, бескорыстно и усердно, с имперским размахом отстраивает церковное благолепие, создает условия, при которых христианином быть выгоднее, чем язычником – и церковные притворы тотчас набиваются толпами оглашенных. Огромную роль при этом играет и восстановление Иерусалима и его святых мест в то же самое время. Паломничество, «поход за божественным», этот неотъемлемый атрибут народной религии проявляется и здесь. Непопулярная и непонятная «религия под звездами» теперь становится понятной, когда выкладываются святые места, на которые можно прийти, поклониться, прикоснуться, взять камушек на память и на защиту. Тут уже гораздо больше людей тянутся к церкви. А если при этом какие-нибудь серебряники Димитрии в славном городе Ефесе получают заказы на изготовление икон Девы-Богородицы и окладов к ним, то что удивительного, если они с радостью возьмутся за новые заказы, а поделки в честь Артемиды – коль скоро те вышли из моды – делать перестанут? Сделать сребреника Дмитрия христианином можно только через его ремесло, ведь он и защищал свою языческую веру против Павловой проповеди именно по ремесленно-экономическим мотивам (см.: Деян. 19, 23-40).

Так постепенно создавалась народная христианская религия.

Канва исламской проповеди выглядит иначе, но та же закономерность прослеживается и здесь. Первые десять лет пророк Мухаммед проповедует в Мекке. Внешне его проповедь выглядит, как поэтическая импровизация с глубоким религиозным смыслом. Неграмотный поэт – это вообще-то, неслыханное явление, тем более поэтически проповедующий. На Мухаммеда, человека не из последнего мекканского рода, обращают внимание. О нем знают все, прислушиваются к нему многие, но последуют за ним единицы. По сути, это примерно те же три процента, что и были в Римской империи христианами до времен Константина. Потом проповедь Мухаммеда начинает затрагивать основы народной (языческой) религии арабов. Непопулярное меньшинство становится

гонимым. Мусульмане вынуждены переселиться в Медину. Начинается затяжное вооруженное противостояние. И разрешается оно тем, что Мухаммед совершает мирное паломничество в Мекку, по старым обычаям народной религии. Он не ниспровергает, но лишь очищает веру отцов, убирает идолов, убирает культ богинь - дочерей Аллаха, а все, что в религии арабов не противоречило Единому Богу, оставляет в прежнем почтении. И этим завоевывает сердца многих. Затем последовать пророку становится политически выгодно. Распространение ислама дальше, уже после Мухаммеда, мыслится путем завоевательных походов. Завоевание вполне укладывается в понятие народной религии. И в таком виде ислам уже захватывает массы. Чистый же и первоначальный ислам Пророка, его попытку возврата к Ибрагиму-ханифу, библейскому Аврааму, его удивительное по силе и новизне примирение с «людьми Книги», признание возможности спасения для этих людей, - всего этого раннего мекканского периода в служении Мухаммеда уже почти никто не помнит. Это и не нужно. В народной исламской религии нужно стать мусульманином, принять шахаду и обрезание, соблюдать пять столпов благочестия, и желательно вести джихад. Больше никаких сложностей не требуется: обряды и действия обозначены четко и ясно. Народная религия сформирована и здесь. Причем даже при жизни самого пророка, как и в древности – при жизни Моисея.

Теперь, если вернуться с учетом всего этого опыта к Моисею, то мы уже легко поймем его и те действительно важные противоречия в Библии, которые обращают на себя внимание.

Противоречия в Библии есть серьезные – а есть и вздорные. Ко вторым можно смело отнести возможные исторические ошибки, вроде подсчета точного числа колесниц у царя Соломона. Повторим: богодухновенность текста не исключает ошибок подобного рода. Ведь эти ошибки не имеют ни малейшего смыслового значения. А вот по-настоящему серьезное библейское противоречие лежит именно здесь, в области народной религии.

Почему Запретивший второй заповедью делать религиозные изображения повелевает Сам сделать именно такие изображения на крышке ковчега завета?

Зачем велит сделать сам этот ковчег с артефактами – прямое знамя самого настоящего фетишизма?

Зачем провозглашающий Себя Творцом неба и земли велит создать палатку в качестве места своего присутствия и обозначает это присутствие особыми знаками?

Вот эти противоречия, действительно серьезные. И разрешение им одно: необходимость сделать веру в Единого Творца верой народной. А для этого пойти на миссионерский компромисс.

Но и это еще не все из серьезных противоречий в Ветхом Завете.

Мы уже видели, что единобожие более или менее принимается кочевниками пустыни. Мы уже поняли, для чего Бог устроил так, чтобы вышедшие из Египта евреи прожили этой кочевой жизнью целых сорок лет, - так выветривался из них дух идолопоклонства. Можем ли мы теперь предсказать, что будет с такими людьми, если их после этого взять и поселить на земле, текущей медом и молоком, да еще так, что соседями их будут последователи самых грязных языческих культов? Надо ли иметь пророческую прозорливость, чтобы заранее угадать, что с ними произойдет именно то, что и произошло в библейской истории, то есть, что они развратятся и забудут Единого Бога в первых же поколениях?

Разумеется, такой исход дела был очевиден еще до вступления Израиля в Палестину.

И вот вопрос: зачем же Бог ввел евреев в такую землю для оседлого проживания? Ведь знал же, чем им это грозит! Более того, Бог не просто ввел их туда, как бы в последний момент, Он манил их всю дорогу, все эти годы, Он обещал им эту землю заранее. Во всяком случае, Тора, а с нею и вообще, все еврейство, считают землю Израиля уже духовной, непреходящей ценностью, доколе стоит мир.

Народная религия в форме государственной

Итак, Бог со времен Моисея попустил людям верить в Себя, в Единого Творца, в привычных формах народной религии. Бог пошел на такие миссионерские компромиссы, как фетишизм, святилище, жречество и система жертв, установил (разрешил?) пищевые ограничения,

благочестивые обычаи (особенно вокруг субботы), а затем еще и паломничество к единственному Храму, когда, наконец, Храм стал стационарным.

Все эти атрибуты народной веры не нужны ханифам, а нужны народу.

Но это еще не все.

Народная религия сохраняет народы. Но народы плохо сохраняются, если они не имеют своего государства. Государство – вот еще одна традиционная ценность людей, которая хранит религию и которая сама сохраняется религией. Чтобы храниться лучше, народная религия должна отлиться в государственные формы. Может быть, именно для этого и ввел Бог свой народ в оседлое существование на обетованной земле? Не беремся утверждать такое предположение в качестве однозначного ответа на вопрос: зачем Бог вывел Израиль из пустыни. Может быть, здесь в судьбах Промысла есть еще что-то непонятное нам. Но очевидно, что, вводя Израиль в землю Палестины, Бог идет на очевидный риск, жертвует духовным качеством своего народа. Значит, это делается с какой-то целью?

Здесь мы видим волю Божию на создание уже не только народной, но и государственной религии, чтобы народ Божий достиг какого-то общего социально-политического статуса, чтобы он имел свою землю и свое государство посреди других народов и государств, чтобы вышел из бродячего, нищенского, униженного состояния. И при этом оставался бы Божиим народом.

Задача, несущая противоречие в самой себе. А потому крайне трудная. Пустыня хранит единобожие ханифов, но нужно единобожие ханифов вывести из пустыни и поселить в государстве! И именно в контексте этой задачи находит свое разрешение и тот парадокс благословения Богом царства в Израиле, о котором мы уже размышляли. Бог идет на новый риск, разрешая евреям иметь своего царя. Бог понимает, что это их отдалит от Него еще больше, – по крайней мере, на какое-то время. Тем не менее, Он готов идти на то, чтобы его народ имел свое нормальное государственное устройство. Ведь государство, по идее, должно защищать и оберегать народ и его веру.

Таким образом, все подлинно серьезные противоречия в поступках Бога по отношению к своему народу ложатся на одну смысловую линию. Религию Авраама, Ибрагима-ханифа, Бог хочет сделать религией целого народа, образующего при этом свое государство. Ради этого Он идет на глубочайшее снисхождение к грехам людей, на великий миссионерский компромисс.

Но и это еще не все в таинственных делах библейского Бога.

Палестина и тогда была чем-то вроде центра заселенной людьми Евразии, но самое ужасное в том, что она находилась в этакой «тектонически напряженной» зоне, точнее, напряженной политически. Это зона столкновения Египта и Передней Азии, могущественных монархий Африки и Востока, постоянно сжимавших Израиль в своих тисках. В таких условиях Израиль, как народ, жил в постоянной опасности, а как государство был, по сути дела, заранее обречен на уничтожение. Которое, разумеется, не замедлило прийти.

Ведь если поразмышлять над библейской хронологией, то окажется, что некоторая государственная самостоятельность была присуща Израилю весьма недолгий срок: это примерно от завоевания Палестины и до завоевания Северного Царства ассирийцами, когда десять из двенадцати израильских колен навсегда потеряли всякое подобие самостоятельной государственности. Внутри этого срока (а он, с учетом разной в науке датировки Исхода варьируется от четырехсот до семисот лет) правление судей еще нельзя считать временем израильской государственности в полном смысле слова. Так что более или менее сносное государственное устройство было в Израиле, по сути, только при трех первых царях: Сауле, Давиде и Соломоне. Из этого срока только в правление Соломона Израиль получил хотя бы какой-то серьезный политический вес в глазах соседей. Сразу после кончины Соломона последовало разделение Израиля на два царства. Северное царство просуществовало очень недолго и было завоевано. Еще век продержалось южное Иудейское царство – и тоже исчезло. И больше своего государственного суверенитета Израиль не увидел уже никогда – вплоть до 1947 года. Но и в наши дни очень серьезно звучит такой вопрос: а может ли государство, которое на глобусе можно разглядеть только в хорошую лупу, в нашу эпоху сверхдержав считаться суверенным государством?

Так или иначе, но опыт государственной религии Израиль, как народ, все-таки поимел. Что мы можем извлечь из этого опыта?

Извлекаем мы то, что государственная религия – это, по сути, та же народная религия, ограждаемая более жесткими формами, элементами принуждения. Здесь не только обычай предков и пример старших показывают, что и как нужно исполнять. Здесь и государственный аппарат вступает в свои права и защищает существующий порядок. В таких условиях всякому новоявленному «ханифу», истинному или ложному, любому религиозному реформатору или диссиденту грозит уже не просто осуждение со стороны официального жречества, но и политическое разбирательство в соответствии с государственным законом.

Израиль испробовал и эту штуку – государственную религию. Бог, предвидя, что это все добром не кончится, разрешил через пророка Самуила монархическую государственность в Израиле. И действительно, ни к чему хорошему это не привело по одной простой причине: единобожие не утвердилось в качестве народной религии Израиля на тот исторический момент. И государственная машина стала сохранять тот странный синкретический культ, сложившийся на тот момент в Израиле, который мы наблюдаем в истории пророка Ильи. Народ, по его выражению, хромает на оба колена: тщится совместить почитание Яхве и Его противников – богов Ханаана. Выражаясь языком Корана, придает Аллаху сотоварищей. Государственная власть защищает это сложившееся двоеверие, как умеет. И вроде бы ему удастся подавить таких пророков, как Илья и его ученики, но беда для государства приходит не от них, а совсем с другой стороны, как мы видели. Ведь Израиль зажат в тисках своих могущественных противников, которые в конце концов окончательно добивают остатки еврейской государственности.

Народная религия – явление не однозначное в истории. Подлинное единобожие принимает формы народной религии, в порядке миссионерского компромисса, с очевидными издержками в пользу язычества. Государственный статус такой народной религии единобожия эти издержки только увеличивает. Не только история Израиля подталкивает к такому выводу, – христианская и исламская история его также подтверждает. Государственная поддержка религии при всей своей полезной, охранительной, функции ложится тяжким бременем на самую сущность охраняемого сокровища веры. Поэтому такой тяжкий «щит веры» Бог попускает далеко не всегда, а вот расплата за «государственную крышу» как раз бывает всегда, причем иногда становится весьма тяжелой.

Тем не менее, ввести свой народ в государственное устройство Богу, действительно, хотелось, о чем говорит священная история. Путь этот был сложным и не прямым, однако Бог ведет свой народ именно по этому пути. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу и отметим хотя бы одну, но важную причину этого.

Народная религия в трактовке римского права

Снова на некоторое время мы оставим Израиль и его Бога на пороге вавилонского плена и сделаем отступление.

Введя понятие народной религии, мы описываем реальность, которую люди понимали всегда, в разных народах и притом приблизительно в одинаковых общих чертах.

Возьмем, к примеру, римское законодательство о религиях. Известные своей величайшей веротерпимостью римляне обозначили тремя характерными чертами такое понятие, как разрешенная религия. Эти три черты суть следующие: древность религии, народ, объемлемый ею, и наличие святилищ. Иудаизм времен второго Храма вполне попадал под это разрешение, а христианство не проходило ни по одному из трех пунктов, – и сего ради считалось религией не разрешенной.

И это потому, что Рим, как никто другой, понимал толк в государственной религии. Религия именно в Риме была частью государства, очень значительной его частью, а еще важнее то, что само государство имело глубоко религиозное значение и осмысление. Римляне прекрасно чувствовали, что на волю верующего свободно сердца никак нельзя отдавать такую штуку, как религия. Религия должна быть именно народной, потому что только народная религия поддается «огосударствлению». Предмет религии может быть, в принципе, любым, но долг государству религия отдать обязана всегда, от имени любых народных богов. И потому все три черты, все три признака народной религии, подмечены очень точно. Определенный народ должен хранить веру

своих отцов, причем достаточно долгое время. Религия не имеет права быть новой, только что измышленной, она должна быть традиционной. И как таковая, она должна иметь свои святилища и культы. Все очень точно. Спонтанных вмешательств Небес здесь быть не должно. Никакой ханиф от Авраама до Мухаммеда не имеет права здесь появиться ни по какому Божьему призыву. Моисей и Сам Иисус – здесь все они оказываются товарищами по несчастью. Никто из них по римскому законодательству не имел права на легализацию. А все их потомки, спустя пару веков, обзаведясь своим культом и святилищами, легко бы получили такое право. Характерно!

Еще одна общая черта для трех монотеистических религий.

Итак, народная религия, будучи по своей природе делом языческим, как и человеческая душа – по ее правильной, а не Тертуллиановой оценке, всякий раз берется Господом и используется для заполнения ее новым содержанием. Будучи поначалу самым главным препятствием на пути ханифов и пророков, она помощью Божией, окультурируется этими пророками, ее элементы используются, и в конце концов она дарится народу.

Со всеми издержками духовными, со всеми языческими уклонами.

И со всеми достижениями социальными.

Ведь именно в качестве народной религия формирует в народе культуру, воспитание, нравственные ценности и традиции. Без формирующей культуру религии мы получим народ дикарей, притом еще и постепенно деградирующий.

А в рамках народной религии, прививаемой с детства всем, мы, скорее всего, никогда не увидим пророков и ханифов. А если они вдруг появятся и покажут жрецам народной религии, что, вообще-то, Бог ждет от верующих в Него чего-то большего, то, скорее всего, именно жречество таких «выскочек» и ликвидирует, – по возможности с привлечением государственных кураторов религии. Примеры из истории предоставим вспомнить читателю самостоятельно.

Чудо в духовной эволюции Израиля

Теперь снова вернемся к историческому пути Израиля.

До сих пор почти все в его духовной эволюции было более или менее объяснимо, понятно и не требовало особых небесных вмешательств и чудес. Разве только исход из Египта и странствие в пустыне не могли бы осуществиться одними только человеческими силами и требовали какой-то небесной помощи. Но эта помощь, как мы видели, совершенно не касалась человеческих сердец. Духовная эволюция израильтян шла по самым обычным человеческим «рельсам». А именно требовался целый ряд миссионерских компромиссов, чтобы Моисею и его преемникам – с помощью Божией – создать народную религию Единого еврейского Бога.

Удалось ли ее создать до времен Вавилонского плена? – Пожалуй, да. Во всяком случае, в Иудейском царстве.

Удалось ли обратить в эту народную религию сам народ Израиля? – Скорее, конечно, нет. Даже в таком ослабленном и разбавленном виде на том этапе «народная религия Яхве» не была принята большинством Израиля.

Совершенно закономерно Израиль попадает в плен и теряет свое маленькое государство в опасной политически-тектонической зоне. Тут тоже ничего удивительного. И если бы дальше следовать по «законам жанра», с народом Израиля следовало бы распрощаться навсегда. Точнее, с Иудиным коленом. Ведь остальные колена Израиля уже за век до него спокойно исчезли из истории, остались лишь пророческой символикой. Гены Рувима, Завулону и Неффалима чем-то обогатили кровь самарян – и все! Так же должно было случиться и с коленом Иуды.

Но произошло чудо. Чудо, которого нееврейский читатель Библии вовсе не склонен замечать. Состоит это чудо в том, что иудейство не исчезло, ни как народ, ни как религия. Этого мало. Иудеи возвратились на родину, отстроили Храм, и что всего удивительнее – вернулись к той самой народной религии, которую с очень малым успехом пытались им навязать (подарить) все пророки допленовой эпохи, начиная с Моисея. То, что не получалось за прежде бывшую тысячу лет, вдруг получилось за два-три века, причем в гораздо менее благоприятных условиях.

Вот это настоящее чудо!

Нил не тек кровью, не вскипал теперь жабами или песьими мухами. Никакие Иерихонские стены не падали от гудения в трубы. Не сыпалась манна с неба. Но в истории произошло чудо, гораздо большее по масштабу, и притом совершенно необъяснимое. Потому что чудо это было внутренним. Что-то случилось в самих глубинах сердец иудеев. Заметить, что это подлинно чудо, быть может, не столь легко, но что гораздо важнее, - еще труднее его оспорить! Потому что оно зафиксировано в событиях истории крупными золотыми буквами, в истории, уже не только библейской, но и языческой.

Можно, сколько угодно не верить в этих жаб или в манну, можно придумывать какое-то иное объяснение, почему Израиль был отпущен из Египта. Но нельзя, невозможно отменить простую цепочку исторических фактов: иудеи уведены в вавилонский плен - раз, в плену они сохранили свою веру - два, из плена они возвращены - три, восстановили Храм и служение в нем - четыре, стали гораздо более ревностными служителями Единого Бога - пять.

По «нормальному» психологическому сюжету ни один из пяти пунктов не должен был состояться, кроме первого. Да и первый под сомнением. Во всяком случае, сами израильтяне, отвоевывав ту же самую землю во времена Иисуса Навина у хананеев, пленных не брали. Вавилоняне пленных взяли. Это, положим, еще не чудо, но уже особенное событие.

Далее. В плену евреи не должны были бы сохранить веру в своего Бога, которого воспринимали (не забудем) племенным Богом. Слишком долго воспевали они Яхве, как победителя языческих богов - и вдруг такое позорное поражение. Народная религия проигравшим богам обычно не прощает их проигрыш. Здесь опять получилось иначе. Явились новые пророки и сумели - поистине непостижимым образом! - убедить иудеев, что виноваты они сами, и призвать их к покаянию. Разве не чудо?!

Еще одно чудо - что каким-то образом в этом плену не погибли книги завета. Сохранились ли они в записи, или только в памяти пророков, потом их восстановивших, - чудом следует признать и то, и другое. По нормальному ходу сюжета не должно было бы быть ни того, ни другого.

Следующее. Евреи за семьдесят лет в условиях рабовладельческой системы не исчезли в Вавилоне, не растворились в городе, который переводится, как смешение и растворение, в этом имперском плавильном котле. До царя Кира хотя бы дошло, что вот существует такой народ, который, кстати, никакой политической опасности для его царства не представляет, и что семьдесят лет назад этот народ еще жил на окраине его нынешней персидской империи, и что на этот народ можно обратить хоть каплю внимания.

Не должно было дойти до царя такого известия - по «нормальному» ходу сюжета. Такого тоже не бывает.

Небывалое начинание затеял и сам царь Кир, разрешив этим людям вернуться на родину и отстроить свой город и Храм. Зачем такие царские милости? Какой в этом политический смысл и расчет? Какие политические опасности надеялся царь этим предотвратить? - Извините, но ничего политически серьезного в ответ на эти вопросы привести не удастся.

И наконец, самое удивительное, что евреи возвратились в Палестину, отстроили Храм и обратились к Моисеевой вере куда ревностнее, чем прежде. Как совместить это с поведением их еще не очень далеких предков, хромавших на оба колена? Неужели только политическим страхом возможного нового плена? - Нет! Ведь и в плен потом тоже попадали. Но вот, что-то «щелкнуло в душе» - раз и навсегда. Больше не было никаких идолов, никаких шатаний и хромоты в сторону многобожия. Почему? - Тоже нет объяснения.

Здесь хочется дать совет скептику, смущенному обилием библейских чудес в Моисеевой истории. Дружище, не морочьте себе голову ерундой! Для Бога раздвинуть море или навести в реку жаб и мух - это не чудо. Это Божьи игрушки. Или даже человеческие выдумки, если вам так больше нравится думать. Читайте, как хотите, а мне кажется, что «чудеса о жабах» не стоят вообще размышления. Не тратьте времени на такого рода сомнения. Озадачьтесь другой мыслью: настоящих библейских чудес, величественных, неоспоримых, подлинных, переворачивающих историю, - вы, быть может, еще и не заметили. А они вот здесь - в истории вавилонского плена и после него. И если они были, то на их фоне свершилось главное: **Книга уже оправдала Бога!** И теперь уже никакое «чудо о жабах» ничего не прибавит и не убавит.

Теперь поневоле встает вопрос к нашей схеме. Мы нащупали разницу между религией ханифов и религией народной. А как эта схема будет работать здесь, когда евреи вернулись из плена? Является ли их служение Единому Богу народной религией, и если да, то почему эта религия настолько прочно гнушается идолов и всякого многобожия?

Сразу признаем, что духовная жизнь и духовная история верующих в Единого Бога сложна. Ни одна схема здесь не окажется универсальной. На каких-то этапах схема удовлетворительно описывает события и помогает проникнуть в их смысл, а затем жизнь может оказаться сложнее.

Конечно, в эпоху Второго Храма религия иудеев была вполне и совершенно чиста от многобожия, но при этом она оставалась народной религией. Яхве прочно воспринимался как племенной Бог Израиля, хотя одновременно столь же прочно сознавался Единым Творцом мира, руке Которого подвластны все люди, и все возможные миры, видимые и невидимые. Важными признаками народной религии являются святилище, жречество, религиозный регламент, культовые предписания, - все то, без чего легко обходятся ханифы, как мы помним. И все это в иудействе Второго Храма достигло гораздо большего развития, чем прежде. Ко временам Иисуса – даже чрезмерного развития. И Христос выступил против перегибов в этом отношении.

Короче, по признакам национализма, регламентации и традиционализма, по охвату населения у иудеев в те времена сложилась развитая народная религия, но при этом подчеркнута чуждая любого язычества. И сложилось это все, повторим, поистине чудесным образом, вопреки обычной логике исторического процесса.

Говоря о чудесах такого рода, необходимо вспомнить и о гонениях на иудеев со стороны наследников Македонской империи, Антиоха Епифана и других эллинистических царей. Иудеи с честью выдержали это гонение, добились политической и религиозной независимости, отстояли свой Храм и свою веру. Хотя, разумеется, понесли при этом потери, как обычные военные, так и в виде людей сломавшихся, отступников, не выдержавших насилия и пыток. Следует ли считать и эту совокупность событий чудесным избавлением или нет, но, во всяком случае, иудейская вера вполне могла бы исчезнуть из истории и на этом этапе. Однако она не исчезла.

Альтернатива ханифов

Говоря о народной религии уже на новом этапе, во времена непосредственно предшествующие явлению Иисуса Христа, мы должны вновь провести ее сравнение с религией неофициальной, с новыми попытками реанимировать религию ханифов. И должны это сделать потому, что именно эта эпоха являет нам религиозную альтернативу, глядя на которую, мы и понимаем преимущества и недостатки народной религии.

Альтернатива эта – сектантские еврейские движения эпохи Второго Храма. Это, прежде всего, ессеи, затем терапевты Египта и, возможно, некоторые другие сектантские течения.

Как мы помним, на любом этапе развития человеческого общества в нем всегда возникает маленький процент людей с духовными запросами выше среднего. Во времена Авраама и Иофора – это кочевники-скотоводы, живущие в пустыне и горах, может быть, бежавшие в эти пустыни из городов, пропитанных духом язычества и разврата. Примечает их Бог тогда, использует для своих целей.

Но исчезнет ли эта «ханифия» в последующие времена, когда родится новый процент духовно одаренных людей, готовых вновь бежать из города в пустыню? Во времена царств в Израиле ханифы являются в виде пророков и их учеников, они находятся в конфронтации с религиозной всеядностью и агрессивным язычеством. Их путь понятен. Пустыня порою скрывает и их, как спасала Илию. А когда язычество вроде бы исчезнет, а народная религия вроде бы останется, что тогда?

А вот тогда, как показала история, новые «ханифы» становятся религиозными сектантами. И, вероятно, пора уже будет снять с них это красивое арабское именование, приводящее на память Ибрагима. И вот, путь сектантов, наследников ханифов, показывает, что все-таки не напрасно магистральный путь Бога по страницам истории был проложен от ханифии к народной религии, а не наоборот. Потому что детская непосредственность, живая преданность, вполне очевидная в вере

Авраама, в лице его потомков постепенно, но неизбежно подвергнется эрозии и сойдет на нет. Народная религия охватит не только большие массы людей, но и малые секты, а своим духовным качеством они практически уравниваются с религией народной, перед которой поначалу, как будто, обладали духовным преимуществом.

Итак, ессеи. Люди, отвергшие народную религию Израиля, отвергшие официальное священство Храма. Почему отвергли? Потому что хотели большего. Потому что понимали, что Бог не ест жертвенных тельцов и козлов, потому что гнушались религиозной формальностью и казенщиной. Потому что хотели правды, потому что ждали (и имели?) Учителя праведности – эту загадочную фигуру Кумранских рукописей, которую не следует путать ни с Иисусом, ни с Иоанном Крестителем. Последний отсвет их высоких духовных исканий мы встречаем в проповеди Иоанна Крестителя, который, несомненно, какую-то очень значительную часть юности (а скорее и ее всю) провел именно в среде этих сектантов.

Отвергнув религиозный формализм, ессеи тянулись к аскезе. Большинство из них вели безбрачную жизнь. Реже встречались среди них семейные люди. Но те и другие довольствовались в жизни очень немногим, ценили воздержание и скромность, избегали богатства, почестей и удовольствий. Удалились в пустыни в поисках Бога, – и Бог питал их из-под ног. Эти люди служили прообразом христианского монашества или исламского суфизма. Правильнее сказать, вот такая «пустынно-параллельная» религия столь же универсальна, как и народная, и как бы всегда существует рядом с нею.

Но получились ли из них новые «авраамиты под звездами»? Иосиф Флавий, современник ессеев, приводит подробное описание их обычаев, (желая при этом приукрасить их для своего греческого читателя), из которого следует, что ритуализма не удалось избежать и им. Более того, по части религиозных омовений и своих особенных ритуалов они порою превосходили и самих фарисеев. Они выдумывали свои собственные обычаи и ритуалы, ничем не обоснованные – в отличие от гигиенически и практически обоснованных указаний Моисея. Очень странное место в их религиозной практике занимало почитание солнца. Вряд ли можно сделать такой вывод, что они уже возвели солнце в божественный статус, но их жесткая привязка молитв к солнцу, вкупе со всем остальным наводит на грустные выводы. Очевидно, что эти люди уже потеряли Авраамову простоту и непосредственность религиозного чувства – а ведь именно это было главным его преимуществом, большим даже, чем личная аскеза! По сути дела, получалось так, что ессеи создавали свою собственную народную же религию, но уже лишь для малого кусочка народа. И при этом с роковой неизбежностью повторяли те самые недостатки народной религии, от которых вроде бы надеялись убежать в пустыню.

Вот такая сложная картина и неоднозначная оценка этих иудейских сектантов складывается по результатам изучения исторических свидетельств и самих документов общинников по Кумранским рукописям. Да, это именно сложное явление, которое не изобразишь одной краской.

А вот суд Иисуса Христа в отношении ессеев нам неизвестен. Иисус не ходил к ним, не посылал к ним учеников, и на страницах Евангелия мы вообще не видим о них никакого упоминания. Иисус призывал самарян (другое направление израильских «еретиков»), и общался даже с язычниками. Он предсказывал, что те и другие будут призваны в Божий народ. Но ни разу во всех четырех евангелиях мы не встретим, чтобы Он и ессеи признал бы чадами Авраама. Вот это странно и страшно. Конечно, евангелия не могут донести нам все до единого слова Иисуса, но все-таки с учетом прошлого Иоанна Крестителя и с учетом отзывов Христа о Крестителе, с учетом, наконец, всех аскетических мотивов в поучениях Иисуса, сходных с есеевскими, мы все-таки могли бы надеяться услышать о ессеях хоть что-нибудь. Ничего.

Странно. Но, вероятно, не случайно. Вполне возможно, что вдали от есеевских поселений Иисус говорил и с их представителями, но, так сказать, на общих основаниях. Свои есеевские собеседники не подчеркивали – не отмечает его и Иисус. Но во всяком случае, факт в том, что к самому есеевскому течению, как таковому, Иисус не проявил ни интереса, ни отрицания.

Впрочем, ессеи – лишь один из частных примеров религии Единого Бога, альтернативной по отношению к народной. И далеко еще не самый плохой пример. С одной стороны, тяга к поиску Бога, тяга большая и высшая, чем обыкновенный народный культ, всегда живет и проявляется в

некоторой малой части верующих душ. С другой стороны, со времен после пророков у этих течений хронически не получаются две вещи: это избавиться полностью от родимых пятен народной религии, ее ритуализма и формализма, а также избежать собственных еретических и духовно сомнительных учений и практик. И над всем этим всегда стоит главное и наиболее опасное: это ощущение собственного духовного превосходства над «плотскими» согражданами, избежать которого не легче, чем выйти сухим из воды. Всякий бежавший от Храма в пустыню по факту самим этим делом уже осудил Храм и служащих в нем, и приносящих в него. Это так. И это всегда представляет духовную опасность – как бы ни было грустно и тошно верующему человеческому сердцу в сплошном окружении выхолощенного ритуала народной религии!

Промежуточный итог о библейском Боге

Закончив наш не очень краткий экскурс в библейскую историю, мы возвращаемся к главному вопросу о библейском Боге, к вопросу, поставленному в начале главы.

Повторим его снова, если он уже успел у читателя позабыться.

Оправдано ли верить в того литературного персонажа, который на страницах Библии выступает Богом и Вождем Израиля?

Вопрос к апологету может быть именно таким: **разумно ли** верить в то и другое? Не более чем так. Ни в коем случае вопрос не ставится так: **обязаны ли** мы верить чему-то, как в теорему Пифагора или теорию относительности.

На мой взгляд, положительный ответ на поставленный вопрос в его скромной формулировке уже есть. Он состоит из нескольких частей.

Во-первых, мы отдаем себе отчет, что Библия дошла до нас через руки редакторов. Глупо представлять себе дело так, будто у нас есть то самое Пятикнижие, которое букву за буквой продиктовал писцу Моисей, а сам Моисей диктовал то, что букву за буквой диктовал ему Бог. Ни того, ни другого процесса диктовки могло вообще не быть. А вместо этого есть просто записанная когда-то (?) устная традиция рассказа, подвергшаяся потом восстановлению и редакции. Поэтому не стоит соблазняться на все библейские антропоморфизмы, на все места, где Бог предстает жестоким, мстительным, колеблющимся и т.д., короче, слишком «человеческим». Вместо этого следует на Писание Ветхого Завета посмотреть **в целом**, уже не при помощи улучшенных переводов, подстрочников и частных пособий по частным книгам Библии. Посмотреть именно в целом, как на общее историческое описание: есть ли в этом общий разумный замысел, подобный генному коду в природе?

Во-вторых, смею надеяться, что именно этот общий разумный замысел в общей ветхозаветной истории от Авраама до Христа, мы с Божьей помощью уяснили. И поняли, что единобожие – тяжелая для падшего человека форма религиозного сознания (хотя и исторически первичная). И мы проследили, как эта религия, хранимая вначале единицами, героями духа, ханифами, медленно и постепенно возводится Богом в чин народной религии Израиля. Мы разобрались с самими понятиями народной религии и с теми приемами, которыми Бог через людей ее строит. Мы поняли, почему Бог создает именно народную религию, какую цену за это приходится платить, и даже оценили альтернативные пути. В ходе этого строительства мы видели и непосредственную руку Божию, такое тайное, но чудесное вторжение в историю извне, которое никак невозможно объяснить одними человеческими мотивами.

Мы видели Бога, во-первых, строящим по плану, во-вторых, строящим чудесно, с неким превосхождением естественных законов человеческой психологии и историософии.

Разумный замысел, осуществляемый сверхъестественной силой!

Для апологета немало. Думаю, вполне достаточно. Вполне достаточно для того мира, где самое главное невозможно потрогать руками и приборами, или вычислить логическими рассуждениями, для того мира, где все, в конце концов упирается в собственную веру, и максимум, чего удастся добиться, это убедительно показать: да, такая вера вполне разумна.

Но при этом в стройке Божьего замысла мы прошли еще только «нулевой цикл». Мы осмотрели залитый фундамент: единобожие, основательно победившее в одном, отдельно избранном народе. Но ведь и в самом Ветхом Завете полно пророчеств, что на этом дело не кончится, что через этот избранный народ благословятся все племена Земли. Все получают благословение, первоначально поданное только Аврааму. Это все тоже совершилось через Иисуса Христа и заслуживало бы отдельной апологетической книги, (которых написано немало), но сейчас мы просто должны увидеть, что этот новый этап расширения Творцом веры в Себя служит совершенно четким и однозначным продолжением начатого и осмотренного нами процесса. То есть, проще говоря, здание соответствует фундаменту, а фундамент – зданию. Разумный замысел не прерывается.

Значит, все-таки в Библии мы имеем подлинный портрет Истинного Бога. Портрет написан человеческой рукой, с чем и связано его несовершенство. Но несовершенство не отрицает подлинности, а сам подлинник – не человеческий! Если читатель с этим согласится, можно будет двинуться дальше.

Глава 4

Вечные воздаяния у библейского Бога

Нами был затронут и отложен еще один важнейший вопрос. Почему религия библейского Бога, точнее, сам Ветхий Завет, практически ничего не говорит о посмертном бытии души, о вечной жизни, о вечных воздаяниях за гробом?

На это оглушительное молчание Ветхого Завета о вечной жизни не раз обращалось повышенное внимание. По этой причине библейского Бога отвергали и отвергают многие. Существует ли здесь какое-то внятное, непротиворечивое решение?

Личное и вечное

Действительно, следует признать, что библейский реализм нарочито обходит стороной тему вечных воздаяний. Равно, как и тему свободы человеческой личности. Взгляд назад из нашего культурного контекста туда, в глубокую древность, нас в этом смысле шокирует. Мы привыкли к тому, что у нас любой Акакий Акакиевич, хоть и маленький, но все же человек, и вообще-то, если он не сделал ничего преступного, его нельзя схватить, скрутить и принудить. С ним нельзя разговаривать на уровне команды: смирно, шагом марш туда-то. Мы разговариваем иначе:

- Если ты хочешь того и сего, то тебе следует поступить вот так, а не эдак.

- Сделай вот это, потому что тогда тебе будет вот то. В противном случае, «вот то» тебе не будет.

И на всякий грех человека подводим резюме:

- Ну, это был твой (его, ее) выбор.

Иисус, заступившись за социально униженных (а в этом-то факте не сомневаются даже Его противники), в некотором смысле нас разбаловал. Одни лишь глаголы в повелительном наклонении: вставай, пошел! – мы теперь не понимаем. Мы считаем, что такой тон приложим лишь к явным преступникам. А с прочими людьми признаем возможными лишь те формы речи, которые в древнем славянском языке назывались условным и желательным наклонением глаголов, - согласно приведенным нами выше примерам.

И совершенно нормальным признаем такое положение дел, когда и Бог с нами говорит на языке предложений и согласий. А это автоматически предполагает возможность неких наград. Иными словами, любые разговоры о вечности непременно предполагают и разговоры о личности. Личность должна обладать свободой, и при хорошем употреблении этой свободы личность вправе рассчитывать на что-то там хорошее за гробом. Нет личности – нет и вечности. Так получается.

А что мы видим в Ветхом Завете?

А там, скажем помягче, несколько занижены и роль личности, и роль вечности.

Конечно, иногда Бог своему народу ставит некий выбор. Самое классическое тут место – вся 28 глава Второзакония, построенная по единому плану: *Если ты* (это сказано народу!) *будешь слушать глас Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, то ...* Идет список благословений с первого стиха на полстраницы. *А если не будешь слушать глас Господа Бога твоего*, - так начинается 15 стих и идет список проклятий, вчетверо, кстати, более длинный.

Да, вроде бы какой-то выбор предоставляется, условные наклонения глаголов вроде появились. Но тут важны два момента.

Во-первых, это не сказано лично человеку. Это сказано народу. Ни к какой отдельной человеческой личности приложить это невозможно. Остается нерешенной и подвешенной такая ситуация, что половина народа слушается голоса Божьего, а вторая половина не слушается. Как в таком случае (а это еще не самый плохой случай!) исполнятся предложенные обетования благословений и проклятий, – решительно непонятно.

Во-вторых, во всем приведенном перечне ничего нет про жизнь вечную. Все награды и угрозы касаются земли и временной жизни на ней. Да и сами они человека нашего времени могут особенно и не увлечь. Например, такое благословение, что *сделает тебя Господь твоей главою, а не хвостом* (Втор. 28, 13), лично еврейскому пастуху или виноделу ничего не обещает: он и так, **лично**, навеки *хвост*, а не *глава* в своей социальной лестнице.

В общем, даже это классическое место выбора, «обетование выбора» еще никак не дотягивает до того, к чему приучил нас наш свободный век, чтобы человека призвали на деяния путем обещания каких-то наград. Да еще и касающихся личной вечной жизни.

Вот на коммунизм, причем теоретический, это, как раз, очень похоже. Во-первых, коллективной ответственностью, во-вторых, сугубо земными обещаниями. Если пролетариат, условный коллектив избранных, найдет в себе силы на такие-то свершения, то его потомки будут счастливо жить на счастливой планете Труда. Все это мы слышали в нашей, так сказать, «предыдущей жизни». Принципиально ничего нового тут нет.

И вот, в той жизни коммунистических химер, мы, помнится, больше всего мечтали, чтобы нашелся кто-то такой, «очень старший», кто обратился бы лично ко мне, а не к нашему коллективу, предложил бы сделать что-то и обещал бы награду или суд лично мне, а не нам, всем коллективом. И кто бы потом разобрался в коллективе с каждым отдельно его членом по справедливости. Мы искали хоть каких-то отношений на личностном уровне – и нашли христианского Бога, у Которого наконец появился этот личностно-дифференцированный подход к отдельному человеку. Открывая же Ветхий Завет, еще в те времена видели мы другой, и, к сожалению, до боли знакомый, коллективистский подход.

Есть, впрочем, и обращения Бога в Ветхом Завете к отдельным личностям, к Его избранным и пророкам. Но эти речи вообще не содержат никаких условных наклонений. Это просто команды: ты сделай ковчег, ты изыди из своей земли и родства, ты пойди к фараону и скажи. И все это под таким лейтмотивом, что Бог твой твоими руками или устами делает свое важное дело, которое ты в принципе, можешь отчасти понять, но которое абсолютно ничего лично тебе не обещает. Ну, почти ничего. В редких случаях, о чем-то догадаешься сам: если будет водный потоп, то в ковчеге не погибнешь сразу, а если огненный, то не сгоришь со всем Содомом.

А таким, как Авраам и Моисей – им лично просто ничего. Потомство твое сделаю благословенным! Какой современный человек так уж сильно заинтересуется таким предложением? Не думаю, что таких найдется много. Твой народ получит свободу и плодородную землю! Тоже вроде высоко звучит, но опять же ни малейшей личной мотивации такое обетование не предлагает.

Понятно, что с установками современного человека это все явно вступает в конфликт. Мы давно уже на таком языке не говорим, мы его почти не понимаем. Но встает законный вопрос: а действительно ли, это с Богом что-то не так? Или это все-таки с нами что-то не так?

Беззаветное послушание

Пожалуй, разумно будет предположить, что создавший нашу внутреннюю природу Бог лучше ее знает, чем мы. И если Он ищет тех, кто останется верен Ему без всякой награды, без всякой личной мотивации, - значит, Он имеет на это лучшие основания.

Если найден такой праведник, как Авраам или Моисей, то с ним разговор на языке «пойди и сделай» нравственно оправдан. Этот человек выполнит волю своего Бога, имея о будущих наградах самое отвлеченное и смутное представление. Ведь важно не само это представление, а то обстоятельство, что в критических моментах, в тех «точках послушания», когда Бог повелевает, слугитель Божий вообще не думает о наградах.

Даже если повелено ему такое ужасное дело, как заклать собственного сына.

Но это – разговор с праведниками, с Божиими избранниками.

С прочими людьми разговор иной. Им обещаются те подарки, которые они могут понять, осознать и возжелать: плодородие земли, мир на ней, благоденствие детей и прочее в таком же духе. И эти благословения, по самой сути своей, не подлежат индивидуальной раздаче. Плодородие земли и отсутствие войны невозможно подарить одному человеку, но только всему народу сразу, народу, живущему на такой-то конкретной земле. Хотя, конечно, в этом даре коллективном каждый и лично имеет свою долю. Если не пришел мор или не пришли завоеватели, то этими фактами каждый в народе облагодетельствован и лично. Так что коллективность мотивации не означает отсутствия мотивации.

А о чем-то большем, о чем-то вечном и индивидуальном с этими людьми и говорить-то, быть может, еще рано. Быть может они еще и не поймут такой разговор? Оставляем вопросительный знак, потому что точного ответа у нас нет, мы не знаем психологию и мотивацию людей, живших три тысячи лет назад. Но предположение это допустимое, - потому как раз, что оно вполне согласуется с текстом библейских обетований.

Быть может, Бог рассчитывает, что люди, постепенно привыкшие Его чтить ради земного подарка, отсюда перейдут и к беззаветной Ему преданности, по примеру Авраама и Моисея. И уж тогда можно будет им говорить о персональной ответственности и вечной награде за гробом.

А пока о ней – глухое молчание. Какое-то смутное представление о царстве мертвых как будто в Библии есть. По крайней мере, есть ему название – шеол. Но что-либо более конкретное обо всем этом неизвестно. Зато есть неоднократно высказанный запрет на любые попытки разгадывать такие тайны.

Египетский фактор

Молчание это невозможно свести к тому, что Писание что-то не договаривает, а про себя будто бы люди имеют и хранят тайну загробных воздаяний. На такое не похоже. Лучшим показателем здесь должны служить не законодательные или повествовательные страницы Библии, а псалмы. Псалмопевцы (а это, конечно, не один автор, что свидетельствуется не раз в переводе 70-ти и в славянском тексте), молясь Богу, выражают не что иное, как свои к Нему чаяния и надежды. В таких текстах автор всегда будет искренен. И вот именно эти тексты и приносят современному читателю разочарования в наибольшей степени.

Оказывается, что молящиеся псалмами просят Господа о помощи и сохранении временной своей жизни на том основании, что, по их мнению, мертвым не дано возможности славить Бога (см., например: Пс. 6, 6; Пс. 87, 11-13; Пс. 145, 4, - список сей далеко не полон). Эта мысль высказывается в псалмах неоднократно. И в каком-то смысле, она уже разрешает весь вопрос.

Значит, если мертвые в своем шеоле Бога славить не могут, то «положительных» загробных воздаяний все-таки нет, и точка. Это не умолчание, это реальное убеждение людей. Причем людей, верных Богу, молящихся Ему и получающих от Него откровения, причем именно в тот час, когда они взывают к своему Богу и, следовательно, наиболее открыты и искренни пред Ним!

Значит, о вечных воздаяниях молчит не книга, молчат не пророки. О них молчит Сам Бог. И если бы Он позже никогда об этом не возвестил бы, то следовало бы соглашаться не только что с адвентистами или «свидетелями Иеговы», а прямо-таки с атеистами. Точнее, все-таки с

саддукеями. Саддукеи отличаются от атеистов лишь тем, что для них Бог все-таки есть, и что-то такое на земле человеку может дать, чем-то наказать человека и что-то потребовать от него.

Чем такое умолчание Бога может объясняться?

Приведем одно лишь возможное историческое соображение в дополнение к уже сказанному, понимая, что мы, конечно, этим не исчерпаем вопрос ни вглубь, ни вширь.

Библейская вера, Моисеево откровение, возникает на фоне религии Египта и возникает не иначе, как нарочитое противоположение этой религии. Египет для еврея тех времен – это нарицательное понятие, ругательное слово. Египет – воплощение рабства, порока, любого зла и всякой нечистоты. Из Египта в обетованную землю, в землю правды и свободы, в землю почитания Бога, нельзя брать ничего. Совсем ничего. Особенно из области религии, религиозного знания.

Между тем, весь Египет живет как бы уже за гробом. Этот факт общеизвестен всем нам от школьной скамьи. В Египте читают Книгу мертвых, она там и есть «египетская библия». Фараоны, не успев вступить на престол, не успев «родиться царями» (а коронацию они воспринимали, как второе рождение, даже имя меняли), готовятся к смерти. Причем известным странным образом, собирая целый гипермаркет всяких промышленных и продовольственных товаров в свою пирамиду или гробницу.

Можем ли мы представить себе, как бедные евреи в своем рабстве годами и десятилетиями сначала строят эти гробницы, а потом натаскивают туда зерно и масло, и все прочее, при этом в буквальном смысле обливаясь на эту пищу, предназначенную на уничтожение, в то время как им самим, евреям, так не хватает этой пищи и одежды?! Да, картина достойная сочувствия. Наверное, мы легко поймем, когда еврей, всю жизнь живущий в такой ситуации, сам и без всякого Моисея захочет послать к дьяволу всю эту мерзкую египетскую религию! Он навсегда выбросит этот отвратительный культ смерти и после него возжелает хоть глотка свободной, временной жизни. Той жизни, в которой хлеб растят, чтобы его есть, а не закапывать в чью-то могилу. Да еще и за десять лет до погребения в ней ее владельца!

Еще рассматривая Шестоднев, мы отмечали в библейском тексте различные «антиегипетские» миссионерские черточки. Не разумно ли будет и теперь провести логическую связь между отсутствием упований на вечность и противостоянием египетскому культу мертвых?

Кроме того, нельзя не отметить и то обстоятельство, что Бог, действительно, желает отучить вчерашних египетских рабов от всякого оккультизма, спиритизма, колдовства, от постоянных попыток заглядывать за полог вечности, гадать о неведомых загробных судьбах. Прямых запретов на эту тему в Библии достаточно. И запрещает это Бог своим людям именно потому, что духовный мир сложен, что мир демонов реально существует, а общение с ним для человека смертельно опасно. И первое, что нужно сделать грешному человеку, еще только делающему первые шаги к постижению своего Творца, так это наглухо забить, запереть и сваркой заварить дверь в этот таинственный мир мертвых. Ту дверь, которая и в Египте, и у хананеев, и у халдеев никогда даже не прикрывалась.

Вот и любые разговоры о всяком посмертии оказались под замком. Сурово. Но справедливо и педагогично. Воспитанникам непослушным, слабым, или просто еще маленьким запрещают больше, чем уже опытным. Маленьким детям спичек не дают совсем, подросткам уже разъясняют правила пользования спичками. Логика здесь есть, и вполне понятная.

Молчание понемногу нарушается

Однако и в этом вопросе мы видим сложность Библии, как общего свода еврейских Писаний до времен Иисуса. Как и в вопросе национализма. Тогда, напомним, мы видели, что Библия одновременно и националистична, и в то же время сама размыкает свои же жесткие рамки еврейского национализма. Ни то, ни другое обстоятельство невозможно игнорировать.

Так и в вопросе о вечных воздаяниях.

С одной стороны, надо признать, что практически все библейские книги или молчат об этом или прямо отрицают вечные воздаяния и даже надежду на них.

С другой стороны, все-таки несправедливо было бы утверждать, что весь Ветхий Завет настолько в этом смысле бездуховен. Дело в том, что надежды на счастливую участь праведников за гробом в нем все-таки появляются. Правда, не сразу, а на своем, положенном этапе. Не раньше, чем нужно.

Однако сначала возникнет вопрос, в каких именно священных книгах такие мысли высказываются, - и здесь-то главная трудность.

Оказывается, что немногие положительные утверждения на указанную тему появляются лишь после возвращения из вавилонского плена. Содержатся они в книге, называемой «Премудростью Соломона», которую современные библеисты почти единодушно признают написанной на тысячу лет позже царя Соломона, во времена, непосредственно предшествующие явлению Иисуса Христа. Книга эта не вошла в священное собрание (канон) библейских книг, как в иудейской традиции, так и отчасти в христианской. Исключение книги из иудейского канона вполне понятно. Тому есть следующие объективные причины.

Во-первых, это, действительно, псевдоэпиграф, то есть, авторство указано заведомо ложно. Книгу не мог написать царь Соломон, тем более что ее еврейский текст вообще не известен. С другой стороны, автор книги, несомненно, еврей, преданный Богу Израиля, но отражающий такие мысленные веяния в своем народе, которые пришли в иудейство позже, уже во времена Второго Храма.

В самом деле, попробуйте сопоставить мысли автора этой книги и автора «Экклезиаста», книги канонической, как раз по вопросу о загробной участи! Контраст разителен! Экклезиаст, вполне в библейском духе, ничего за гробом не видит. А ведь обе книги почему-то приписываются одному автору.

Во-вторых, книга Премудрости на протяжении нескольких глав описывает, возвращаясь к теме, несправедливые страдания некоего праведника, которого отвергают некие «нечестивые», но отвергают его и даже предают смерти – на основании писаного Божьего закона, как якобы нарушителя этого закона, хотя на самом деле нарушители закона, как раз, они сами. И вот это удивительно! Если это написано до страданий Иисуса Христа, то можно гарантировано утверждать, что во всей Библии не найдется пророчества, которое исполнилось бы на Иисусе Христе настолько дословно и буквально, как именно эти страницы, - почти что целых четыре главы! Если это написано после страданий Иисуса, то, очевидно, что имеет в виду именно Его и тайно сочувствует Ему. Тайно – потому что не называет по имени.

Но скорее все-таки перед нами пророчество на близкое будущее.

После этого, конечно, очевидно, что иудеи не могли такую книгу включить в свое священное собрание, а ранние христианские авторы, по-видимому, ее не знали и заимствовали иудейский канонический список достаточно не критично. А когда книга наконец получила в христианской церкви хождение (в качестве так называемой «второканонической»), то тогда достаточно быстро приобрела популярность. настолько, что в православном богослужении именно эти ее страницы про страждущего праведника читаются очень часто в качестве паремий на вечерне в память множества разных святых. Литургически это самые используемые в православной церкви ветхозаветные страницы, после разве что Псалтири.

И все это обширное предисловие к данной книге нам необходимо потому, что именно на этих страницах, из-за которых книга не смогла попасть в иудейский библейский канон, и содержится учение о вечном воздаянии праведникам.

Что же говорит книга Премудрости Соломона?

Здесь следовало бы последовательно выписать целых три-четыре главы, начиная со второй, но поскольку такое гиперцитирование считается для современного литератора неприличным, то приведем краткий пересказ.

Автор, хотя и не Соломон, но он все-таки премудр. И смотрит в корень.

Начинается вторая глава со вполне естественного и глубокого размышления о смерти. От лица *неправо умствующих* автор приводит такое рассуждение: если жизнь наша коротка и нет

спасения от смерти, а после смерти тоже ничего нет, то станем жить на широкую ногу, не откажем себе в наслаждениях. А это неизбежно приведет к тому, что мы обидим бедных и слабых, - ну и пусть! Но тут найдется нам некий противник, праведник, который станет обличать наше беззаконие. Но мы уберем его с пути, замучим его, и посмотрим, поможет ли ему Бог.

Так они умствовали и ошиблись! – подводит итог их мыслям автор, - *ибо злоба ослепила их, и они не познали тайн Божиих, не ожидали воздаяния за святость и не считали достойными награды душ непорочных* (Прем. 2, 21).

Значит, это все-таки тайна Божия, согласно утверждению автора, что праведника за гробом ждет награда. И подлинно! Автору тут нет возможности сослаться на библейские книги, где такая мысль утверждалась бы положительно. Но тайна в том и состояла, что воздаяние за святость все-таки существует, хотя о нем умалчивают книги!

В следующих строках Премудрый высказывает такую мысль, которая уникальна в Библии именно для этой книги, и между тем лежит в основе христианского воззрения на грех и смерть. Эту мысль (забежим вперед) потом подхватит и разовьет апостол Павел в Послании к Римлянам. А пока вот она:

Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего, но завистью диавола вошла в мир смерть и испытывают ее принадлежащие к уделу его (т.е. диавола же – Т.) (Прем. 2, 23-24).

Вот в чем дело! Смерть не создана Богом. Человек, созданный по образу Божию, создан и бессмертным – по образу вечности самого Бога. Но диавол внес в человеческий мир смерть, а внес ее, конечно, преступлением Адама и Евы в Эдемском саду. И потому смерть не вечна, не абсолютна, она в принципе побеждаема. Праведники выйдут из-под ее владычества, о чем и продолжает наш автор прямым текстом:

А души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением, но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия! (Прем. 3, 1-4).

Надежда полна бессмертия! Вот наконец, ключевое слово. Поцелуйте вашу Библию в эти строки – они в ней уникальны!

В последующих двух главах тот же сюжет еще раз повторяется, как бы пересказывается заново, как и любая мысль, которая долго и мучительно вынашивалась автором, и, наконец, нашла себе выход. Добавляется еще одна существенная деталь. Погибший праведник воскреснет, и сам будет судить своих судей:

Тогда праведник с великим дерзновением станет пред лицем тех, которые оскорбляли его и презирали подвиги его, они же, увидев, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его, и, раскаиваясь и въздыхая от стеснения духа, будут говорить сами в себе: «Это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания. Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим и жребий его со святыми?» (Прем. 5, 1-5).

Не увидеть здесь параллелей с жизнью и кончиною Иисуса, в самом деле, достаточно трудно. А чуть раньше говорилось и прямым текстом о суде того праведника над нечестивыми:

Праведник, умирая, осудит живых нечестивых, ибо они увидят кончину мудрого и не поймут, что Господь определил о нем и для чего поставил его в безопасность; они увидят и уничтожат его, но Господь посмеется им (Прем. 4, 16-17).

Умонастроения в Иудее времен Второго Храма

Итак, мы видим то место в Библии, где, наконец, прямым текстом, достаточно ясно выражена надежда на вечное блаженство праведников, (заодно говорится и об осуждении нечестивых, хотя и без живописания адских мучений). Эта надежда очень вскоре стала ключевым пунктом вероучения, как в иудаизме, так и в христианстве, а также, конечно, и в исламе. У всех людей, кто чтит Единого Творца.

И при этом все основание надежды содержится в канонически сомнительной библейской книге. Протестантский мир, издающий Библию без второканонических книг, не знаком и с этой книгой. Что привело его к такой трагедии, как появление сект адвентистов, свидетелей Иеговы, и других подобных, которые отрицают бессмертие души, считая это учение не библейским, однако при этом как-то ухитряются веровать в воскресение мертвых – учение, совершенно определенно выраженное в Новом Завете. Между тем во времена Иисуса те, кто верили в воскресение мертвых, признавали и бытие души, как особой самосознающей сущности, служащей «переходным мостиком» от нынешнего века к веку воскресения. И Иисус тоже поддержал такое верование притчей о богаче и Лазаре, где Авраам и богач сохраняют свое личностное самосознание и по разлучении со своим земным телом. Если бы Иисус считал такое бытие души полным мифом, Он вряд ли бы рассказывал такого рода притчи, да еще и без особых пояснений к ним.

Вернувшись к Книге Премудрости Соломона, поясним еще важные обстоятельства. Кто бы ни был ее автор, мы поверим библейской науке, что это был иудей времен второго или первого века до нашей эры. В это время в Иудее, напомним, происходит полное и единодушное возвращение к Богу и Его Закону, отвержение всех рецидивов язычества, особенно после Маккавейских войн. Об этом мы уже упоминали. С другой стороны, именно в это время (может быть, сразу после возвращения из вавилонского плена, но особенно теперь, по очищении Храма) в иудаизме возникает не одна только эта книга, как бы родившаяся случайно. Нет, возникает целое религиозное движение, где уже прямым текстом утверждаются будущие вечные воздаяния для человека, причем человека отдельного, взятого как личность, а не целым народом. И воздаяния эти зависят от праведности самого человека, от его нравственного состояния. И более того, представители этого течения утверждают, что в конце мира Бог воскресит всех мертвых в их телах, и они получают свои воздаяния, будучи в теле.

Это учение, и именно оно, было главным и характеристическим в учении фарисеев. Одни производят слово фарисей от еврейского *пуришим* – отделенный. Другие от *фарси* – самоназвания персов, то есть, в этой версии фарисеи суть «персидствующие», заимствовавшие мировоззрения персов. Как бы то ни было, именно это течение появляется в Иудее, а потом даже становится главенствующим. Вместе с ним появляется и такой письменный источник, как книга Премудрости Соломона. Иисус много критиковал фарисеев за ритуализм и формальное отношение к Закону, но никогда Его критика не касалась их веры в воскресение. А однажды в прямом столкновении с саддукеями, именно по вопросу воскресения, Иисус прямо поддержал идею воскресения, обличив саддукеев в неправильном понимании Писания.

Напомним: этому повороту мысли предшествует возвращение иудеев из плена, обращение их к единобожию. А последует за ним важнейшее событие: появление Иисуса Христа и такая вера людей в Него, которая была бы совершенно необъяснимой, если бы верование в Его воскресение из мертвых не было бы основано на реальных фактах.

Но и это еще не все.

Еще одно важнейшее обстоятельство состоит в том, что Иудея теперь, хотя и не имеет полной самостоятельности, но является уже государством, а религия Яхве в ней со второй попытки (как мы уже видели) утверждается в качестве государственной.

И вот в чем важность государственного характера религии. (Выше мы откладывали рассмотрение этого вопроса до подходящего момента, который настал теперь). Государственное бытие мыслимо только в системе общих писаных законов, а законы формируют такое понятие, как личность. Но мы и начали главу с того, что личность идейно связана с вечностью. Нет личности, нет и вечности!

Всему свое время. Кочевники, будь они даже искренними ханифами, живут вне писанных законов. Строго говоря, они живут по понятиям. У них есть лишь довольно общие понятия о справедливости, а решает все совет старейшин кланов и племен. Причем каждый клан несет ответственность за поведение каждого своего члена. И субъектом наказания служит не всегда человек, как личность, а весь его клан. Такая система первобытного права прекрасно прослеживается в истории Мухаммеда и раннего ислама. Она включает кровную месть, разрешение

на погражу скота или женщин у чужих племен, а так же запрещенные для таких деяний периоды и места, где месть невозможна – определенная территория вокруг Мекки, например.

Здесь нет правового государства, здесь нет и граждански ответственной личности. Есть круговая порука и коллективная ответственность.

А вот у оседлых народов, в государственных цивилизациях библейских времен, в Греции, Риме, Персии, как раз и появляется личная ответственность перед законом. Появляются не просто дети, допустим рода Хашим в племени курайшитов, а граждански ответственные личности, в каких-то правах вообще равные. И суд над ними вершится на основе четко прописанных законов, когда гражданина нельзя бить, убить, продать в рабство за долги – как это было у древних греков и римлян.

Понятно, что первую систему подобного гражданского законодательства желал подарить Израилю сам Моисей, помнивший законодательство Египта. Но на этом поприще у него получилось не так уж много, не большими он мог бы здесь похвалиться успехами, чем успехи в плане обращения Израиля к Богу вообще. И это независимо от того, сколько законодательных положений Торы реально принадлежат Моисею, а сколько дописаны позже – такое не исключено, но не это важно. Важно, что именно в те времена, когда родилась Книга Премудрости Соломона, иудеи уже вполне покорились определенной правовой государственной системе на основе Моисеева Писания. В них сложилось уже правосознание, которого не было прежде, даже во времена Царств.

Личность каждого иудея уже оформилась, сначала как гражданская личность. Перед судом синедриона отвечает уже лично каждый иудей, а не только весь Израиль. А уже на основе гражданского самосознания личности складывается и религиозное ее самосознание. Если синедрион судит уже человеческую личность, а не просто Яхве обещает благословения и проклятия всему народу, то тогда и Бог станет судить человеческую же личность, отличая праведника от не праведника в одном и том же своем народе.

Вот она – связь прямая и понятная. Личная ответственность – и вечные воздаяния. Не для этого ли так хотел Бог дать народу Своему государственное бытие, причем дать его прежде, чем раскрыть обетования о вечных воздаяниях праведникам? Мы видели очевидные заранее риски и издержки государственной религии. Понимает их Бог, разумеется, но идет на них твердой поступью. Не здесь ли Его главная цель, ради которой оправданы эти риски и издержки?

Священная первичность Писания

Иными словами, сначала Бог подготовил людей к принятию идеи вечных воздаяний, потом, в нужное и удобное время, открыл ее им (не простым образом, не каким-то единичным видением кому-то, а разными путями откровения, размышления, убеждения), а затем, очень вскоре гласно и ясно утвердил эту идею определенными историческими событиями.

Опять же: если это не есть разумный замысел в истории, то что такое тогда разумный замысел?

Сюжет разворачивается. И хотя он остается таинственным и неведомым нам в своих деталях, но общие и главные его черты очевидны. В них и есть оправдание Библии, как не просто человеческого Писания. Это богочеловеческое Писание. Оно написано людьми, которые пользовались человеческим разумом, доступными понятиями своего века, которые разделяли заблуждения своего века. Но Писание это священо и направляемо Богом, и мы утверждаем это именно на основании прослеживаемого в нем общего разумного и великого исторического замысла. Который важнее всего, любых возможных частных разночтений, ошибок, даже фальсификаций отдельных мест (если таковые будут обнаружены и доказаны).

А вот примеры чисто человеческой работы мысли тоже от нас не скрыты. Это огромные комплексы вторичной литературы, отношение к которым явно ниже, чем к библейскому корпусу. В приложении к Ветхому Завету – это Талмуд и мидраши. В приложении к Евангелию – апокрифические «евангелия» и многочисленные легенды, окружающие фигуры апостолов. Даже в приложении к Корану (при всей проблеме, насколько его можно считать вдохновенным от Бога), тоже есть свой вторичный пласт – это хадисы, рассказы о Мухаммеде и его высказывания по

разным случаям. Все три вторичных слоя обнаруживают подражательность и чисто человеческую ограниченность мысли, что прекрасно сознают сами верующие в каждое из трех направлений.

Раввины не поставят мидраши на одну доску с Торой.

Христиане не уравниют новозаветный текст с легендами об апостолах и житиями святых.

Мусульмане тоже никогда не уравнивают Коран с хадисами.

Слово откровения возвышается над всем. Человеку, приходящему к вере, будет важно это увидеть и понять. Давно верующему человеку полезно было бы отрешиться от такого неисторического взгляда на Библию, словно каждая ее буква непосредственно продиктована Богом, или будто бы библейские авторы сами собой прозирали на тысячелетия вперед, излагая безошибочно продиктованные Богом глаголы. Нет, библейские авторы – это люди, причем не безгрешные и понятные в своем историческом контексте. Но само слово, сам сюжет общего повествования высоко превосходит записавших его людей. При сравнении с чисто человеческим, даже мудрым писанием это становится заметно.

Вот почему мы ценим Священное Писание Ветхого Завета – пока речь шла только о нем.

Глава 5

Явление Иисуса и становление христианства

Само название главы для раскрытия обозначенной в нем темы потребовало бы не только что отдельной книги, но целой библиотеки. Вера в Иисуса Христа апологетически обосновывается изучением исторических событий того времени. Такая работа проведена давно и подробно. Более или менее сосредоточенно и доступно мне хотелось ее обобщить и подвести под единый план в своей книге «Почему именно Иисус?» Здесь лишь повторим общую канву той книги, которая, собственно, отражает всю последовательность построения евангельской апологетики.

Как обосновывается христианская вера?

Пройдя «нулевой цикл» Ветхого завета, мы в той книге подходим ко временам Иисуса. Для начала осматриваем и сопоставляем все нехристианские свидетельства 1 и начала II века об Иисусе и христианах. Из этого осмотра уже можно сделать достаточно корректный вывод о том, что Иисус из Назарета, именуемый Христом – личность историческая, Его современники и ранние потомки в этом нисколько не сомневались. Так же из этих нехристианских источников (главные авторы тут Иосиф Флавий, Корнилий Тацит и Гай Светоний) следует, что христианская вера начала распространяться при жизни своего Основателя и сразу после Его, так сказать, кончины. (Вводное слово здесь обязательно, ибо именно с кончиной связано нечто крайне необычное).

Иосиф кратко проговаривается, что последователи Иисуса верят, что Он воскрес из мертвых.

Мы далее постепенно подбираемся именно к этому вопросу.

Итак, анализ нехристианских источников показывает, что хотя бы какая-то человеческая основа Евангелий вполне исторична. Но надо учитывать, что перед нами авторы, враждебно настроенные к христианам. (Кроме одного Иосифа, он к Иисусу достаточно равнодушен). Поэтому из их уст все сведения, признающие историчность Иисуса, факт Его распятия при Понтийском Пилате в Иерусалиме, - эти сведения следует считать вполне достоверными.

Далее мы переходим к анализу самих евангельских текстов и других христианских источников первого века. Даже методы внешней критики на современном этапе исторической науки позволяют сделать однозначный вывод, что все четыре канонических евангелия написаны именно в первом веке, причем Иоанново в самом его конце, а остальные еще раньше. Более того, есть существенные свидетельства, внутренние и внешние, что евангелия Марка, Луки и Матфея, хотя бы в какой-то первичной редакции, были записаны еще до Иудейской войны. Из этого делается вывод, что эти тексты выражали, как минимум, веру первых христиан, современников Иисуса и Его непосредственных учеников. Это повышает общую достоверность евангельских повествований в наших глазах.

Следующим шагом является анализ речей Иисуса из евангельских текстов. Здесь мы видим следующие важные обстоятельства.

Во-первых, Иисус не претендует на раскрытие неких «вечных истин», на особую ученость или философию. Как религиозный учитель, Он не слишком оригинален. В этом отношении Он критикует фарисейский ритуализм, формализм и лицемерие, проповедуя внутреннюю, искреннюю приверженность к исполнению заповедей Божиих. Но в любом случае, эта тема у Него является лишь попутной. Стержень свидетельства Иисуса в другом.

Во-вторых, и это особенно важно, Иисус свидетельствует, что исполнились времена, предсказанные пророками, приблизилось Царство Божие, и что именно Он и есть Мессия, избранный Царь Израиля, которому надлежит стать и духовным вождем всего мира (но сие последнее сказано кратко и иносказательно). Таким образом, становится важно не то, чему Он, Иисус научит людей, но то, что Он сделает для них. Он же обещает, что сделает Он нечто крайне важное, через свою мучительную смерть и предсказывает свое воскресение. Если, впрочем, мы не станем приписывать пророчества о воскресении самим авторам Евангелий, писавшим несколько лет спустя.

В-третьих, средствами утверждения провозглашенного Царства Божия Иисус ставит чисто духовное делание и нравственное исправление. Он подчеркнуто отказывается от какой-либо политической борьбы, особенно с применением всякого насилия. Он показывает, что существующий политический миропорядок Он совершенно не собирается менять, но это не мешает пришествию и победе Его Царства.

И четвертое. Иисус прямо и неоднократно предсказывает и свое отшествие из этого мира через крестную смерть, и свое возвращение в Божественной славе, когда изменится весь мир, будет воскресение мертвых и Божий суд над каждым человеком. То есть, иными словами, Иисус ставит в центр своего свидетельства эсхатологические ожидания. На них основываются и все Его нравственные, точнее аскетические наставления. Все строится примерно по такой схеме: не будьте сребролюбивы, потому что богатство скоро сгорит, становитесь нищими, потому что скоро всему конец, вам ничего не понадобится. Не дорожите и социально-семейными связями, следуйте за Мною, потому что очень вскоре конец и этим связям. Свидетельствуйте, проповедуйте Царство Божие, потому что и на это дело у вас тоже мало времени. Копите дела милосердия, потому что они очень скоро вам понадобятся в час общего суда.

В общем, нравственное учение Иисуса целиком аскетично, но эта аскетика обеими ногами стоит на Его эсхатологии: этот век проходит, очень скоро кончится, поэтому нужно не быть к нему привязанным во всех отношениях.

Рассмотрев общий план такого евангельского учения, мы задаемся вопросом: а каковы же суть причины, что такому Учителю люди все же поверили, причем поверивших было не мало?

И приходим к выводу, что без серии удивительных прижизненных чудес такой проповедник имел бы мало шансов быть услышанным. Ни философов, ни знатоков Закона, ни сторонников национально-освободительной борьбы, никаких вообще активных людей, которые могли бы составить авангард нового движения, такая его проповедь точно не привлекла бы.

Это есть основание нашей веры в то, что Иисус при жизни творил чудеса. (Не считая указаний на это же со стороны Иосифа Флавия, если у него эти строки подлинны). Без чудес не смог бы приобрести никаких сторонников.

Мы рассмотрели в той книге и возможные иные версии: что Иисус не считал себя мессией, или Он не творил чудеса. Во всех таких случаях Он не имел шанса остаться в анналах истории: именно потому, что не создал ничего политически важного и не создал никакой школы или интеллектуальной системы. Такие люди обычно в историю не входят.

Затем мы перешли к рассмотрению обстоятельств кончины Иисуса.

Никто из его друзей, врагов и равнодушных не сомневался в факте Его распятия и смерти на кресте. Однако совершенно несомненным остается так же тот факт, что иудеи очень строго верили в бессмертие Мессии. Он не может умереть. И если умирает, то, значит, не Мессия. По этой причине несколько ярких исторических личностей в Израиле, претендовавшие на это звание, но

умершие, считаются лжемессиями, хотя при этом героями Израиля. И, в общем, вера в бессмертие Мессии – это не просто какой-то еврейский предрассудок, это все-таки учение пророков.

И при всем этом, с распятием Иисуса вера в Него отнюдь не исчезает. Его практически сразу начинают проповедовать Его последователи и именно в качестве бессмертного Царя. А бессмертного – потому что воскресшего из мертвых. Подчеркнем: эта вера рождается прямо сразу у Его гробницы, она не отстоит от жизни Иисуса на полвека. Через двадцать лет уже в самом Риме Светоний знает большую и крепкую христианскую общину, в основном из евреев. Так быстро и эффективно достигнуть столицы христианская вера не могла бы, если бы новое движение не приобрело бы сразу множества сторонников у себя на родине.

Как соединить эти два факта: Иисус предан позорной смерти, призванной самим своим способом казни привлечь на Него проклятие, - и тут же, практически в те же дни ширится проповедь в Него, как в бессмертного Царя? И эта вера не оказывается праздной, она переживает множество испытаний, гонения от самих распинателей Иисуса – и постепенно, по историческим меркам очень быстро, охватывает всю Римскую империю, затем сопредельные страны, а потом практически весь мир.

Исторические события должны быть связаны историческим событием же, не какой-то другой связкой. Так мы приходим к обоснованию воскресения Иисуса из мертвых. Несмотря на чудесность события вера в воскресение Иисуса в теле разумна. Ибо противостоять ей может только вера в явный абсурд. Абсурд этот заключался бы в том, что человека, не совершившего ровно ничего ни в военной, ни в политической, ни в культурной области, погибшего самой позорной казнью, возвели бы в ранг божественного существа его современники и робкие ученики. А ученики Его, действительно, не представляли из себя ничего особенного, будучи людьми низкого звания, они тоже не имели шансов свершить такие свершения, которые входят в историю. В общем, эта «свита» явно не «играла своего короля».

Думается, рассмотреть все эти обстоятельства подробно необходимо любому христианину. Мы приводим здесь лишь общий план и краткий конспект такого исследования, чтобы можно было бы считать твердой опорой нашу веру в воскресение Иисуса Христа из мертвых. Если бы Он не воскрес, никакого христианства на планете не было бы. Оно просто не могло бы возникнуть. И с вероятностью в 99% можно было бы утверждать, что мы даже не знали бы имени Иисуса. Потому что простые плотники, даже с непростыми претензиями, в этой истории не остаются.

От Основателя – ко всему зданию христианства

И все-таки остается еще большой вопрос, чем можно обосновать веру исторической церкви. Христианство, как система догматов, верований, традиций и институций, не сводится к одному факту воскресения Христа из мертвых, хотя вроде бы и основывается на нем. Как в начале книги мы учились не путать понятия Реального Бога и библейского Бога, но постарались показать, что, с учетом людей и их способностей, вера в Реального Бога могла осуществиться только через веру в библейского Бога, что разумно библейского Бога воспринимать, как истинного. Подобно тому и теперь мы не смешиваем понятия Благой Вести, так сказать, непосредственного наследия Иисуса, с одной стороны, и исторической церкви, исторического христианства – с другой. Но при этом стремимся показать, что принятие исторического пути христианства (с учетом тех же человеческих факторов) – это настолько же разумно, насколько разумно признавать Ветхий Завет, как Божью работу с людьми на своем историческом этапе. В самом заглавии книги мы задались целью дать апологию именно церковной веры, той веры, которую хранит историческая церковь. И пройдя уже достаточно большой путь повествования, до рассмотрения собственно христианской церковности еще не добрались.

Но наберемся еще немножко терпения. Все из сказанного прежде нам понадобится и очень скоро.

Генеральная наша линия – уловить разумный замысел в религиозной истории человечества, хотя бы той его части, что верует в Единого Творца.

Вот, мы видели, как режиссерский Замысел подводит людей к единобожию: от пустынных ханифов до целого народа, верующего в Бога. Видели, как точно и вовремя подается народу откровение о будущей вечной жизни. В Иисусе Христе эта вечная жизнь подтверждается Богом на уровне исторического факта, величайшего космического чуда – Его собственного воскресения из мертвых. Все разумно и последовательно: ничто не забегают вперед и не опаздывает.

Что дальше? Теперь эту веру надо дать всему человечеству. Как это сделать? Как это получилось в реальной истории?

Читатель, вероятно, заметил, что, главным образом, мы опираемся на самые общеизвестные факты и оценки истории, пытаюсь согласовать их между собой и увидеть за ними эту самую генеральную линию замысла. Вот и далее перед нами лягут два общеизвестных факта.

С одной стороны, – это напряженные эсхатологические ожидания ранних христиан, не только апостолов, но и их учеников.

С другой стороны, первые три века христианство в Римской империи распространяется большей частью в качестве гонимой, иногда едва терпимой, но никогда официально не разрешенной религии, вплоть до Миланского эдикта императора Константина.

Каждое из положений рассмотрим подробнее, потому что между ними существует некая, не очевидная на первый взгляд, связь.

Эсхатология – двигатель миссии?

Христианство распространялось по империи и вне ее, как весть, как новость, причем весть самого важного содержания и с немалой ответственностью за ее принятие или отвержение.

Любому современному человеку, кто пытался бы рассказать о Христе неверующим людям, крайне не хватает именно этого фактора новости. Мы рассказываем историю, о которой слышали наши далекие предки от еще более далеких своих предков. Весть слишком не нова, чтобы производить резкое и сильное впечатление.

И совсем другое дело эта же весть для апостолов и их ближайших потомков. Для них это, действительно, новость, нечто неизведанное, нечто не бывшее в прежней культуре, непривычное для слуха и ума. И плюс к тому, эта новость еще и заводит часы обратного отсчета. Новость содержит призыв подготовиться к приближающимся потрясениям, к концу мира и отчету перед Творцом. Тут прислушаешься уже поневоле, даже если в конце концов не согласишься поверить.

Удивительно ли, что у апостолов и их учеников аудитория все-таки собиралась. Конечно, далеко не все слушатели, даже меньшинство из них, соглашались с проповедью, но слушали-то многие, а это очень важно.

Современного читателя Нового Завета нередко соблазняет тот факт, что практически все документы этой книги пропитаны ожиданием близкого конца, а конец, тем не менее, до сих пор не наступил. Причем это касается не только Апокалипсиса, автор которого свой градус ожидания подвел к точке кипения: вот-вот, сейчас, скоро грядет, ей гряди! Ни один новозаветный писатель не обошел тему близкого конца, причем некоторые из них ждали конец при своей земной жизни, как, например, Иоанн и Павел.

Если бы мы по машине времени передали апостолам письмо: «Спасибо отцы, мы через две тысячи лет напряженно ожидаем возвращения Господа Иисуса, как вы нас и научили!», – они бы нам не поверили. Они явно не готовы к тому, что христианство просуществует на земле две тысячи лет.

Что это? Введение людей в заблуждение?

Наш ответ иной. Эсхатология – это стартовый ускоритель для новой, христианской веры. Во всяком случае, очевидно одно: прямой лжи по этому вопросу ни один новозаветный автор не высказывает, хотя, быть может, поневоле, создает впечатление напряженного ожидания, которое в итоге не оправдывается. Самому Иисусу не раз и даже не два на страницах Евангелия задавали вопрос о сроках. Характерно, что Он не назначал никаких дат. А однажды даже прямо сказал, что *о дне том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын, но только Отец* (Мк. 13, 32). Такой

ответ прозвучал накануне Его распятия. А после воскресения на аналогичный вопрос учеников Иисус уже отвечает без упоминания о своем неведении: *не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в своей власти* (Деян. 1, 7). Согласитесь, это совершенно разные ответы: **не знаю и не скажу**.

В Церкви за многие века шла долгая дискуссия о том, обладал ли Иисус божественным всеведением, будучи на земле, до распятия. Здесь нет единого мнения, нет согласия отцов. Даже если вопрос о Его всеведении отложить, как праздный, не имеющий для нас значения, то все равно важен и интересен иной, более конкретный вопрос: знал ли Иисус на самом деле час своего пришествия, или этот срок был скрыт даже от Него? Как объяснить ответ Иисуса, приведенный выше?

Некоторые (как Иоанн Златоуст) полагали признание Иисуса в незнании, как способ отмахнуться от назойливости вопрошающих. Тогда все-таки получится, что Иисус сказал неправду. Другие полагают, что слова Господа надо принять в их прямом значении: не знал. Этой точке зрения содействует и то обстоятельство, что в 4-м веке была осуждена ересь Аполлинария, который учил, что ум и дух человеческий Логос, Сын Божий, при воплощении своем не воспринял, оставив ум Божественным. Это учение отвергнуто на основании такого довода: что не воспринято Богом при воплощении, то и не исцелено в человеке. А в человеке после грехопадения Адама повреждено все: от ума и духа до тела, и все нуждается в исцелении. Чтобы спасти человека целиком, Бог и стал человеком всецело, а значит, воспринял и человеческий ум, который поневоле, по самому исходному замыслу Творца, ограничен. Если Логос, воспринимая тело человека, делает себя ограниченным в пространстве и подчиненным законам телесной природы, от силы тяжести до биохимических процессов организма, то по тому же снисхождению к падшему человеку Он принимает и человеческий ум с его свойствами, с его законами.

Это – классический отеческий ответ Аполлинарию, закрепленный авторитетом второго вселенского собора. Отсюда, как будто, должно следовать, что, если Иисус о чем-то говорит: не знаю, - значит, Ему следует поверить прямо, а не подозревать в Его словах хитрую педагогику. Однако повторим, что Церковью этот вопрос однозначно решен не был, и мы не рискуем здесь поставить какую-то последнюю точку. Хотя, если высказать чисто личное мнение, то я не могу понять, как можно одновременно и отвергать идею Аполлинария о неполном воплощении, и верить в божественное всеведение Иисуса, снисшедшего к людям и грядущего на страдания. Другое дело, повторим, Иисус воскресший, который уже не может страдать и умереть, который уже, как человек прошел Небеса и ад, и который, как мы видим по Его ответу, не выказывает больше признаков того, что Ему что-то в этом вопросе неизвестно.

Если Иисус не знал о сроках своего возвращения, то тогда понятно, что ученикам Он дал очень серьезные наставления о постоянной бдительности и постоянном ожидании: *итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома* (Мк. 13, 35). Впрочем, если Он об этих сроках знал, то меняется от этого не слишком много: все равно наставление о духовном бодрствовании нужно христианину в любом веке истории. Здесь возникает трудность несколько иного рода. Если бы Иисус знал, что история продлится еще две тысячи лет (плюс сколько?), то оказал бы огромную услугу потомкам тем, что позаботился бы хотя бы о какой-то прижизненной записи, о какой-то письменной фиксации своего учения, своей Вести. Как это делали и Моисей, и Мухаммед, и, вероятно, многие пророки, не рассчитывавшие на скорый и внезапный конец. Тот, кто пишет апологетические книжки, вынужден с глубокой горечью сознавать тот факт, что первые два десятка лет в христианской церкви вообще никто не думал братья за перо. (Между тем, как в исламе через двадцать лет по кончине Мухаммеда, была уже письменно зафиксирована окончательная версия Корана). А почему первые христиане ничего не писали? – Скорее всего, потому, что были совершенно уверены, что читателей уже не будет, что все Евангелие может быть проповедано только устно. А по мере ослабления напряженности в своем ожидании – начинали записывать хотя бы что-то. Считается, что самые первые записи изречений Иисуса, на основе которых потом написаны были книги евангелистов, до нас не дошли, а сами могли быть написаны где-то через 10-15 и более лет после Его воскресения.

Тем не менее, наши человеческие мысли отстоят от Божиих путей, как земля от неба. Господу было угодно «разогнать» христианскую веру и сделать ее мировой религией не путем собирания записей, а путем усиления ожиданий близкого конца. Возможно, Иисус посмотрел на иудейских книжников. Возможно, предвидел, что если Его весть закопать в книжные страницы, рассчитывая при этом на долгие века, то до дальних веков она и не дотянется, даже будучи записанной. Всемирных проповедников подогревало и подгоняло ожидание близкого конца и отчета, - и этот стимул Бог считал более важным, чем письменность. Значит, так оно и было.

Это, по-видимому, и говорит нам история.

Оборотная сторона эсхатологии

Легко понять, что люди, ожидающие близкого конца, будут прохладны к государственной и общественной жизни, будут в полном смысле не от мира сего, - и что этот их настрой не слишком-то понравится государственным строителям.

Христианская эсхатология – вот корень и аскезы, и политически невыгодной, даже опасной позиции такой церкви в обществе. Апокалипсис в наиболее концентрированной, самой резкой форме сочетает обе эти черты: и напряженное ожидание, и отвержение римской государственности, вплоть до ненависти к земному отечеству.

Бог дал своей Церкви время пройти этим путем. Получилось без малого триста лет. За это время накопился необходимый опыт того, как Благой Вести, Евангелию Иисуса Христа жить в этом мире.

Здесь бы снова хотелось выделить разумный замысел в истории. Ведь это и есть лейтмотив нашей работы: проследить разумный замысел от древне-библейских времен и до позднейших – насколько это получится. При этом правда, приходится признать, что адресат у книги невольно меняется. Разные скептики и по-разному сомневаются в библейском Боге и в христианской Церкви. Возможно, что читатель первых страниц не доберется до последних. Тем не менее, автору все-таки требуется сохранить верность своему разумному замыслу, - а он состоит именно в том, чтобы **проследить не свой**.

Итак, триста лет гонимого и полугонимого состояния в напряженных эсхатологических ожиданиях, а затем относительно плавный (но все же, быстрый) переход христианской веры к статусу народной и государственной религии. Почему так? Есть ли тут своя историческая логика?

Логика эта в том, что становление христианской веры и церкви мыслилось в своем автономном существовании, а выполнение миссии для всего человечества призвано было послужить тому следующим этапом, связанным с государственным статусом церкви.

Что набрала христианская церковь за первых три века?

Очень много. И прежде всего, становление основ своего богословия, своих религиозных упований, своего миссионерского опыта. Затем, именно в эти годы церковь приобрела опыт основных ересей и основных сектантских движений внутри себя, т.е. опыт преодоления этих опасных уклонов. Теперь уже нельзя сказать, будто христианство есть изобретение неких сторонних сил: государства или общества. Три первых века оно сумело просуществовать почти что наперекор тогдашнему государству и обществу. Другое дело, что потом потребовался для Церкви уже новый этап.

И суть дела здесь именно в эсхатологии.

Напряженное ожидание, жизнь в состоянии «не от мира сего» очень трудно сочетается с какой-то минимальной социальной активностью. Смиранный, добросовестно трудящийся человек – основа любого общества, но если он станет эсхатологически асоциален («а-а, скоро всему конец, что тут на земле ковыряться!»), сможет ли он далее оставаться и смиренным, и добросовестно трудящимся? Проблема тут, конечно, есть, она нами не придумана. Первым (из дошедшего до нас письменного наследия) вскрыл эту проблему еще ап. Павел в самых ранних своих письмах к Фессалоникийцам, уже в самом начале 50-х годов! И у него именно добросовестный общественный труд противопоставлен там эсхатологической панике (2 Фес. Гл. 3). Но эти две вещи: «отмирность» и «неотмирность», действительно, трудно сочетать между собою именно по их существу. Между

тем, как христианство предполагает и то, и другое. Надо и любить ближних, и не любить их паче Христа. Надо и быть «не от мира», и не воевать против устоев этого мира. Сложно и противоречиво. Как сама жизнь.

И вот, требуемую меру и золотую середину в жизни и сознании христианина: насколько ему быть гражданином земли, и насколько – гражданином неба, могла прочертить и отмерить только практика в несколько веков. Похоже, что никак не иначе. Церкви на все будущие века требовалась галерея портретов, конкретных исторических персонажей, которая показывала бы: вот так нужно, а так, пожалуй, не нужно разрешать этот вопрос и соответственно с ним строить свою жизнь.

Вновь о вечных воздаяниях

Первые три века христианства явили миру и еще одно важное явление, прежде неведомое миру.

На историческую сцену вышли мученики, свидетельствующие, что за гробом они ждут великой награды – вечной и блаженной жизни с Богом через воскресение. Подчеркнем два важных обстоятельства:

- это было в истории впервые,
- это стало достаточно массовым явлением, хорошо документированным. Не только в житиях святых, историческая ценность которых невелика, но и у ранних церковных авторов.

Ни в одном народе, ни в одном религиозном учении прежде за порогом смерти люди не ожидали для себя ничего хорошего! Не станем об этом забывать. Поистине, пришествие и воскресение Иисуса Христа взломало некую темницу ада – хотя бы в области человеческих надежд. Это документированный и доказуемый исторический факт, засвидетельствованный ничуть не хуже, чем сам факт воскресения Иисуса из мертвых.

Христианское мученичество охватило, конечно, не большинство людей, но все-таки это было очень значительное явление: многие умирали или готовы были умереть с радостью, идя навстречу будущему блаженству. И настолько ярко воспринималось это будущее блаженство, что ожидавшие его свидетели не принимали мер защиты для своей жизни, и даже самое свидетельство о своем уповании ценили, как прямой путь к самой этой небесной награде. Первые три века дали христианству эпоху мучеников, а это была именно эпоха яркого свидетельства миру о том, что за порогом смерти открылась наконец прежде никому не ведомая радость!

О, это были уже не смутные прозрения автора «премудрости Соломона». Можно сказать, что сама евангельская история повторялась на исторической сцене на судебных подмостках. В мучениках своих снова, и притом ярко, наглядно, ощутимо, говорил, умирал и воскресал Сам Иисус Христос.

Не один факт евангельской истории, открывшей человечеству вечность, а целую серию многих таких подтверждений и свидетельств представил Бог человечеству.

Он очень долго молчал о вечных воздаяниях, даже попускал своим верным рабам не надеяться на них, - и вдруг широким потоком излил это благовестие вечности на весь человеческий род. Пришло время – и Бог совершил определенные дела.

В таком случае и нам пришло время эти дела осмыслить. Почему Бог не говорил прежде своим верным о грядущей вечности? Мы уже ставили этот вопрос и отметили лишь один аспект ответа: чтобы верные Богу научились служить Ему беззаветно, не пытаясь себе зарабатывать рай.

Второй аспект показало пришествие Христа и Его споры с раввинами. Верующий в вечные воздаяния непременно будет искушаться на то, чтобы самому предвосхитить Божий суд, чтобы вечные блага в своем уме отделить неким избранным, а избранных этих назначить по своим понятиям. Именно фарисеи, веруя в вечность, показали, как они проводят такое деление человеческого рода, - за что и обличены были нашим Господом.

Теперь, раб Божий, вроде бы духовно подросший на этих уроках евангельских фарисеев, имеет полную возможность сам избежать таких ошибок, и теперь надежда благ вечных уже может не принести ему того вреда, которого без помощи и примера Иисуса Христа он избежать бы просто не смог.

Ну, а главное, конечно, в том, что христианское убеждение здесь оправдалось реально. А именно, что вечность человеку открывает именно воскресение Иисуса Христа, Его искупительный подвиг. Ключ от затворов вечности был именно у Него. Он пришел, повернул ключ – и хотя бы для кого-то, для значительной части людей, верующих в Него, грядущая вечность, впервые в человеческой истории засияла радостью.

А кто не веровал в него, тот умирал по-прежнему.

Приведем пример. В книге Иосифа Флавия «Иудейская война» с неприкрытым сочувствием описана кончина еврейских повстанцев в крепости Масада, которые по призыву своего вождя Елиазара убили своими руками своих жен, детей, а потом и самих себя, чтобы только не сдаться римлянам, когда их положение стало безнадежным. Всего во взаимном самоубийстве тогда полегло 960 человек. Но важно то, что Иосиф приводит очень пространную увещательную речь Елиазара к этому самоубийству. В ней этот воин признает справедливость гнева Божьего на евреев и говорит нечто о том, что умереть будет лучше, чем жить. Говорит о бессмертии души, о том, что освобожденная от тела душа перестанет страдать с телом, что ей будет от этого легче и даже так: «тогда души имеют общение с Богом, которому сродственны». И тут же приводит в пример индусов, считающих смерть избавлением от страданий («Война», кн. 7, гл. 8, 7). Одним словом, перед нами решительно не библейские аргументы, во многом сходные с эллинскими. Отчасти речь может быть придумана самим Иосифом ради нахождения здесь религиозно-культурных мостов с греко-римским читателем. Отчасти и сам Елиазар также мог испытать подобное же культурное влияние. Но не это сейчас важно. Важно то, что для ожидающих скорой смерти людей приводится в качестве аргумента лишь некое освобождение от страданий этой, временной жизни – и по сути, больше ничего. Ничего из того светлого, что ожидали христиане тех же времен от своей приближающейся кончины. А ведь эти повстанцы были люди фарисейской традиции. Для них со смертью вроде бы ничего не кончалось. Но и светлого тоже ничего особо не просматривалось.

И это все не считая того соображения, что вряд ли христианин может для себя одобрить такой путь, как своими руками перебить всю свою семью, а затем убить и себя. Ничего подобного мы не видим в истории христианских мучеников. Нам, конечно, следует еще раз подумать и оценить тот дар, который открылся верующим в Иисуса Христа через Его смерть и воскресение.

Конечно, со временем и христианское мученичество находило и свои извращенные формы, типа самоубийства и коллективного самоубийства, почти как тогда в Масаде. Но извращение любого действия или доброго дела невольно свидетельствует, что было и то, что извращали. Было нечто высокое и светлое, что подверглось извращению, но имело само в себе иной, высокий и радостный смысл.

Для человека надежда благ вечных отложена Божиим Промыслом до определенных времен. На короткое время эта надежда приоткрыта пророчеством, чтобы очень вскоре реализоваться в пришествие Иисуса Христа, прямо заявившего о своей власти над смертью (см. Ин. 5, 21; 5, 25; 6, 44 и др.).

Здесь наконец реально и сильно положено основание надежды человека на блага будущего века, причем так, чтобы избежать тех духовных опасностей, которые эту надежду неизбежно сопровождают.

Константинова эпоха

Среди противников христианства принято считать императора Константина едва ли не самым зловещим персонажем христианской истории. Помимо известных трагических событий (и грехов?) императора в отношении членов своей семьи (а это совершенно обычные, увы, для любого монарха искушения), главным образом, ставится в вину Константину сам факт приведения церкви в государственное состояние. Это состояние, как принято считать, оказалось самым губительным для христианских нравов и церковных обычаев. Церковь в своем новом государственном положении оказалась как бы вавилонской блудницей, потеряла свободу, подчинилась властям светским. Причем все эти власти (без утруждения себя доказательствами) противники империи априорно считают языческими или безбожными. Представить себе какого-либо царя или князя искренним

христианином они не могут. Стало быть, родоначальник христианских императоров становится самым лютейшим исчадием ада – в представлении таких современных противников исторической церкви.

Такая точка зрения широко распространена в неопротестантской среде, а также между внеконфессиональными христианами и прямыми противниками христианской веры и церкви. При этом мы не утрируем здесь «градус негатива». Десятки собеседников, встречавшиеся нам лично и виртуально, свою неприязнь к Константину и государственной церкви ощущают именно на уровне ненависти, никак не меньше.

Такая оценка не выдерживает критики с трех сторон:

- во-первых, с исторической,
- во-вторых, с точки зрения Провидения,
- в-третьих, с библейской точки зрения.

Хотя при этом, конечно, нужно признать, что определенные доводы за себя неприязнь к государственной церкви все же имеет. Действительно, государственное положение церкви несет для нее совершенно определенные, даже неизбежные искушения нравственного характера. Тем не менее, если иметь их в виду, помнить о них, то они в принципе преодолимы. Пока же мы постараемся рассмотреть подробнее аргументы в защиту лично Константина и связанной с ним христианской эпохи по трем выше названным пунктам.

«Исторический Константин» - искренний христианин

Начать следует с того, что император Константин наконец уравнил христианскую веру с традиционной для Рима религией отеческих богов – в юридическом плане. Об этом, собственно, и говорит его Миланский эдикт 313 г. Там нет никакого намека на какие-то церковно-государственные отношения, тем более, - претензий на государственный диктат в церкви.

Этот указ был принят после целого десятилетия периодических кровавых гонений на христиан, начатых предшественниками Константина и приобретших масштаб государственного террора против части собственного населения. Весь объем и ужас этого террора напугал даже некоторых соправителей и предшественников Константина, которые сами, своими указами, прекращали начатые ими же гонения, видя их отрицательные для государства плоды. Об этом подробно повествует «Церковная история» Евсевия, современника и участника церковно-политических событий той эпохи. У нас нет оснований ему не верить.

Константин не только прекратил гонения на христиан, но добавил к этому еще две важные вещи: во-первых, вернул церкви конфискованное имущество (прежде всего, церковные здания), причем за счет казны, во-вторых, впервые признал христианство разрешенной религией. То есть, объявил свободу совести, свободу вероисповедания.

Надо сказать, что в этом шаге Константин надолго опередил свое время. В античности, и еще полтора тысячелетия после нее, любому государству было крайне сложно всерьез замахнуться на такое дело, чтобы каждому гражданину законодательно обеспечить свободу религии. Для этого нужно было еще пройти весь путь и государственной церкви, и революций, и научно-технического прогресса; массам людей предстояло всерьез разувериться во всякой религии, сделаться религиозно-прохладными людьми, перемешаться с представителями самых разных религий. И только на такой базе восприятие личной свободы совести могло бы утвердиться на законодательном уровне. В нашей стране, например, такое состояние наступило лишь весьма недавно, не более чем три десятка лет назад.

Поэтому и свобода совести в рамках Миланского эдикта не могла просуществовать долго. Однако при Константине и его сыновьях, вплоть до Юлиана Отступника, около полувека, этот порядок реально действовал: разные религии конкурировали между собой только словом и примером, но в рамках единого правового поля, не предполагающего притеснений кому-либо по закону.

Иными словами, государственной христианскую церковь Константин не сделал. Хотя бы чисто юридически. Но его первая заслуга состоит в физическом спасении жизни многих христиан,

возвращении им свободы и храмов, в прекращении государственного террора и гражданской войны, начатой его предшественниками и соправителями, в которую поневоле был ввязан и он сам. Уже только за одно это церковь должна была ему быть благодарна. Да и была она благодарна – в лице современников, если уж не далеких потомков!

Итак, подчеркнем еще раз: при самом Константине христианская церковь не стала государственной. Это ясный и неопровержимый исторический факт. Так сказать, официальный.

Но было ли некое тайное, неофициальное влияние Константина на дела церковные? И насколько Константина можно считать ответственным за дела церкви?

Константин процарствовал после Миланского эдикта еще четверть века. И все это время он был некрещеным христианином, приняв крещение лишь незадолго до кончины. Этот факт свидетельствует в пользу его искренности и богобоязненности. Константин понимал, насколько его императорское звание поневоле насыщено искушениями, несовместимыми с евангельскими нормами, - а потому опасался принимать трудно выполнимые нравственные обязательства. При этом в жизни церкви он принял самое горячее участие. И прежде всего, обильной благотворительностью. Он не только вернул прежде отобранные храмы за казенный счет, но и даровал такие богатые подарки, как, например, пятьдесят экземпляров полных сводов Библии на пергаменте. Пергаментные рукописи были крайне дороги, для записи текста только Нового Завета в одном экземпляре требовалось переработать шкуры целого стада коз и овец. Какой огромный труд пастухов, кожевников, писцов! И все это – совершенно бескорыстно. Дар не предполагал каких-либо ответных действий со стороны церкви.

Проблемы начались там, где сама церковь попросила, потребовала вмешательства императора. Сначала раскольники донатисты подали в суд на кафелических епископов. Потом начались споры и смуты вокруг учения Ария. Подчеркнем, что в оба дела император был втянут со стороны деятелей церкви, сам он не проявлял здесь никакой инициативы. Единственное, чего желал и ждал Константин от церкви – это ее мир и единство, чтобы свои внутренние дела христиане могли бы разрешить полюбовно и самостоятельно. Но если ни того, ни другого не получилось, то Константин в этом не виноват.

Когда все беды церкви современные скептики видят во вмешательстве мирских властей, то они существенно грешат против исторической правды. Правда в том, что во главе церкви стоят такие же двуногие люди, что и во главе государства, с теми же страстями и добродетелями, с теми же искушениями, которые приносит любая власть, любое первенство одного человека над другим. И не следует думать, будто гонимая церковь самими гонениями очищается и нравственно возрастает. В реальной истории получается почти наоборот: в гонениях погибают лучшие, а остаются – остальные. Во время вселенского собора в Никее Константину была подана огромная пачка жалоб на епископов и клириков, которую он не стал разбирать, но предал огню. Если эти жалобы были правдивы – значит, сколько виновных было в церкви, если же нет, то сколько церковь сама воспитала клеветников и ябедников! И это во времена гонений, когда она, церковь, свободная от давления государства, якобы должна была быть нравственно чистой. И каким же нужно обладать бесстыдством, чтобы теперь списать все это на государственную власть!

После доброжелательных, но бесплодных увещаний к миру церковному всех враждующих партий Константин собирает вселенский собор. И снова все издержки на дорожные расходы, на постой и питание участников собора, епископов с их пресвитерами, дьяконами и слугами, - принимает на казенный счет. Собор заседает целое лето в курортном месте Никее. Константину удается отыскать наиболее приемлемые для большинства вероисповедные формулировки, которые (как всем кажется) должны привести всех спорящих к согласию. Из около трех сотен участников собора несогласными с определениями собора остаются лишь четверо: сам Арий и трое поддерживающих его епископов, которых власть вынуждена удалить в ссылку. У императора нет другого выхода: церковные смуты и споры сотрясают империю уже несколько лет, грозя уличными беспорядками и поножовщиной, а не просто спорами с кафедры.

Судите теперь сами, кто в сложившейся ситуации ведет себя ближе к евангельской нравственности: император, или церковные деятели, прибегшие к его суду и помощи?

В этом отношении Константин был не одинок. Практически все последующие императоры, за редким исключением, жаждали церковного мира, и готовы были поддержать те догматические формулировки, которые наиболее приемлемы для большинства наличных епископов. За редким, повторим, исключением, никогда императоры не навязывали свою точку зрения епископам и богословам по каким-либо вероисповедным вопросам. Мир церковный для правителя всегда был гораздо важнее, чем какая-то принципиальная догматическая точность. Можно было бы, пожалуй, упрекать царей в том, что ради церковного единства они стремились всегда поддержать партию большинства силой. Или в том, что они не смогли правильно отгадать, за какой именно из враждующих церковных партий стоит большинство. Но и это не есть диктат гражданской власти, ведь сама-то «партия большинства» уже складывалась к тому моменту в самой церкви. А содержать в равновесии несколько ожесточенно враждующих церковных группировок и стремиться при этом к социально-государственной устойчивости, столь необходимой любому правителю, - это, знаете ли, выше всяких человеческих сил! Поэтому упрек власти в том, будто она свои порядки, правила или доктрины навязывала церкви, исторически совершенно не состоятелен. Сама церковь в своих нестроениях, раздорах и смутах виновата на порядок больше.

Заключил император Константин свои благодеяния церкви грандиозным делом – восстановлением Иерусалима и святых мест. Венцом его искреннего служения Церкви стал собор, освятивший храм Воскресения Христова над Гробом Господним. Деяние, имевшее гигантское миссионерское значение на века вперед! Впрочем, нам еще предстоит к этому вернуться.

Константин принимал империю, в которой христианская вера охватывала исчезающее малый процент христианского населения: может быть, три, пять или семь процентов, примерно так. Оставил же он империю, в которой христиан было в разы больше. Конечно, законно поставить вопрос: каково было духовное качество таких христиан, которые стали христианами, когда это стало безопасно и даже выгодно? Но об этом может судить только Бог. Очевидно, что даже если на одного искреннего христианина пришлось бы по одному лицемерному, - дело Константина уже было с лихвой оправдано перед историей и перед Церковью.

Провиденциальный аргумент

Этот аргумент может быть убедителен для тех, кто верит в Бога и осуждает государственную церковь с евангельской позиции. Каким бы ни был Константин, но после него церковь на 12 - 16 веков «нырнула» в эпоху государственного бытия. И везде далее сосуществовала с монархической властью в сложных отношениях: от союза, до гонимого состояния. Спрашивается: могло ли это быть случайным? Где Бог, который судьбы всего христианства, всей Церкви держит в своих руках? Как Он мог бросить на произвол случая и человеческих грехов столько судеб тех людей, за которых воплотился и принял смерть на Кресте? И если христиане развратились настолько, что уже никак не могли далее существовать, иначе как в «блуде» церкви с государством, то зачем Он продлил на века эту историю? Если Константин – уже антихрист, то почему не убил Его Христос, возвращающийся во славе, одним дуновением уст своих?

Двадцать веков никакая церковь не выдержала бы в гонимом ото всех властей состоянии, это очевидно. Если не пришел ожидаемый конец мира, но бытие церкви продолжилось в государственном или полу-государственном состоянии, значит, на то была явно воля Божия. Значит, и такое бытие служило спасению людей во Христе.

На это принято возражать, что будто бы церковь существовала тогда в виде отдельных подпольных еретических сообществ. Аргумент исторически слабый. Ведь сами эти сообщества возникли уже в период гонений, по сути, с самого первого века, абсолютно независимо от любой государственной власти. И были они настолько разнородными, настолько противоречащими друг другу, что усадить их за одну трапезу в Царстве Божием едва ли удалось бы. В самом деле, ознакомившись с историей этих сект, попробуйте сочетать, например, эвионитов с монтанистами, или новациан с манихеями. Уж и еж скрещиваются проще! Кучу этих сект никак невозможно считать некой «истинной церковью» в изгнании.

Вообще, не нужно защищать еретиков и сектантов, не ознакомившись с ними, с их идеями и нравами. А когда ознакомление приходит, то и сам изучающий подчас за голову хватается.

Для того церкви и дан опыт трех веков гонимого состояния, чтобы она познала опыт сектантской психологии и сектантского жития. Чтобы никогда больше, независимо от властей, этот путь не служил бы оправданием церковного бесчинства.

Библейский аргумент – вновь народная религия

Теперь наконец нам потребуется вся первая часть книги, где говорилось о Ветхом Завете. Наверняка, читатель уже догадывается, что в константиновскую эпоху сюжет начинает повторяться: религия избранных («ханифов», но уже не пустынных странников) превращается в религию народную. И этот процесс протекает через аналогичные же миссионерские компромиссы, через то же самое Божие снисхождение к людям, не являющимся подвижниками духа. И даже формы этого процесса во многом совпадают с далеким прошлым.

Конкретно у Константина все это началось с видения креста на небе и с изображения крестов на щитах. По рассказу Евсевия, в видении император видел знамение Креста на небе с надписью: *сим победиши*. Согласитесь, что даже этот самый первый и классический эпизод куда как наглядно показывает плавный переход от «чисто евангельской» установки к народно-религиозной. Для христианина крест – это, безусловно, знак победы, но кого и над кем? Кто и кого побеждает сим знаменем? В Евангелии это Христос побеждает дьявола и смерть, но там все-таки речь еще не идет о воинской победе, тем более в гражданской войне, от которой (войны) Иисус так усиленно предостерегал учеников и современников. Согласитесь, это все-таки две довольно разные победы.

Удивительно то, что в последовавшей после этого битве Константин одержал неожиданно полную и безоговорочную победу над противником, превосходившим его силы вдвое. Его неприятель Максенций ухитрился совершить все возможные стратегические и тактические ошибки, был разбит и утонул при отступлении в реке. Исход битвы оказался таков, лучше которого не могло бы нарисовать победителю никакое воображение. Бессмысленно теперь гадать: чудо ли это Божие, или просто Промысел Божий. Факт в том, что произошло на редкость маловероятное событие, последствием которого стала буквально целая эпоха. Мораль тут не может быть иною: если вы признаете хоть какой-то разумный замысел в истории, разгляньте же его здесь!

И все начинается с переосмысления Креста, как события и символа, с евангельского смысла на смысл народной религии. Можно слово «переосмысление» заменить здесь на «дополнение». Смысл добавляется, это очевидно. И очевидно, что этот добавленный смысл слишком «посюсторонний». Новое знамя и древко воздвигается, чтобы избавить народ от змей чувственных, но не душевных и мысленных. И очень хорошо, что это знамя не чужого, не египетского бога, а знамя истинной евангельской веры. Хотя она и применяется уже не с евангельскими целями.

Даже если принять, что Константин никакого видения не видал, а просто велел изобразить кресты на щитах своих воинов, что, собственно, изменится от этого? Почти ничего. Удивительнейшая победа даруется ему все равно под знаменем креста и никак иначе.

Собственно, далее Константин не пытался строить ни государственную церковь, ни народную религию. Он не ставил себе таких задач. Тем важнее понять, что процесс двинулся именно в этом направлении как бы сам собою.

Люди хлынули в церковь. И тут же сама церковь, защищая себя от людей случайных и лицемерных, поставила на своем пороге шлюзы, то есть, ввела чин оглашенных. Не всех подряд допускали до крещения, но ввели повсеместно курсы для катехизации. Людей стали учить, им стали проповедовать евангельскую веру предварительно, прежде чем они сочетались бы Христу в святой купели.

Это максимум, что могла бы сделать церковь, хоть как-то заботясь о «чистоте рядов». И она это сделала. Но само по себе средство это, оглашение с испытательными сроками, и не может быть надежным. Если христианином стать выгодно, то и не слишком искренние люди потрудятся, пройдут любые поучения и даже сдадут любые экзамены. При этом, что происходит в их сердце – одному

только Богу известно. А в целом церковь становится из общества лично призванных свыше людей, обществом с традиционной религиозной культурой.

Оглашение было, но параллельно с ним, именно с 4-го века набирала обороты практика крещения младенцев, которая и раньше существовала, но всеобщей не была. Впоследствии она стала доминирующей, (и по очень уважительной причине – младенческой смертности), так что институт оглашения потерял уже смысл. Христианами становились теперь по традиции и по воспитанию, а не по личному зову свыше.

Но разве не так было в Израиле в древние времена? Там тем более ни один младенец религию себе не выбирал. Согласия на обрезание не спрашивали у восьмидневных младенцев. И бар-мицву (обряд совершеннолетия с посвящением Закону) проходили тоже все юноши подряд. Личный фактор, личный религиозный выбор в народной религии даже не предполагался.

Казалось бы, в первые три века в христианской церкви доминировало другое отношение. Подавляющее большинство христиан это были люди именно лично призванные. И наверное, это было лучше, если судить по внутреннему человеку. Но таких всегда будет исчезающее меньшинство, значительно менее десятой части, - и вот Бог поворачивает руль истории в другую сторону.

Повторим: ни один человек в церкви, ни цари, ни епископы, в константиновы времена не задавались такой сознательной целью: повернуть церковь лицом к народу, упростить вхождение в нее, сделать ее более обмирщенной и служащей земным и утилитарным целям. Однако же, Церковь в целом двинулась именно сюда. И когда мы замечаем совершенно аналогичный процесс во времена ветхозаветные, нам ничего не остается, как смириться с Божиим замыслом.

Константин, а особенно его мать Елена, оказали христианам и еще одну услугу – восстановлением святых мест. Он едва ли предполагал, какой огромный кладязь он этим открывал для развития именно народной религии. Вспомним, что до Константина обязательным требованием ко всякой разрешенной религии в Риме было наличие своих святынь и святылец. Христианство именно по этому признаку лишалось статуса религии разрешенной. Потому что у древних христиан не было особых святылец. Свою вечерю они совершали в жилых домах, а не в каких-то нарочитых культовых сооружениях, которые постепенно появлялись лишь позже. И вдруг на планете появляется место, совершенно аналогичное Храму Соломона. Это – Храм Воскресения Христа. Уникальное место. Гроб Господень. Крест Господень, положенный в храме. Первый в христианской истории центр паломничества. А паломничество, как мы помним, важнейший атрибут религии народной. Мы помним, что народное сознание разделяет пространство на сакральное и все остальное, разделяет время на хаджи и запретные месяцы – и все остальное. И тут, – пожалуйста, христиане, принимайте такой подарок.

Конечно, само по себе открытие святых мест Иерусалима дало огромный толчок христианской миссии. Люди потянулись в Святую Землю. Исаиины пророчества о славе Иерусалима наполнились новым живым и звучным содержанием. Евангелие стали «читать ножками», проходя по тем камням, которых могла коснуться нога Иисуса и Его учеников.

Разве это не то же самое, что и установление Храма ветхозаветного, ковчега завета в нем и паломничества к нему? Да, конечно, вера самого Авраама и самого Моисея не нуждалась ни в храме, ни в ковчеге, ни в паломничествах к ним. Да, конечно, если человек более озабочен обретением евангельских нравов, нежели посещением евангельских мест, то это лучше. Но скажите: разве логично за Давидом и Соломоном в их делах по устройению Божия святилища видеть указание Господне, а за восстановлением Иерусалима, как Города Иисуса, такого указания не разглядеть?

Константин есть новый Соломон в строительстве Храма. И этот факт нужно спокойно признать. Спокойно видеть перст Божий за тем и за другим событием одновременно. Видеть миссионерский компромисс со стороны людей и миссионерское снисхождение к этому со стороны Бога.

Хотя при этом, конечно, и в том, и в другом случае открывались духовные опасности. Яхве начинали воспринимать племенным богом в сонме аналогичных ему богов у других народов. А в христианском благочестии, хотя к прямому многобожию не возвращались, но элементы фетишизма, погоня за «святыньками» со Святой Земли, двинулись, набирая обороты, и именно в связи с

возведением Храма. И речь идет не о простом цветочке из Палестины, засушенном в Библии, а о повальном увлечении реликвиями, постоянными попытками отыскать гробницы апостолов и древних святых, а затем и вскрывать и переносить их мощи, расчленять и использовать для врачевания. Что в свою очередь породило поток реликвий явно поддельных, торговлю всеми этими предметами. Это, конечно, уже крайне негативная сторона «народной религии», не заслуживающая не только снисходительного согласия, но и простого извинения.

Остается только жалеть о том, что древние римские законы о категорической неприкосновенности любых захоронений, еще столь достопамятные во времена отцов 4 века, ссылающихся на них в своих проповедях, как-то постепенно то ли отменились, то ли забылись, но в любом случае, исчезли из сознания. Ибо пришло время, когда миссионерское действие святых мощей сменилось антимиссионерским действием, связанным со свято-торговлей и шарлатанством. И это антимиссионерское действие вылилось в иконоборческие смуты на Востоке империи (8-9 века) и в Реформацию на Западе во времена Лютера. Там и здесь пролились потоки крови, а от христианской веры и церкви отвортилось множество душ.

Оборотная сторона народной религии тоже нашла свое проявление.

В том же ключе народной религии следует рассматривать и иконописание, так сказать, новое изготовление херувимов над ковчегом завета. Иконы, особенно хорошо изготовленные, - это прекрасные миссионерские пособия для простых людей, имеющих все же эстетический вкус. И таковыми пособиями иконы остаются и до сего дня. Но народная религия, разумеется, окружает сами эти пособия сверхдолжным почитанием, вследствие чего миссионерский потенциал икон тоже исчерпывается и сменяется кое-чем прямо противоположным. Иконоборчество в разное время и в разных формах пережили и Восток, и Запад, по сути, все христианское человечество. И нашему времени пора бы уже на примерах древности выработать к этим пособиям в евангельской проповеди правильное, уравновешенное отношение. Помните, как мы говорили о подростке, который не спит уже со своим мишкой в обнимку, но и не отрезает ему голову.

Кто в большей мере «живет по Библии»?

Итак, нам пора обобщить все указанные частности.

В эпоху христианских царей, становления церкви, как государственной, неизбежно должна была выстроиться новая форма религии – народная религия. Новую она могла казаться в христианстве, будучи по сути своей достаточно старою, продолжением библейской традиции. И если в Ветхом Завете редакторы Писания времен второго Храма четко все миссионерские компромиссы Моисея приписали непосредственному повелению Божию, то у христианских авторов вместо этого доминировала ссылка на отцов и на традицию. Но суть оставалась тою же самой. Свободная вера «ханифов», вера по личному призванию становилась народной религией с соответствующими правилами, вещественными пособиями и неизбежными искушениями – и на все это была воля Божия. И тогда, и теперь. Воля Божия, как минимум, в виде благожелательного поущения.

В мире евангельских и внеконфессиональных христиан само слово «религия» зачастую является ругательством. Тем более в сочетании с прилагательным «народная». Народной религии, понимаемой как следование языческим и полужазыческим традициям, противопоставляется жизнь по слову Божию, по Писанию. Которая на самом деле есть жизнь просто по другим традициям, таким, в которых древних языческих элементов вроде бы поменьше.

Но на самом деле, нам ныне время всерьез поставить вопрос: а какая религия живет в большей степени именно по библейской традиции? И ответ получается неожиданный: как раз народная религия, в чем-то аналогичная религии древнего Израиля.

Очень важно, что написавший эти слова сам совершенно не в восторге от народной религии. Не хуже всех протестантов я понимаю ее опасности, те большие миссионерские минусы, в которые превратились бывшие огромные миссионерские плюсы. Речь не об авторских предпочтениях. Речь о том, что в истории читается разумный замысел. Да, приходится признать, что этот замысел сложен и не линеен. Да, в этом месте путь Божий с моими личными представлениями о нем не

совпадает. Но это не повод отрицать очевидное: минимум дважды (а третий раз еще и в исламе) в истории единобожия мы наблюдаем совершенно не зависящий от воли конкретных исторических персонажей процесс: становление народной религии, расширение веры избранных в веру целого народа. Видя и признавая очевидные духовные издержки такого процесса, мы вынуждены констатировать, что воля Божия на призвание большего числа людей, даже с потерей духовного качества, все-таки существует.

Религиозная опора общества и государства

Необходимо еще раз отметить и такую закономерность.

Общества и государства стоят на религии. И, конечно, только на народной религии! Именно такая религия формирует культурную базу общества, такую штуку, которую принято теперь именовать «традиционные ценности». Тут складывается некий духовно-синтетический базис, не все традиционные ценности даже христианского общества будут евангельскими – и в этом надо отдавать себе отчет.

Например, такая «традиционная ценность», как семья, в традиционном обществе практически абсолютна, а в Евангелии очень относительна. Там безбрачное житие похвывается больше семейного, а иногда Иисус призывает и покинуть семью ради Царства Божия. Такой шаг, кстати, с социально-психологической точки зрения, весьма сомнителен, - если только мы не ждем конца света на следующей неделе.

Вера Авраама и вера евангельских аскетов сами по себе внесут ничтожно малый вклад в общественную нравственность и культуру. Ханифы от сектантов отличаются в этом частном отношении очень мало, и даже в самом благоприятном случае их мир – это пустыня, но не общество. Вера Авраама стала каким-то примером для кого-то, она хотя бы как-то оценена по достоинству лишь одним простым путем: расширением Авраамовой веры в народную религию. Теперь в прочитанную фразу вместо Авраама подставьте апостола Павла или преподобного Антония – и вы получите аналогичную констатацию применительно ко временам Нового Завета. Без разворачивания ханифии (благовестия) в народную религию мы не смогли бы даже узнать о призванных когда-то самим Богом носителях высокой веры и нравственных идеалов.

Таким образом, приходится признать, что народная религия на спасение людей все-таки работает. Традиционные ценности, культура, основанная на них, образование и воспитание на той же основе – без всего этого никакой народ, заключенный в защитную государственную оболочку, просто физически невозможен. И не может сложиться эта культура на вере одного человека, по призыву Божьему бежавшего из своего Ура Халдейского искать Бога в пустыне и под звездами. Пока вера этого человека, со всеми неизбежными ее при этом повреждениями, не сделается народной верою.

Ведь природа человека такой пустоты не потерпит. Если не на Авраамовой основе сложится народная религия, то она сложится на магической основе, полу-сатанинской или полностью сатанинской. Там уже речь пойдет не о двусмысленной сложности фетишей и изображений, а о прямом и буквальном идолопоклонстве, не о сомнительном и двусмысленном признании ценности семьи, а конкретно, о ритуальной проституции, не о сложной проблеме смертной казни в христианском обществе, а о прямых человеческих жертвоприношениях. Ведь все эти вещи: и человеческие жертвоприношения, и ритуальная проституция, и убийство новорожденных – они многими веками в целом ряде обществ были вполне себе традиционными ценностями! Вот об этом стоит подумать нам. Потому что, если так можно выразиться, об этом же, кажется, подумал и Сам Бог.

А если государственная религия сложится не на христианской «народно-религиозной» основе, а на магической, атеистической, то хватит ли пустынь на планете, чтобы покрыть всех ханифов, которых Бог желал бы поселить на лоне Авраамовом?

Ответ мы можем искать только в книге истории. Если бы священная история была бы описанием передачи эстафетной палочки от Мелхиседека к Аврааму, от Авраама к Лоту, Иофору, Моисею, - и больше ничего, - то в таком случае мы имели бы право говорить, что Бог занимается

только своими избранныками. Но библейская история и христианская история (и исламская, конечно) раз за разом независимо рисуют нам совершенно иной сюжет, столь похоже складывающийся в веках. Сюжет этот настолько масштабен и грандиозен, что списать его на волю одного-двух великих людей нереально. Право же, смешно говорить, будто Моисей создал евреям народную религию, а христианам создал ее Константин или Феодосий. Конечно, процесс, покрывающий много людских поколений, явно делается не человеческой волей. Тогда чьей?

Проблема гонения на еретиков

Собравшись написать апологию церковной веры, мы никоим образом не ведем апологию церковной системы или даже церковной истории. Реальная история церкви, реальная иерархическая церковная система наполнена человеческими грехами, которые порою очевидны, и быть адвокатом греха я не собираюсь. В то же время справедливость требует признать, что эта история не является сплошным и беспросветным грехом, но весьма сложным явлением.

Важнейшее нарекание на церковную веру в этом же ключе состоит в том, что современному человеку, поверхностно знакомому с христианством, диким кажется обилие ересей в этой истории и жестокими кажутся меры против еретиков. На этом основании хочется бросить все, обвинить все спорящие стороны, встать над всеми этими ограниченными людьми, которые, мягко говоря, спорили и воевали из-за пустяков.

Не собираясь рассматривать здесь ответы на все вопросы, особенно богословские, скажем так, что для серьезного христианина далеко не все богословские разногласия видятся пустяками. Однако для начала мы взглянем на проблему с другой стороны, через простой и понятный пример.

Допустим, вы являетесь мэром большого города, и в вашем городе появились две больших партии людей, преимущественно молодежи, которые спорят из-за настоящего пустяка: с какого конца нужно разбивать вареные яйца. Но люди молодые и горячие уже устраивают возле вашей мэрии митинги, жгут сперва файры, потом покрывки, начинают бить друг друга дубинками и творить погромы. Ваши действия, как градоначальника?

Не надо быть чиновником такого ранга, чтобы сразу сообразить:

- ввести запреты на споры,
- арестовать зачинщиков, применить водометы и газ,
- а если толпа не утихает, то придется провести и законодательное решение,

устанавливающее порядок разбивания яиц.

Если толпа требует референдум, придется идти и на референдум. Победившую партию придется поддержать, а проигравшую, извините, поставить под угрозу преследования.

И попробуйте в реальной общественной жизни решить проблему без всех этих мер. Как показывает и современная практика, у вас не получится обойтись без них ровно до тех пор, пока подавляющее большинство граждан не охладает к самому вопросу настолько, чтобы спокойно разрешить любому своему соседу не только разбивать яйца с того конца, с которого он хочет, но даже пропагандировать публично свой способ разбивания яиц. Пока этого нет, пока любое «неправильное» разбивание вызывает конфликты, вам придется репрессировать часть граждан, поскольку они и так самовольно репрессируют друг друга, чтобы они просто не пришли к взаимному уничтожению.

Собственно говоря, если Вы обдумаете эту ситуацию серьезно, то вынуждены будете признать, что социологическая ее тяжесть на самом деле не зависит от степени принципиальности того вопроса, который вызвал полемику в обществе. Градус конфликта зависит не от сути вопроса, а от накала его восприятия гражданами. И в этом плане наше время смогло лишь частично сократить число жертв, придумав водометы, резиновые пули и слезоточивый газ, вместо которых прежде оружие применялось настоящее, боевое. Во всем остальном наше общество полностью идет по стопам предков.

Если вам безразличен вопрос разбивания яиц, то не думайте, что у вас появился повод для осуждения градоначальника и его правоохранительных органов. Обвинение мэра, будто он навязал свою волю по пустячному вопросу почти половине своих граждан, не есть справедливое обвинение.

Общественный порядок необходим, и существуют люди, власть предержащие, которые за него отвечают. Если общество соглашается предоставить им монополию на насилие, то придется извинить им и само это насилие. Другого выхода нет.

Да, в истории церкви, в истории христианских государств цари и князья действовали, как мэр из нашей притчи. И они могут заслуживать здесь осуждение лишь в некоторых случаях, если допускали очевидно чрезмерное применение силы. Важно, что не бывало в истории безобидных филантропов-еретиков, свободных мечтателей, которые просто хотели бы жить спокойно, не подрывая социально-государственных устоев. Такие случались в истории, но и репрессии против них не применялись. Пример – сторонники разных догматических партий в эпоху арианских споров. Самое большее, что им грозило за неправильное тонкое богословское мнение – это потеря своего храма и высылка в другой город. С одного средиземноморского курорта на другой. Не так уж и страшно.

А как тогда сами богословские вопросы?

Итак, если проблема преследования церковного инакомыслия нам становится понятной, хотя бы просто на уровне ее сложности и неизбежности, то дальше логично возникает претензия и к самой церкви: а зачем так подробно было бы вообще развивать богословие? Не привела ли историческая церковь к моде на всякие умствования о непостижимых Божиих тайнах, а эти умствования, в свою очередь, горячо принимаемые толпами людей, неизбежно вели ко всем тем тяжелым мерам, что описаны нами только что? Грубее и короче сказать: может быть, вообще все богословие и есть лишь проблема, с какого конца яйца разбивать?

Здесь с неизбежностью приходится признать, что если вы даете людям реальную свободу мышления, если вы не запрещаете им думать вообще (чего не могли запретить даже самые тоталитарные в истории режимы), то мысли о богословии будут неизбежны.

Это показала самая ранняя история.

Так получилось, что христианская вера начала проповедоваться в том народе и на языке того народа, который хранил самую развитую в мире на тот момент философию, самую развитую на тот век науку, и был вообще самым интеллектуально развитым народом. Вот и попробуйте такому народу проповедовать, ничего из его наследия не зная. Поначалу апостол Павел, кажется, так и попробовал, придя в Коринф и решившись *ничего не знать, кроме Христа распятого* (ср.: 1 Кор. 2, 2). Но потом и ему пришлось в разговоре с такими людьми – эллинами, которые премудрости ищут – прибегать и к своему обширному знанию еврейских Писаний, и к мировоззрению собеседников. В частности, цитировать греческих поэтов. Без этого всего его миссия не была бы успешной. Он и сам это понимал, когда говорил, что с подзаконными хотел быть, как подзаконный, а с не знающими закона говорить на их языке.

Так вот, проповедуя интеллектуалам и философам, нужно разбираться в философии и иметь определенный интеллектуальный уровень. Иначе ничего у вас не получится.

Не столь философски развитый иудейский народ евангельскую весть отверг почти единодушно (ко II веку), а принял эту весть философски богословствующий народ. Этот факт обрек дальнейшую церковь на богословские споры. Как того мэра из нашей притчи – на насильственные действия. В таком обстоятельстве бесполезно искать виноватого человека, такого Константина, на которого можно свалить всю ответственность. Да, дикари или рэперы не спорили бы о богословских тонкостях. Иудеи спорили не о богословских тонкостях, но о каких именно тонкостях спорили раввины, узнайте из соответствующих источников и подивитесь. Можно ли, извиняюсь, на горшок ходить в субботу, и как далеко может отстоять этот субботний горшок. Сами сравните, чьи споры вам в большей степени напомнят проблему разбивания вареных яиц.

Вообще, не было ведь в истории ни одного, религиозного, социального, политического движения, сторонники которого не поделились бы между собой, ведя достаточно жесткие споры о своих трактовках своих общих драгоценных всем адептам идей. Раскалывались все, речь может идти лишь о том, насколько жесткими бывают такие расколы в истории.

Евангельские события, как передали нам сами евангелисты, оставляют места для многих вопросов. Перед нами очевидный Человек из плоти и крови, Который иногда говорит и действует, как Бог от первого лица, а иногда – как обычный человек. И Бог, воскресив Его из мертвых, явно показывает, что такое поведение Иисуса приятно Небесам и утверждается небесным судом. Как это все понять? Неужели тут не будет вопросов, кто перед нами: Бог или человек?

Все христианское богословие вокруг этого простого вопроса и завернуто. Все из него истекает. Вопрос этот прост лишь в формулировке – и удивительно труден и сложен в ответе.

Что удивительного, если верующие в Единого Бога зададут об этом вопросы? И при этом привлекут те знания, которые у них уже есть и ту логику, которой уже обучены. А эти знания суть разного достоинства, не все верны, не все и ошибочны.

История Церкви первых времен показала нам и тех авторов, которые отрицали любое и всякое эллинское знание, любую философию (Тертуллиан), и таких авторов, которые признавали элементы разумного, буквально: «семена Логоса» в языческих верованиях и философии (Иустин и Ириней). Жизнь показала, что правы не первые, а вторые. Именно они добились успехов в миссии и оставили интеллектуально плодотворное наследие.

Здесь считаю необходимым привести простой и классический пример времен золотого века свято-отеческой письменности. Вот известный спор пресвитера Ария со множеством церковных деятелей, которых мы условно объединим в лице св. Афанасия, епископа Александрийского.

И Арий, и Афанасий признают за источник своего богословия Новый Завет. Оба читали у евангелиста Иоанна пролог к его Евангелию: *В начале был Логос* (это переводится и как «слово» и как «разум»), *и Логос был у Бога, и Логос был Бог*. Оба не отвергают это положение, равно как и следующее, что все, что начало быть, начало быть через Логос. А потом Логос воплощается.

Но у Ария нет четкой разницы между рождением и сотворением. И поэтому у него и сам Логос рождается во времени (а было время, когда Логоса не было), и само его рождение равно его сотворению. Поэтому Логос, хотя и един с Отцом, но Он – сотворенный Бог, а через него и начало быть все прочее, что начало быть.

Согласитесь, что на основании Писания вы не найдете возможности возразить Арию.

По Афанасию же, Логос рождается из Отца, сохраняя природу, сущность Отца, причем это происходит прежде всякого времени.

Кто прав? На основании только Писания этот вопрос не разрешить. Приходится привлечь философию и логику. А это уже не библейский источник.

Афанасий берет два важных положения.

Первое. Все, что имеет бытие, или сотворено, или не сотворено. Логика договаривает: не сотворен только сам Творец. А Он Един. См. начало нашей книги. Это разумная посылка. Апологетически сильная.

Второе. Существует разница между рождением и сотворением. Рождающий и рождаемое – одной природы, а само рождение не есть акт воли рождающего, но опять же - акт природы. Поэтому Логос рождается от Отца, но не творится Отцом – и потому-то Логос, будучи одной Божией природы с Отцом, и Сам есть Творец. А сотворение, между тем – акт не природы, а воли и замысла творца. Творить Бог может из ничего, или же из чего-то, но не из самого себя. Сотворенное имеет другую природу, чем Творец.

Логичное, правильное решение загадки Писания. Она дает Писанию наиболее логичную и разумную интерпретацию. Но попробуйте это все объяснить, не применяя такого не библейского термина, как сущность, природа, а затем еще и столь многозначное греческое слово, как ипостась.

Или же вам придется смириться с невняtnостью всякой мысли. Если нет четкой грани между тварью и Творцом, между Богом и Его изделием, то вы будете обречены на множество вторичных богов, по сути, на многобожие.

Четкость мысли иногда все-таки необходима.

Жаль, если Писание такую четкость дает не всегда.

Ну, и последнюю точку в споре Ария и Афанасия ставит, как ни странно, общая теория относительности. Она показывает взаимосвязь пространства, времени и материи. Показывает относительность времени. Время течет по-разному в разных системах отсчета, его ход зависит от гравитации и скорости системы отсчета. Это приводит к мысли, что вместе с началом нашей вселенной началось и время, что время сотворено со всей остальной материей и пространством. Без материальных объектов пустое пространство не висело и не тикали никакие «мысленные часы». Вселенная творилась не в пустом пространстве и в какой-то момент ровно шедшего до этого времени, а вместе с пространством и вместе со временем. Значит, не было времени до начала творения вселенной. Арий не прав, что и требовалось доказать.

Но ведь это доказательство пришло опять же из стороннего источника, не из Писания. В свои времена ни Арий, ни Афанасий не знали, что на земле и на «черной дыре» в космосе само время течет по-разному. Всем людям тогда казалось, что для любого момента времени существовал предыдущий момент. Стоило немалых усилий ума, чтобы предположить, что это не так, что до творения времени не было вообще (или оно было чем-то совсем другим).

Вот такой пример хорошо показывает, что разумные мысли, семена Логоса из небиблейских источников – это полезные и необходимые идеи. Что, если возможно, лучше ими пользоваться, чем не пользоваться и сползать в умственную путаницу, а затем и вовсе в пучину какой-то лжи. Ведь предмет богословия, как видим, это нечто более серьезное, чем вопрос о тупом и остром конце яйца. Человек до определенной меры способен истину о Боге и мире познавать, и призван к этому стремиться. Поэтому просто призывать к отказу от богословия и как бы простому нравственному житию – это довольно глупо. Без целостного мировоззрения человек не сможет держаться никаких принципов, в том числе и нравственных.

Границы богословия

Итак, будем надеяться, что читатель не станет воевать против богословия, как такового, под флагом борьбы за мир между людьми, а также примет спокойно тот факт, что в христианской картине мира Писание является не единственным источником. Оговоримся здесь, что в реальной истории христианские богословы пытались разрешить такие тонкие вопросы, на которые у них не было первичной информации ни в Писании, ни в других источниках. Например, уже поднимавшийся нами вопрос о всеведении Иисуса Христа, или вопрос о едином или двойственном Его действии (Божеском или человеческом). Здесь действительно у нас недостаточно знания из первоисточников, чтобы разрешить такие вопросы. Конечно, можно было бы богословские споры такого уровня «подморозить» на академическом уровне, когда сторонники полярных точек зрения могли бы уживаться между собою в спокойной обстановке. В реальной жизни этого не получалось. Да, это плохо, да, это печально. Да, это урок для нас, чтобы мы не повторяли прошлых ошибок. Но, в конце концов, никакая же «золотая серединка», в любом деле, в любой позиции не может быть нащупана без практического перегиба, то есть без такой ситуации, когда, продвигаясь к истине, «направо» или «налево», человек не проскочит той точки, где следовало бы притормозить. Только прощупанные опытом крайности дают саму мысль о «золотой середине». А опыт крайностей, увы, всегда будет печальным, это неизбежно. По своим печалям он и будет познан!

В конце концов, от нас требуется лишь умение учиться на чужих и своих ошибках. Нам никто не ставил задачи судить своих отцов.

Если еще раз философски взглянуть на историю богословских споров, такую не гладкую, а порой и кровавую, то придется признать, что люди всегда найдут для себя повод подраться. Драка из-за житейских пустяков не намного лучше, чем ссора по богословским вопросам.

Наша задача теперь не анализировать само христианское богословие по существу. Мы, вообще, обращаем речь не к тем людям, которые уже освоили его начатки и соблазняются на его тонкости. Пока речь о самом принципе: а нужно ли пытаться понять богословские вопросы? И можно ли при этом только строить умственные домики из цитат Писания? Надеемся, что обосновать ответ нам удалось: да, богословие христианское неизбежно, именно потому, что все дело Христово в

мире не могло быть быстро, точно и полно осмысленно в самых первоисточниках – в Новом Завете. Новый Завет все-таки не смог разрешить и снять все вообще богословские вопросы. И этого не нужно бояться. Развитость богословия сама по себе не является аргументом против церковной веры. Хотя, повторим, в богословских тонкостях нужно помнить меру и ограниченность нашего человеческого ума,

не дерзая делать последние и окончательные выводы, тем более, обращать такие выводы в обвинения в ереси всем несогласным.

Идея «высокой церкви»

Две претензии к исторической церкви, выдвигаемые давно, ставшие уже классическими, оказываются противоречащими друг другу.

Первая претензия выражается примерно так: вы, мол, создали народную религию и утопили в ней библейскую истину.

Претензия вторая: вы заигрались в богословие.

Для обеих претензий основания бывают, но ирония в том, что выдвигаются обе из одних и тех же уст, а противоречие самими обвиняющими не замечается.

Но на самом деле, сопоставление этих двух обвинений на практике приводит к идее некоего разделения внутри одной и той же церкви. У англикан это реализовалось практически: церковь поделили пунктирной линией на высокую и низкую.

Часть церкви (которая «высокая») пусть займется богословием, осмыслением истин евангельских.

А другая часть обратиться к «народным приложениям». У обеих частей будет одинаковый символ веры, таинства, общее священноначалие. У них вообще будут одинаковые ответы на главные вопросы. Разница между ними будет не в ответах, а в самих вопросах.

Допустим, и в той, и в другой понимают икону, как средство восхождения к первообразному. Там и здесь основываются на решениях 7 Вселенского собора по этому поводу. Но в «высокой» части иконы просто висят в храме и вопрос о них, будучи когда-то в истории решен, вообще не ставится больше. В народной же церкви этот вопрос будет первым, вторым и третьим в повестке. Хотя теоретическое решение то же самое.

В православии в принципе и сложилась такая ситуация: «высокая» и «народная» части церкви без всякого официального разделения. Мы не можем выбрать какие-то свои богословские ответы на уже решенные в истории вопросы – это называлось бы ересью. Но мы выбираем сами вопросы, каждый из нас лично. Мы составляем себе свою религиозную повестку: будет ли это богословие вселенских соборов, нерешенные ими вопросы, будет ли это изучение Библии в свете новой о ней информации, будет ли это народно-культурное приложение православия к чему-то, – все это решает каждый христианин, подбирая себе единомышленников. С ними он сойдется не в ответах, а в вопросах. И это окажется решающим.

Единственная здесь наша просьба, идея нашей работы, наша обоснованная посылка: не навязывать свою повестку всем, понимать сложность религиозной картины общества, всю двойственность и неоднозначность народной религии, сектантские уклоны, искушающие современных «ханифов». Мы попадаем здесь в область, где нет примитивно-простых решений. Зато здесь существует возможность выбрать свое духовное решение и принять ответственность за него.

Вопрос о «великом инквизиторе»

И наконец, мы подходим к последнему из выслушанных нами серьезных, глубоких вопросов, задаваемых к христианской вере. Мы даем ему условное именование, заимствованное из Достоевского. А суть вопроса в том, что развитая институциональная церковная система, церковная иерархия, получившая в народно-государственной религии свое прочное лидирующее место, волевым образом неизбежно будет притязать на духовное лидерство над всякой христианской душой и

вытеснять живое богообщение. Вплоть до реальной подмены Христа, до вытеснения евангельских заповедей тупым подчинением церковной системе. Между тем, церковная вера немыслима без признания церковной иерархии. Тогда получается, что давая иерархии определенное место, (а, по апостолам, это место служебное, для служения Божьему народу), мы смиряемся с тем, что рано или поздно иерархия вытеснит из душ Самого Бога и Христа Его, заменив Его собою. На какую подмену согласиться, действительно, никоим образом нельзя, недопустимо и невозможно.

Можно ли в рамках народно-государственной религии разрешить эту «проблему великого инквизитора», или нужно все-таки проповедовать взлом и слом иерархической церковной системы в христианстве?

Этот вопрос станет первым и последним в книге, когда мы, действительно, не можем предложить ясного и внятного решения. Потому что вопрос многократно ставился и до нас. И у Ф. Достоевского и у прот. Валентина Свенцицкого, и не только у них. Вопрос классический – и классически не решаемый. Авторы умели художественно раскрасить постановку вопроса, и это им удавалось, но реальный практический ответ так и не звучал.

А нам в очередной раз останется напомнить: мы пишем апологию церковной веры, но не церковной системы. Конечно, для начала следует напомнить, что сама иерархия родилась в церкви от апостолов, что любые общества делятся на учащих и учащихся, что и сами апостолы и первые епископы и пресвитеры были и первыми же кандидатами не только на служение, но и на мученичество. И только благодаря трудам церковных лидеров у нас есть теперь тщательно выверенное само Писание, и христианское богословие, и богослужение, – такие ценности, над которыми ни один христианин шутить не станет. Потому и не поторопится отрицать церковную иерархию в принципе.

Можно еще раз вспомнить все содержание написанного выше о народной религии и смириться перед неизбежной волей Божией на ее установление.

Придется, осматривая церковную историю, признать, что любая христианская конфессия, становясь народной и государственной, в каких-то формах непременно породит и представит миру своих «великих инквизиторов», которые мнят себя наместниками Христа и Самому Христу готовы выдвинуть упрек. Мол, Ты не научил народ веками жить в стабильном обществе, Ты же велел ждать скорого Твоего возвращения, а Сам так и не пришел, теперь уж мы научим народ Твоему Евангелию и его практическим применениям лучше, чем Ты Сам. А Ты уж отойди и не мешай.

Невозможно отрицать и того, что в приведенном гадком по своей сути упреке Богу имеется значительная доля практической правды.

Приходится признать и тот факт, что любая устоявшаяся церковная система, поддерживающая христианство в качестве народной религии (причем в любой конфессиональной оболочке!) неизбежно «заточена» на то, чтобы порождать таких «инквизиторов» с их аргументацией, не лишенной оснований.

И невозможно принять таких церковных наставников!

Вот все отрицательные черточки в обрисовке самой проблемы: нельзя не признаться, нельзя не сознаться... А никакого положительного решения мы не можем предложить.

Сломать церковную систему и пойти сектантским путем? – Мы рассмотрели уже сектантский путь. Это не выход. Тем более что и сама Реформация, восставшая вроде бы против инквизиторов, в реальной истории породила инквизиторов своих, вроде Кальвина, который точно так же казнил несогласных с ним, как еретиков и точно так же сам занял место отрицаемых им «инквизиторов».

Бросить церковную организацию любую и принципиально? – Это кончится неизбежно выдумыванием собственной религии и неимоверной гордыней, вознесенной над всем миром.

Молить Бога, чтобы вернул свою Церковь в тотально-гонимое положение? Чтобы вырезал всех епископов, а остались бы прежние герои духа, кандидаты на мученичество? – Но советское время знало и такой прецедент и показало очень наглядно следующее. Очень быстро гонители вырежут как раз самых достойных из епископов и священников, а вот настоящих кандидатов в «инквизиторы» оставят себе «на развод» и на их-то основе и построят новую свою церковную систему, в еще большей степени страждущую этим самым духовным недугом.

Опять три отрицательных решения.

Быть может, в духовной области существуют такие вопросы, которые только лично Бог может разрешить лично для человека, всерьез столкнувшегося с данной ситуацией, когда вопрос ставится не абстрактно, а через личную душевную трагедию? И перед нами как раз один из таких вопросов?

Ну, тогда, если наш читатель сам и лично попал в такую ситуацию, под реальную власть «инквизитора», а не просто вычитал у Достоевского этот сюжет, то чем остается помочь нам, кроме указания на три не подходящих варианта ответов.

Где не помог сам Феодор Михайлович, да поможет только Сам Господь Бог!

Заключение

Указав на известные духовные опасности в церковной жизни, и уяснив, что церковь – учреждение богочеловеческое, в котором много человеческого, мы все-таки посмотрим и на то, что в церковной вере осталось Божьего. В этом и была задача нашей работы: обосновать со стороны человеческого знания ту веру людей в библейского Бога, которую сохранила и пронесла христианская Церковь. Благодарение Богу, у нас есть и само Священное Писание, и нам известен контекст его появления. Как в природе, так и в религиозной истории человечества есть свой замысел и свои закономерности его развертывания, которые, надеемся, нам удалось уяснить, хотя бы отчасти. Познание чужого замысла, особенно Высшего Замысла, по идее, призвано дать нам надежду и компас.

Обнаружив Замысел, мы не утверждаем, что до конца его поняли. Более того, даже знание уроков истории никак не может нас избавить от необходимости решать наши собственные задачи, которые ставятся нам в рамках того же общего Замысла, и не повторяют задач, уже решенных нашими предками.

Но в своей жизни каждый из нас может отчасти повторить и одну важную сторону в духовном пути Иова. Когда Бог показывает ему мироздание, недоступное человеческому познанию и управлению, но полностью подвластное Богу, - Иов от одного только этого осознания величия Замысла вполне основательно признает, что он увидел Бога своими глазами (см.: Иов 42, 5).

Теми же глазами постараемся увидеть Бога и мы. Знание замысла, признание замысла добрым – это уже очень важное основание для благой надежды.